

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг. ¹⁾.

I.

Предисловіе по большей части бывает ничтожное, надоѣло всѣмъ и рѣдко еѣмъ читается. Оно знакомитъ читателя съ авторомъ, а этотъ старается приманить къ себѣ вниманіе публики, что тоже случается рѣдко. Я, безъ рекомендаціи, приступаю прямо къ дѣлу.

Почитаю также нужнымъ вератцѣ познакомить читателя съ фамиліей моею. Фамилія дѣда моего, со стороны отца моего, была de St. Glin, женатый на дѣвицѣ de Lortal. Оба проживали въ помѣстьѣ своемъ, приписанномъ къ епархіи Эръ (Diocèse d'Air), городкѣ на берегахъ Адуръ. По родству съ маркизами De Seguin, старшій сынъ дѣда моего поступилъ въ военную службу и былъ, въ началѣ революціи, бригаднымъ генераломъ въ арміи короля французскаго, а младшій сынъ, отецъ мой, назначался въ духовное званіе, по тогдашнему постановленію, и потому поступилъ въ монастырь, которому дана была небольшая дача (мыза), но

¹⁾ Записки Я. И. де-Санглена (давно уже покойнаго), писаны имъ въ 1860 году и доведены только до 1831 года. Рукопись передана въ нашу собственность генералъ-лейтенантомъ Модестомъ Ивановичемъ Богдановичемъ, 7-го іюля 1882 г., въ Ораніенбаумѣ. Высокоуважаемый историкъ, уже лежа на смертномъ одрѣ, пригласилъ насъ посѣтить его и, сказавъ намъ много добраго и хорошаго о нашемъ изданіи „Русская Старина“, передалъ этотъ манускриптъ. Нѣсколько дней спустя, М. И. Богдановича не стало.

Ред.

вѣроятно монашеская жизнь отцу не понравилась; онъ бѣжалъ изъ монастыря и чрезъ Испанію и Англію прибылъ въ Парижъ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ *chevalier de la Paugé*. Отецъ мой желалъ тотчасъ вступить въ военную службу, встрѣтились затрудненія, и онъ явился капитаномъ въ королевскихъ мушкетерахъ. Здѣсь поссорился онъ съ какимъ-то знатной фамиліи офицеромъ, который упрекалъ ему бѣгствомъ его изъ монастыря. Слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой секунданта былъ тотъ-же *chevalier de la Paugé*. Отецъ мой убилъ своего соперника и вынужденъ былъ, оставя отечество, переимѣнить свою фамилію; это и есть теперешняя моя. Онъ и *chevalier* прибыли оба въ гостепріимную Россію. Отецъ мой, чрезъ нѣсколько времени, получилъ изъ отчества своего тридцать тысячъ рублей и въ 1775 году женился въ Москвѣ на дѣвицѣ de Brosas.

Плодъ сего брака въ 1776 г. былъ я.

Къ крайнему моему сожалѣнію, всѣ документы, которые я читалъ у матери моей, сгорѣли въ 1812 году, съ прочими вещами, въ домѣ зятя моего Якова Ивановича Роста, вмѣстѣ съ домомъ его. Прочія извѣстія получилъ я отъ самаго *chevalier de la Paugé*, который пережилъ отца моего, послѣ котораго я остался четырехъ лѣтъ. Мать моя осталась вдовою 19-ти лѣтъ, была собою прекрасная, съ возвышеннымъ характеромъ и необычайною твердостію духа. Она держала меня строго и не помню, чтобы она выказала мнѣ хоть малѣйшую ласку. Теперь, по истеченіи болѣе 50-ти лѣтъ, сынъ ее вспоминаетъ съ слезою благодарности; она врѣзала въ мое юное сердце понятіе о чести и презрѣніе ко всему низкому, была первою моею наставницею. На восьмомъ году отдала она меня въ пансіонъ къ г. Келлеру, у котораго были уже два пансіонера: Алексѣй Майковъ и Николай Ѳедоровичъ Хитрово. Матушка моя, недовольная малыми моими успѣхами, рѣшилась отправить меня во Францію. Началась переписка съ моими родственниками въ 1787 году. Дядя мой и тетка, сестра его, приглашали меня къ себѣ и брали совершенно подъ свою опеку. Пока переписывались, вспыхнула революція. Дядя мой, равно и другіе приверженцы законной власти, положили голову свою на плахѣ. Мать моя, устрешенная буйными порывами революціи, отмѣнила первый планъ и отправила меня въ Ревель, гдѣ славилась тамошняя гимназія. Тогда еще Ревель

былъ городомъ нѣмецкимъ, и я, не зная ни слова на нѣмецкомъ языкѣ, въ первый годъ моего ученія, былъ въ крайнемъ затрудненіи. Профессора отчаявались, могу-ли я чему нибудь порядочно выучиться. Странный случай развилъ мои способности. Я, двѣнадцати-лѣтній мальчикъ, страшно влюбился въ 25-ти-лѣтнюю дочь моего профессора. Она была довольно умна, объявивъ мнѣ, что тогда только будетъ мнѣ платить взаимностію, когда я буду хорошо учиться. Это подстрекнуло меня и возбудило желаніе прилежать болѣе и болѣе. Въ 4 года прошелъ я всѣ классы съ похвалою, и наконецъ въ послѣднемъ, высшемъ, получилъ за блистательные успѣхи серебряную шпагу. Весь Ревель обратилъ свое вниманіе на это маленькое чудо; князь Николай Васильевичъ Репнинъ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ въ Ревель. Онъ посѣтилъ гимназію, и я имѣлъ честь поднести ему на бѣломъ атласѣ печатные стихи моего сочиненія. Это первое произведеніе музы моей утрачено, кажется, невозвратно, ибо и самъ авторъ не можетъ вспомнить ни одного стиха изъ этой оды, которая доставила ему честь обѣдать у князя, въ Екатериненталѣ, со всею Ревельскою знатію того времени. Маіору Энгелю, адъютанту князя, поручено было меня угощать. По окончаніи стола, князь приказалъ позвать меня къ себѣ. Онъ вторично благодарилъ меня за поднесенную ему оду и отпустилъ съ сими словами, которыя врѣзались въ память мою: „Надѣюсь, что поощреніе, котораго вы были удостоены, будетъ причиною усовершенствоваться въ наукахъ“.

Комендантъ Кохіусъ, губернаторъ баронъ Врангель и прочіе, всѣ приглашали меня на обѣды, даваемые князю. Я вездѣ являлся во фракѣ, со шпагой на боку, и едва ли кто былъ счастливѣе меня! Между тѣмъ та, которая была виновница моей славы, вышла замужъ, и не знаю, съ отчаянія-ли, я написалъ сатиру на всѣхъ профессоровъ, полагая себя умнѣе и гораздо важнѣе ихъ, или изъ желанія носить мундиръ, не помню, но подалъ прошеніе въ службу, не испрося на это согласія матери моей; такъ ослѣпила меня слава, и я исполненъ былъ самонадѣянности.

II.

Въ 1793 году, въ декабрѣ, я принятъ былъ въ службу прапорщикомъ и опредѣленъ переводчикомъ въ штатъ вице-адмирала Спиридова. Здѣсь останавливаюсь я, и только о тѣхъ моментахъ писать буду, которые имѣли вліяніе на будущую судьбу мою.

Сперва опишу молодого прапорщика, который, съ малыми отгѣнками, по мѣрѣ лѣтъ и опытности, остался неизмѣненъ въ характерѣ своемъ. Я всегда былъ здоровья слабаго, темперамента пылкаго, воображенія пламеннаго. Въ бездѣлицахъ суетливъ, въ важныхъ случаяхъ холоденъ, покоенъ. Страстно всегда любилъ науки и никогда не переставалъ учиться. Въ душѣ всегда былъ христіанинномъ, однако же не покорялся слѣпо многимъ обычаямъ, но всегда былъ жаркимъ антагонистомъ противниковъ религій. Любилъ новое свое отечество Россію, чтилъ государыню высоко, всѣмъ людямъ безъ изъятія желалъ добра, но всякое добро, мною сдѣланное, обращалось мнѣ во вредъ, можетъ быть отъ того, что каждый поступокъ мой былъ съ примѣсю тщеславія и себялюбія. Былъ обходителенъ, не всегда скромненъ, дѣлилъ послѣднее съ ближнимъ, рѣдко съ кѣмъ ужиться могъ, надѣдалъ часто и семейству своему, и (бывало) увижу только малѣйшее неблагородство, вспыхну, выхожу изъ себя. Подобный характеръ сдѣлалъ изъ меня какое-то существо, противорѣчащее всѣмъ и самому себѣ. Съ начальниками, кромѣ адмирала Спиридова, былъ вѣчно въ ссорѣ. Только что увижу темную сторону, человекъ, какъ-бы онъ высоко не стоялъ, мнѣ огадится, и я въ подобныхъ случаяхъ не умѣлъ даже въ предѣлахъ должнаго приличія оставаться. Величайшее мое искусство было всегда быть безъ денегъ и казаться богатымъ. Отчего? Петля на шеѣ, подавляю свое горе, не сообщаю никому, что нѣтъ ни гроша, но только появилась копѣйка—обѣдъ или вечеринка, а потомъ сажаю всѣхъ и себя на Антоніевскую пищу до появленія новой копѣйки. Никогда не былъ такъ здоровъ, бодръ духомъ и свѣжъ умомъ, какъ въ несчастіяхъ, въ преслѣдованіяхъ всякаго рода, и проч. Такъ что пріатели мои, въ числѣ которыхъ былъ и Николай Алексѣевичъ Полевой, желали мнѣ бѣды, утверждая, что только въ подобныхъ случаяхъ виднѣнъ духъ мой. Въ мирномъ положеніи я скученъ, недоволенъ собою и другими, въ свалкѣ

съ судьбою все хорошо. Враговъ своихъ любилъ, почитая ихъ лучшими своими пріятелями, стражею у воротъ моей добродѣтели, ибо исправлялъ себя, видя свои недостатки. Величайшая вина моя состояла въ томъ, что я до позднихъ лѣтъ не вникалъ въ жизнь, принималъ каждаго человѣка за такового-же прямодушнаго, каковъ былъ самъ, и шелъ впередъ, основываясь на правотѣ своей, безъ оглядки. Искренно вѣрилъ добру и нигдѣ не подозрѣвалъ зла. Предпочиталъ честь, даже страданіе, за истину святую, всѣмъ благамъ міра. За обиженныхъ, невинныхъ, стоялъ я грудью, но защищая ихъ слишкомъ не скромно, пыталъ гг. утѣснителей, великихъ земли сей. Эти недостатки изолировали меня отъ прочихъ людей, навлекли кучу враговъ, подвергли ужаснѣйшей клеветѣ; но не могли поколебать желѣзной воли моей.

Я любилъ женщинъ до обожанія и не смѣю о нихъ умолчать. Онѣ слишкомъ великую роль играютъ въ жизни моей до самыхъ позднихъ лѣтъ. Находясь съ-молоду на землѣ рыцарской, былъ я рыцаремъ и трубадуромъ, а женщины возвышали духъ мой. Въ то время, онѣ поистинѣ были нашими образовательницами; рекомендація ихъ чтилась высоко. Какъ принять онѣ въ обществѣ дамъ? былъ столь-же важный вопросъ, какъ нынѣ—богаты-ли онѣ? Дамы получали эти вѣжливости, возжигали въ душѣ стремленіе перешеголять другихъ людей не чинами, не скопленіемъ неправедныхъ богатствъ, а возвышенностію духа. Увидимъ: соответствовали-ли молодой прапорщикъ урокамъ своихъ милыхъ наставницъ?

Начальникъ мой былъ сынъ того славнаго адмирала Спиридова, который сжегъ турецкій флотъ подъ Чесмой. Огорченный предпочтеніемъ, оказаннымъ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову наименованіемъ его графомъ Чесменскимъ, недовольствуясь собственнымъ сознаніемъ великаго дѣла, дерзнулъ онъ повергнуть къ стопамъ Великой Екатерины сдѣланную ему обиду и просилъ въ отставку. Симъ проступкомъ руководило чувство благородное, но онъ былъ не скромнѣе и не великодушенъ. Императрица не могла переѣмнить разъ уже сдѣланнаго, тѣмъ болѣе, что графъ Орловъ, зналъ-ли морское дѣло, или нѣтъ, однако былъ назначенъ главнымъ начальникомъ флота, а у насъ обыкновенно люди награждаются не по знанію, не по достоинству, а по назначенію и старшинству. Императрица оскорбилась этимъ поступ

комъ и по желанію отставила его отъ службы. Спиридовъ умеръ, томимый честолюбіемъ, въ Москвѣ, съ убѣжденіемъ, что поступилъ какъ должно благородному человѣку.

Тогда малѣйшее предпочтеніе, оказанное другому не за истинныя заслуги, а по фавёру, заставляло обиженнаго немедленно подать въ отставку. Благородное это упрямство цѣнилось высоко въ царствованіе Великой Екатерины, и даже въ первый годъ восшествія на престолъ Павла. Впослѣдствіи времени этотъ и всякій *point d'honneur* исчезъ почти навсегда, или по крайней мѣрѣ сдѣлался очень рѣдокъ.

Начальникъ мой, Алексѣй Григорьевичъ Спиридовъ, былъ человѣкъ, одаренный всѣми доблестями мирнаго гражданина. — Образованъ, скромнъ, безкорыстенъ, готовый на услугу, на добро, былъ отличный сынъ, мужъ, отецъ, и до такой степени дорожилъ честью, что едвали она ему не дороже была самой жизни. Безкорыстіе его доходило до того, что проживая въ казенномъ домѣ, на такъ называемомъ шведскомъ рынкѣ, онъ, при умноженіи семейства, находя квартиру свою слишкомъ тѣсною, вздумалъ воспользоваться пустымъ мѣстомъ, выходящимъ на самый рынокъ. Онъ имъ воспользовался, отстроилъ три комнаты на собственный счетъ, и даже отапливалъ ихъ собственными дровами, чтобы не быть казнѣ въ тягость. При входѣ въ военную гавань, отдѣленную отъ купеческой, и пройдя мимо караульнаго дома, усмотрѣлъ онъ, что лежавшіе наканунѣ кирпичи, глина, известка и проч. исчезли. Начальникъ мой, обратясь къ караульному офицеру, спросилъ: «куда употреблены матеріалы, которые я вчера здѣсь видѣлъ?» Офицеръ, немного смѣшавшись, отвѣчалъ: «я отпустилъ ихъ капитану NN, который строится». — «А это была собственность ваша?» — Офицеръ молчалъ. «Я увѣренъ — продолжалъ мой начальникъ — что капитанъ NN не успѣлъ вамъ возратить взятаго. Завтра я буду здѣсь и найду вѣрно всѣ матеріалы сполна, но вы видите, какъ мало можно полагаться на исправность пріятелей. Въ другой разъ, не совѣтую вамъ располагать тѣмъ, что вы беречь, а не раздавать обязаны». Этотъ вѣжливый и деликатный выговоръ былъ въ то время ужаснѣе нынѣшняго ареста, который считали посрамленіемъ мундира, и заслужившій оный долженъ былъ, по настоянію товарищей, неминуемо выходить въ отставку.

Служба моя была легка; что поручалъ мнѣ адмиралъ, то исполнялось по возможности со всѣмъ рвеніемъ молодыхъ лѣтъ. Остальное время, имѣя, по кредиту начальника, входъ во всѣ лучшіе дома въ Ревелѣ, я танцевалъ, влюблялся и вообще *il dolce far niente* было девизомъ моимъ. Карты не были тогда въ такомъ сильномъ употребленіи, какъ нынѣ: это была принадлежность стариковъ, пожилыхъ дамъ и людей въ высшихъ чинахъ. Молодому офицеру играть въ карты было также предосудительно, какъ посѣщать бесѣды не аристократическія, или выпить въ компаніи лишнее. И то, и другое затворяло входъ въ лучшее общество. Но жизнь въ большомъ кругу требовала большихъ издержекъ; я задолжалъ. Адмиралъ, узнавъ это, призвалъ меня къ себѣ. „Братъ въ долгъ и не платить есть утонченное воровство—сказалъ онъ; повѣжайте въ Москву къ вашей матушкѣ, повинитесь и просите милости“. Въ тѣ времена отпуски были легки, зависѣли единственно отъ начальника. Я получилъ курьерскую подорожную; адмиралъ снабдилъ меня письмами къ матери своей, къ дядѣ, къ братьямъ, и я отправился чрезъ Псковъ для поспѣшнаго пріѣзда на родину, которую еще порядочно не зналъ. Сборы небогатаго офицера не хлопотливы: чемоданъ, безъ малаго въ полтора аршина длины и аршинъ ширины, бѣлье, шляпа, въ лубочномъ коробѣ, были главными предметами укладки, старый мундиръ на плечахъ офицера, по новѣ въ чемоданѣ и шпага на боку, оцинный тулупъ, покрытый толстымъ сукномъ, не отягощали перекладныхъ саней и не обременяли лошадей. Но какъ дорога была довольно продолжительна и скучна, и ничего замѣчательнаго не случилось, то я приступаю къ своему разсказу.

III.

Въ первыхъ числахъ генваря 1795 года, я ввалился въ Москву и подъѣхалъ къ крыльцу дома матери моей ¹⁾, на Тверской, надѣясь самолюбиво на радушный пріемъ и радость матери, послѣ продолжительной разлуки, видѣть сына молодого, и, какъ говорили, хорошенкаго прапорщика.

Съ тѣмъ вмѣстѣ восхищался поближе узнать родину мою

¹⁾ Мать моя, во время отсутствія моего, вторично вышла замужъ за полковника Шефера и была въ перепискѣ съ однимъ торговымъ домомъ въ Ревелѣ, отъ котораго знала все то, что творилъ сыночекъ ея.

Москву; но едвали не была главная цѣль поѣздки исправить мои финансы и установить годовой мой бюджетъ.

Доложили, заставили ждать съ полчаса, которые показались мнѣ сутками, наконецъ выпустили. Я побѣжалъ къ рукѣ матери моей, но она меня остановила, сказавъ: „Ты не къ матери пріѣхалъ, а къ шкатулкѣ моей. Не стыдно-ли офицеру имѣть такъ мало амбиціи? Онъ долженъ предпочесть смерть всякому унижительному поступку“. Слова эти такъ меня поразили, что неволью слеза выкатилась изъ глазъ. „Вотъ слѣдствіе, продолжала она, легкомысленныхъ твоихъ поступковъ; теперь пробудилось оскорбленное самолюбіе и офицеръ плачетъ. Не хочу тебя видѣть; поѣзжай куда хочешь; я безъ позволенія мужа моего не могу тебя принять“, и вышла изъ комнаты. Боже мой! Какой урокъ! И свидѣтелями были наши крѣпостные люди. Я сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ опять въ перекладныя сани и велѣлъ ѣхать въ Нѣмецкую Слободу, думая, можетъ быть, найти пріютъ у матери моего адмирала. Закутавшись въ тулупъ, предался я горькимъ размышленіямъ. Признаюсь, сперва оскорбился я жестосердіемъ матери, которая, не выдавъ нѣсколько лѣтъ сына, отказала ему въ пріютѣ, и еще какъ! Жестоко страдало самолюбіе; но дорога съ Тверской въ Нѣмецкую Слободу довольно пространна, особенно на усталыхъ лошадяхъ, я имѣлъ слѣдовательно время все обдумать похладнокровнѣе, и къ стыду моему долженъ былъ сознаться, что прискакалъ болѣе изъ желанія получить денегъ, нежели по чувству сыновней любви. Нынѣ, когда мать моя слишкомъ 50 лѣтъ пожится въ землѣ, благодаренъ я за урокъ, который возвысилъ духъ мой и отстранилъ отъ меня малѣйшую низость. Правда, часто пересаливалъ я самое благородство, но за то не унижался, не ласкалъ порока, не искалъ такъ называемаго внѣшняго счастья, которое могло лишить меня того внутренняго спокойствія, которое, утративъ разъ, возстановить трудно. Сердечно благодарю тебя, незабвенная мать моя, за этотъ практическій урокъ, который подѣйствовалъ сильнѣе всѣхъ теоретическихъ преподаваній тогдашнихъ профессоровъ.

Доѣхавъ до такъ называемаго Разгуляя, я велѣлъ остановиться и спросилъ перваго проходящаго человѣка: не знаетъ-ли онъ гдѣ домъ Нестерова? Это былъ дядя моего начальника. „Я, сударь, отвѣчалъ онъ, ихъ человѣкъ; если угодно будетъ, я васъ провожу“,

и сѣлъ на облучекъ. Почему я спросилъ домъ Нестерова, а не Спиридова, куда намѣревался ѣхать? Кто мнѣ скажетъ? Что за неизъяснимый міръ заключается въ человѣческомъ сердцѣ! Есть, кажется, въ человѣкѣ какой-то внутренній голосъ, который напевываетъ ему благое. Если послушаемся его, все пойдетъ ладно; но когда умствование, самолюбіе, заставляютъ его поступить вопреки этому предостерегательному голосу, то все пойдетъ на-перекорь. По крайней мѣрѣ, я часто испытывалъ это на себѣ и слышалъ отъ другихъ: „вѣдь крайне не хотѣлось, виновать, не послушался тайнаго голоса, сожалью“. Ямщикъ, по указанію человѣка, своротилъ съ большой Нѣмецкой улицы налѣво, и сани подкатили къ подъѣзду большаго барскаго дома. „Мы пріѣхали“, сказали тотъ-же человѣкъ, соскочивъ съ облучка.

Провели меня чрезъ большую залу, двѣ гостинныя и наконецъ въ диванную, гдѣ все семейство сидѣло около чайнаго стола. Это было около 10 часовъ утра. Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ фізіономіей, внушающей почтеніе, всталъ съ креселъ и спросилъ меня, кого вамъ угодно? — Его превосходительство Александра Матвѣевича Нестерова. — Это я! отвѣчалъ онъ. Я вручилъ ему письмо моего начальника. — Прошу садиться, сказалъ онъ, и пошелъ въ кабинетъ. Почтенная старушка, супруга г. Нестерова, на лицѣ которой сохранились еще остатки бывшей красоты, привѣтствовала меня ласково и посадила подлѣ себя. Всѣ распрашивали меня о моемъ начальникѣ, о Ревельскомъ житіи. Все дышало здѣсь спокойствіемъ, счастьемъ, древнею патріархальною жизнью, которую нынѣ напрасно искать будемъ. Меня подчивали, разговоръ оживлялся болѣе и болѣе, и чрезъ нѣсколько времени я уже сдѣлался какъ будто давнишнимъ знакомымъ. Теперь возвратился и хозяинъ, который, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „вашъ начальникъ относится объ васъ такъ лестно, что отзывъ его такому молодому человѣку, какъ вы, дѣлаетъ много чести. Но гдѣ остановились вы?“ Я сперва не зналъ что отвѣчать; наконецъ, ободрясь, признался откровенно, что еще не знаю. „Остановитесь у насъ; дѣти! прибавилъ онъ, у васъ комнатъ много, уступите ему одну“. Не дождавшись моего отвѣта, новые мои знакомые повели меня къ себѣ и предоставили выборъ комнаты. Я былъ такъ тронутъ этимъ обязательнымъ привѣтствіемъ, что когда сказали: выберите любую комнату, я едва отвѣчать могъ: „какъ и

гдѣ вамъ угодно“. Они дѣйствовали за меня; велѣли принести мои пожитки, и увидя одинъ чемоданъ, въ сопровожденіи котораго не было даже подушки, — „вы вѣрно пріѣхали курьеромъ?“ спросилъ улыбаясь старшій сынъ. „Точно такъ“, отвѣчалъ я, и показалъ дорожную. „Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, мы найдемъ для васъ нужное“; и на ухо отдалъ приказаніе своему камердинеру.

Едва успѣли мы кое-что уладить, установить, какъ позвали насъ къ бабушкѣ. „У васъ вѣрно есть письмо къ сестрѣ моей, матери вашего адмирала, поторопитесь его доставить“, и обратясь къ старшему сыну, сказалъ: „Афанасій! свези его къ теткѣ Аннѣ Матвѣевнѣ“. Ея домъ тоже находился въ Нѣмецкой Слободѣ и не далеко отъ дома г. Нестерова.

Я облекся во всю форму и вытянулся предъ матерью моего начальника; она была дама роста не высокаго, съ лицомъ еще свѣжимъ, съ пріятливой улыбкой; глаза ея горѣли какъ огонь, обнаруживая умъ и проникательность. Начальникъ мой былъ очень похожъ на мать свою: тотъ же ростъ, тѣ же глаза, та же физіономія, та же пріятливая улыбка, и еслибъ я встрѣтился съ ней случайно, то немедленно принялъ-бы ее за сестру или за мать его. „Что дѣлаетъ мой Алексѣй?“ спросила она, и я вынужденъ былъ до самой мелочи рассказывать про житье-бытье и семейство моего начальника. Побраня меня, что я не прямо къ ней пріѣхалъ, прибавила: „но тебѣ у брата будетъ веселѣе; тамъ молодыхъ людей много, а мы здѣсь все старики. Чтобъ намъ видѣться почаще, экипажъ мой будетъ всякій день съ утра у крыльца брата моего“. Проводникъ мой, Афанасій Александровичъ, подхватилъ было: „и у насъ за экипажемъ дѣло не станетъ“. — „Пустяки, прервала она его; вы начнете его разваживать по Москвѣ, а я его не увижу. Ко мнѣ пріѣзжай во всякое время, хоть каждый день, обѣдать, прибавила она, а въ воскресенье непременно; если-же тебѣ что нужно будетъ, смотри, погрозила она, меня не обѣгать“.

Семейство г. Нестерова состояло изъ четырехъ сыновей и столькихъ-же дочерей и одной дальней племянницы. Старшій сынъ, Афанасій, служилъ въ гвардіи, теперь былъ въ отставкѣ подполковникомъ; второй, Матвій, состоялъ на службѣ гвардіи капитаномъ; третій, Михайло, служилъ тоже въ гвардіи прапорщикомъ; младшій состоялъ въ кирасирскомъ полку графа Салтыкова

корнетомъ. Всѣ въ прѣздѣ мой были на лицо. Изъ дочерей ни одна еще въ замужество не вступала. Старшіе два брата путешествовали почти по всей Европѣ, шли съ образованіемъ своего вѣка; остальные братья и сестры не далеко отставали отъ нихъ. Если присовокупить къ тому пріѣзливость, простодушіе стариковъ (отца и матери), любезность сыновей, кротость дѣвицъ, тѣснѣйшую дружбу, соединявшую всѣхъ между собою, непритворное почтеніе дѣтей, любовь отца и матери къ дѣтямъ, доброе расположеніе къ людямъ вообще, то едва-ли теперь найдется что-либо похожее на древнюю патриархальную русскую жизнь въ Москвѣ. Тогда всѣ полагали, что на семейномъ союзѣ и домашнемъ воспитаніи основаны силы и спокойствіе государства, и что правила, чувства, примѣры отцовъ усугубляютъ любовь къ Царю и Отечеству, переходятъ какъ наслѣдственное достояніе отъ одного поколѣнія къ другому, служатъ даже образцомъ и для другихъ сословій. Дѣйствительно, жизнь тогда была болѣе практическая; идей въ обращеніи было менѣе, чѣмъ нынѣ, и самое это малое число безъ фактовъ ставилось ни во что. Молодые люди, носящіе мундиръ военный, сближаются легко, и наша дружеская связь росла со дня на день, или лучше, съ часу на часъ. Мудрено-ли, что съ такихъ людей, каковы были Нестеровы, старался я перенимать все то, чего, мнѣ казалось, еще недоставало. Какъ не согласиться съ тѣмъ авторомъ, котораго имя запомнилъ, утверждавшимъ, что мы по перенимчивости находимся въ близкомъ родствѣ съ обезьянами, но съ тѣмъ различіемъ, что перенимаемъ не все, какъ обезьяны, а только то, что намъ нравится. Встрѣтя въ моихъ товарищахъ нѣчто возвышеннѣе того, чего не находилъ въ себѣ, я принялъ ихъ образъ мыслей и манеры, даже влился въ ихъ духъ богатаго барина и такъ ловко, что часто въ продолженіи жизни, не имѣя въ карманѣ рубля, казался всегда если не богатымъ, то по крайней мѣрѣ человѣкомъ достаточнымъ. Сильно, тоже, подѣйствовало на меня то, что, сближаясь болѣе и болѣе съ моими товарищами, я замѣтилъ ихъ безденежность, среди полного довольства въ домѣ; а вели (они) себя, какъ будто карманы ихъ наполнены червонцами. Причина денежнаго недостатка у дѣтей была слѣдующая: тогда дѣти довольствовались опредѣленнымъ родителями ежегоднымъ содержаніемъ, доучать родителямъ просьбами почиталось унижительнымъ. Самый незначительный пода-

рокъ, сдѣланный родителями дѣтямъ, принимался съ живѣйшимъ чувствомъ. Помню, какъ въ день рожденія, отецъ подарилъ сыну, гвардіи капитану, 25 рубл. асс., и онъ принялъ оные съ непритворнымъ чувствомъ благодарности. Не дорогъ подарокъ, говорили тогда, а дорого родительское вниманіе. Теперь понялъ я, почему мать моя такъ оскорбилась прїѣздомъ моимъ, предпринятымъ единственно изъ желанія получить денегъ.

Меня возили по роднымъ, знакомымъ и по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ; словомъ—знакомили съ Москвою, ея достопамятностями, обычаями, нравами. Ничто меня такъ не поразило, какъ первый мой вѣздъ въ благородное собраніе: все показалось мнѣ волшебствомъ, а я самъ обвороженнымъ. Блескъ золота, серебра, брилліантовъ, удивительное освѣщеніе, кавалеры въ мундирахъ, шелковыхъ чулкахъ, *grande tenue*; дамы въ брилліантовыхъ діадемахъ, цвѣтахъ, въ самыхъ богатыхъ нарядахъ, до двухъ тысячъ людей въ собраніи; все это должно было поразить провинціала, видѣвшаго это въ первый разъ. Присовокупите къ тому самую утонченную вѣжливость, улыбку удовольствія на лицахъ всѣхъ, снисходительность стариковъ къ младшимъ, почтеніе послѣднихъ къ первымъ, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о благородномъ собраніи 1795 года. Чтобы описать этотъ очаровательный поэтический міръ, эту благородную свободу въ обращеніи, оживлявшую всѣхъ, нужно перо искуснѣ моего. Я уже не говорю о томъ количествѣ большихъ заслуженныхъ баръ, которые, какъ древніе полубоги, посѣщали эти собранія, и примѣромъ своимъ научали молодыхъ вѣжливости и снисходительности.

Говоря объ этихъ временахъ, объ этой свободѣ мышленія, дѣйствій, казалось, что все общество держалось единственно общественнымъ духомъ, который основывался на уваженіи къ старшимъ, нравственности и чести. Бѣлая часть офицеровъ отпускалась начальниками безсрочно; бралась только подписка, что по первому востребованію, они поспѣвать къ своимъ командамъ. Я не знаю, случалось-ли когда-либо, чтобы кто изъ насъ, хотя однимъ днемъ, запоздалъ. Такова была во всѣхъ амбіція, честь, этотъ *point d'honneur*, который страшился выговора, а арестъ—сохрани Боже! онъ почитался посрамленіемъ званія; и оставаться въ томъ полку или командѣ уже было невозможно. Тому споспѣшествовала, кажется, тогдашняя поговорка: пусть на мундирѣ вид-

на будетъ нитка, но чести долженъ офицеръ имѣть на нѣсколь-
ко пудовъ. Честь, амбіція, point d'honneur, были въ сердцахъ
всѣхъ, но всего сильнѣе—военныхъ. Тогда ни единый дворянинъ
не начиналъ службы съ коллежскаго регистратора, развѣ боль-
ной; горбатый, и проч. и переходилъ въ статскую, по крайней
мѣрѣ, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, чего добиваться было не такъ
легко (?). Казалось, военная кровь кѣпѣла во всѣхъ, и общее
мнѣніе было: кто не начиналъ съ военной службы, тотъ никогда
порядочнымъ человѣкомъ не будетъ, развѣ только подъячимъ.

Всякое воскресенье, мы обѣдали у матери моего начальника,
гдѣ собирались всѣ родные и нѣсколько людей постороннихъ.
Здѣсь соблюдался тотъ-же этикетъ, какъ въ благородномъ собра-
ніи. Надо было видѣть это почтеніе къ старшимъ въ родѣ. Сынъ,
не взирая на лѣта, на чинъ, былъ равенъ, въ нѣкоторомъ отно-
шеніи, съ сыномъ недорослемъ. Сенаторъ М. Г. Спиридовъ при-
ѣзжалъ въ воскресенье къ матери обѣдать въ мундирѣ и лентѣ че-
резъ плечо. Онъ любилъ послѣ обѣда выкурить трубку; матуш-
ка табачнаго запаха не жаловала; онъ послѣ обѣда уходилъ въ лакей-
скую, отворялъ форточку и окруженный двадцатью и болѣе ла-
кеями, почтительно стоявшими предъ нимъ, выкуривалъ трубку.
Супруга его, урожденная княжна Щербатова, дочь нашего исто-
риографа, никогда не приѣзжала безъ шифра. Всѣ гости подчи-
нялись тому-же порядку, и горе тому, который вздумалъ-бы оный
нарушить. Перенимая все, перенялъ я и это: всякое утро приѣз-
жалъ я къ матери моей во всей формѣ, отъ нея ѣздилъ къ ма-
тери моего начальника. Мать моя, видя ежедневную мою повор-
ность и безропотное повиновеніе, смягчалась и уже при отъѣздѣ днев-
номъ говорила: „ты завтра будешь-ли, мой другъ?“ Когда я привезъ
эту вѣсть моимъ товарищамъ, они бросились мнѣ на шею, цѣловали,
радовались не менѣе моего. „Оборони Боже, говорили они, несть
на себѣ гнѣвъ родительскій; какого тутъ счастья ожидать?“

Всѣ московскіе аристократы обѣдали тогда въ 2 часа и ни-
кого къ обѣду не поджидали; „каждый, говорили, долженъ знать
часъ, въ который хозяева обѣдаютъ, опаздывать неприлично и
невѣжливо“. Обѣды роскошествовали числомъ блюдъ; за столомъ
почти каждого собесѣдника стоялъ лакей въ ливреѣ. Немудрено:
тогда дворовыхъ считалось въ домѣ до ста и до двухъ сотъ че-
ловѣкъ. Говорили, что во время погребенія графа Петра Борисо-

вича Шереметева, всѣ дворовые, въ числѣ болѣе пятисотъ чело-
вѣкъ, шли за гробомъ въ траурныхъ кафтанахъ и заключали це-
ремоніаль погребенія. При столѣ заправлялъ всѣмъ столовый дво-
рецкій, причесанный, напудренный, въ шелковыхъ чулкахъ, баш-
макахъ съ пряжками и золотымъ широкимъ галуномъ по кам-
золу; ешанье разносили официанты, тоже напудренные, въ тон-
кихъ бумажныхъ чулкахъ, башмакахъ и съ узенькимъ по кам-
золу золотымъ галуномъ. Должно было удивляться порядку, ти-
шинѣ и точности, съ которыми отправлялась служба за столомъ.
Все это въ уменьшительной степени соблюдалось и въ домахъ
дворянскихъ средняго состоянія. Тянутся за богатыми было
всегда болячкой людей менѣе богатыхъ. На балъ собирались, въ
благородное собраніе, въ 7 часовъ, а въ партикулярныхъ домахъ
въ 6, и оставались до 2, 3, а у Волинскаго до утра. Въ сало-
гахъ танцовать не позволялось, почиталось неуваженіемъ къ да-
мамъ. Балъ открывался минуэтомъ; особенно въ чести былъ
ménuet à la Reine; потомъ торжественно выступалъ длинный
польскій, въ первыхъ парахъ магнаты, а за ними слѣдовала пу-
блика. Танцевали иногда и круглый польскій, потомъ начинались
англезы, среди которыхъ примѣшивалась хлопущка, потомъ ка-
дрили съ вальсомъ, и особенно трудный своими прыжками фран-
цузскій кадрили, отличавшійся своими *contre-tems en avant*, *contre-*
tems en arrière, *pas de pigeon*, и пр. Балъ заключался шум-
нымъ *à la Grecque*, или гроссъ-фатеромъ, введеннымъ, какъ
утверждали, плѣннымъ шведскимъ вице-адмираломъ графомъ
Вахтмейстеромъ.

По окончаніи широкой веселой масляницы, всѣхъ маскерадовъ,
публичныхъ и партикулярныхъ, непрерывныхъ катаній по ули-
цамъ, послѣ завтраковъ *déjeuners dansants* у Волинскаго, обѣ-
довъ, ужинцовъ, гдѣ первое мѣсто занимали разнородные блины,
получилъ я, на первой недѣлѣ Великаго поста, повелѣніе возвра-
титься въ Ревель, но чрезъ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ ис-
полнить нѣкоторые порученія моего начальника.

Думать было нечего; какъ ни жалко разставаться съ Москвою,
а ѣхать должно.

Какъ будто въ знакъ памяти, новые мои знакомые, родственники
моего начальника, особенно Нестеровы, снабдили меня разными
вещами: скромный мой ревельскій чемоданчикъ замѣненъ былъ

другимъ и могъ уже дорогой служить мнѣ тюфякомъ. И съ какою деликатностію все сдѣлано было! Я не прежде узналъ о своемъ богатствѣ, какъ по возвращеніи въ Ревель.

Добрые, безцѣнные люди! Васъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Заросла, забыта хладная могила ваша; но есть еще сердце благородное, которое съ горячністію вспоминаетъ объ васъ, о ласкахъ вашихъ, которые онъ вполнѣ цѣнитъ и чувствовать умѣетъ, и нѣкогда, по окончаніи земнаго бытія, тамъ, какъ на этихъ страницахъ, о васъ свидѣтельствовать будетъ!

Послѣдній вечеръ въ Москвѣ провелъ я у матери моей по ея приглашенію. Никогда не была она ко мнѣ такъ милостива, ласкова, даже предупредительна, какъ въ этотъ вечеръ. Тѣмъ тяжелѣе для меня была разлука. Въ полночь, подошелъ я къ ней проститься: „а сядь-же, сказала она мнѣ, потомъ встанемъ и помолимся, чтобы Богъ далъ тебѣ счастливый путь“. Настала минута разлуки: „прощай, мой другъ“, продолжала она, и слеза навернулась на глазахъ ея; у меня катились онѣ невольно. „Можетъ быть это послѣднее свиданіе, сказала она, кто знаетъ? Общай мнѣ, какъ ни была-бы тяжела судьба твоя, переносить все съ твердостію и содержать въ памяти, что Богу Сердцевѣдцу все извѣстно; мысль эта не допустить тебя ни до чего низкаго и возвыситъ духъ твой“. Я обѣщался свято исполнить ея приказаніе. Она прижала меня къ груди своей. „Прощай“, сказала она, слабѣющимъ голосомъ, и я едва поддержать ее могъ; она упала въ обморокъ. Пришедшія на голосъ мой женщины положили ее на канapé и просили меня скорѣе уѣхать, чтобы эта сцена не повторилась. Я поцѣловалъ съ горячністію руку матери моей и поспѣшно сѣлъ въ повозку, которую мать моя мнѣ подарила.

Почувствовала-ли она, что мы разстались навсегда? Она была такъ молода, ей минуло 38 лѣтъ, а мнѣ 19 лѣтъ. „Богъ одинъ руководитъ происшествіями въ жизни“, говорила она, а я прибавляю: „пути Его неисповѣдими“.

Проѣхавъ заставу, простился я мысленно съ Москвою, тоже не зная, что этой пышной, богатой, гостепріимной и патріархальной Москвы я уже не увижу. Въ минуту тяжелой разлуки, человѣкъ утѣшается мыслию: увидимся! и утираетъ навернувшуюся слезу. Чтò было-бы, если-бы книга судебъ отверста лежала предъ

нимъ, и онъ прочелъ-бы, что все то, что ты видѣлъ, чѣмъ восхищался, что полюбилъ, ты болѣе не увидишь. Благодарю Десницу, скрывающую отъ меня будущее! Теперь страдаю однажды; тогда страдалъ-бы мыслію нѣсколько разъ. Міръ этотъ, по законамъ Предвѣчнаго, отжилъ безвозвратно.... Жаль его—кому? мнѣ, и не безъ причины. Почти всѣ тѣ, съ которыми началъ жизнь, учился, служилъ, всѣ лежатъ въ сырой землѣ. Всѣ связи, кромѣ родственныхъ, связи любви, дружбы, товарищества, благодарности, всѣ разъединены холодной рукой смерти; осталось одно скорбное воспоминаніе въ осиротѣвшемъ сердцѣ. Но кто вѣритъ въ Провидѣніе душой сильной, умомъ свѣтлымъ, тотъ легко убѣдится, что невидимая Десница все ведетъ къ лучшему, тайными, иногда и жестокими для насъ, путями.

IV.

Я думалъ пробыть въ С.-Петербургѣ не болѣе трехъ дней, но адмиралъ прислалъ мнѣ отпускъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько комисій. Я развезъ данныя мнѣ въ Москвѣ рекомендательныя письма родственникамъ и другимъ особамъ. Пріемъ былъ холодно-ласковый, и я не нашелъ здѣсь того пріятнаго гостепріимства, того радушія, которыми отличалась Москва. Не менѣе того этимъ рекомендательнымъ письмамъ обязанъ я былъ тѣмъ, что два раза видѣлъ Великую Екатерину. Въ первый разъ, при большомъ входѣ въ церковь.

Она шла медленно, поступь ея была непринужденная, осанка величественная, главу ея украшала маленькая брилліантовая корона. Улыбаясь, кланялась она на обѣ стороны, и улыбка ея выражала милость, соединенную съ величіемъ. Всѣ придворные, шедшіе впереди и за нею, казалось вылиты были изъ золота; а дамы осыпаны брилліантами. Во время шествія ея, дыханіе мое остановилось, все существо мое, казалось, перешло въ глаза. Она прошла, а я все еще стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Мудрено-ли, думалъ я, что императрицу принимаютъ за Бога земнаго? Юпитеръ во дворцѣ своемъ, на Олимпѣ, едва-ли могъ окруженъ быть такимъ великолѣпіемъ и едва-ли внушалъ болѣе благоговѣйнаго вниманія. При видѣ ея, мысль объ осчастливленной

и прославленной ею Россіи пробуждала какое-то чувство гордости быть русскимъ и служить ей.

Во второй разъ видѣлъ я императрицу, сядущую въ сани, чтобы прокатиться. Ее провожалъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Она шла подъ вуалемъ, но и по походу можно было узнать Великую. Я слышалъ голосъ ея. Повелительнымъ, но милостивымъ тономъ, сказала она: „садитесь, князь!“ Долго отзывались звуки этого голоса въ ушахъ моихъ, думаю иногда и теперь ихъ слышать.

Петербургъ не имѣлъ тогда никакого сходства съ патриархальною простотою матушки-Москвы. Тамъ былъ тонъ русской національности, все напоминало древнюю Русь; здѣсь все походило на нѣчто иностранное, чужое; говорили въ обществахъ по французски и только съ подчиненными по русски. Даже и купеческіе дома Бахарахта и проч. подражали этому-же тону. Не оттого ли иностранцы называли Россію очень долго Московіею? Бѣольшую часть всѣхъ разговоровъ занимала Екатерина; она была какъ будто душею всѣхъ частныхъ бесѣдъ; другъ передъ другомъ ревновали пересказывать анекдоты изъ приватной ея жизни, которые и я читателю хочу сообщить для того, чтобы они не пришли въ забвеніе, что достойны быть переданы потомству, и наконецъ потому, что они всѣ служили примѣромъ вельможамъ, отъ нихъ переходили къ подчиненнымъ, а отъ этихъ до низшихъ классовъ. Всѣ ставили въ образецъ ея великодушіе, ея взглядъ на вещи, на предметы, ея окружавшіе, и такимъ образомъ все хорошее распространялось по всей Россіи, перенималось отъ нея.

Роджерсонъ, говорили, предписалъ императрицѣ, для возбужденія аппетита, употреблять передъ обѣдомъ рюмку Гданской (Данцигской) водки. Екатерина послѣдовала совѣту врача. Лечение это производилось съ пользою, уже нѣсколько времени. Однажды Екатерина, шутя, выхваляла пользу и дешевизну леченія. — „Не такъ-то дешево, государыня, отвѣчалъ ей графъ Брюсъ; по счету мундшенка выходитъ всякій день два штофа этой водки“.

— „Ахъ, онъ старичишка! говорятъ императрица; чтò подумаютъ обо мнѣ? Велите позвать“.

Явился сѣдой, согбенный старикъ, котораго имя я запомнила.

— „Сколько выходитъ у тебя, спросила императрица, ежедневно

Гданской водки? — Два штофа, государыня! — „Не грѣхъ-ли тебѣ; могу-ли я два штофа выпить?“

— Выслушайте, матушка государыня, выходитъ иногда и болѣе; ваше величество выкушаете только четверть рюмочки; но только-что выйду отъ васъ; выходитъ дежурный генералъ-адъютантъ. „Дай отвѣдать царской водочки“. Я ему рюмочку. А тутъ дежурные флигель-адъютанты, камергеры, камеръ-юнкеры, глядь штофика-то и нѣтъ. Бѣгу за другимъ; тутъ и Богъ вѣсть, что нахлынетъ, и докторовъ, и лекарей, и проч. Всѣ просятъ отвѣдать царской водочки! Наконецъ возвращаюсь въ буфетъ: семь-ка, и я отвѣдаю царской водочки; позову помощника, — двухъ штофиновъ и нѣтъ!

— „Ну, ну, хорошо, сказала императрица, улыбаясь; смотри только, чтобы болѣе двухъ штофиновъ въ день не выходило“.

Какъ снисходительна она была, а по ней и вельможи, къ неуважительнымъ предметамъ, къ малостямъ, можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Однажды, послѣ обѣда, играла императрица въ карты съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Входитъ дежурный камеръ-пажъ и докладываетъ графу, что зоветъ его стоящій въ караулѣ гвардіи капитанъ.

— Хорошо! отвѣчалъ графъ, и хотѣлъ продолжать игру. — „Что такое?“ спросила императрица. — Ничего, ваше величество! Зоветъ меня караульный капитанъ. — Императрица положила карты на столъ; — „подите, сказала она графу; нѣтъ-ли чего? Караульный капитанъ напрасно не придетъ“. Графъ вышелъ и немедленно возвратился.

— „Что было?“ спросила Екатерина. — Такъ, государыня, бездѣлица; господинъ капитанъ обидѣлся немного. На стѣнѣ, въ караульной, нарисовали его портретъ во весь ростъ, съ длинною восою и со шпагою въ рукахъ, и подписали: транъ-тараранъ, Булгаковъ храбрый капитанъ.

— „Чѣмъ-же вы рѣшили это важное дѣло?“ спросила государыня.

— Я приказалъ, коли портретъ похожъ, оставить, коли нѣтъ, стереть. — Государыня расхохоталась.

Какъ уважала она службу людей, въ какомъ-бы чинѣ они не были, и тѣмъ самымъ заставляла и своихъ вельможъ поступать также, докажетъ слѣдующее: графъ Николай Ивановичъ Салты-

ковъ, по рапортамъ начальствовавшихъ лицъ, представилъ императрицѣ объ исключеніи изъ службы одного армейскаго капитана: „Это что? вѣдь онъ капитанъ, сказала императрица, возвысивъ голосъ. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ, достигъ этого чина, и вдругъ одна ошибка можетъ-ли затмить нѣсколько лѣтъ хорошей службы? Коли въ самомъ дѣлѣ онъ болѣе къ службѣ неспособенъ, такъ отставить его съ честью, а чина не марать. Если мы не будемъ дорожить чинами, такъ они упадутъ, а уронивъ разъ, никогда не поднимаемъ“.

Вечернія бесѣды въ эрмитажѣ назначены были для отдыха и увеселенія послѣ трудовъ. Здѣсь строго было воспрещено малѣйшее умствование. Нарушитель узаконеній этого общества, который написаны были самою императрицею, подвергался, по мѣрѣ преступленій, наказаніямъ: выпить стаканъ холодной воды, прочитать страницу Телемахида, а величайшимъ наказаніемъ было: выучить къ будущему собранію изъ той-же Телемахида 10 стиховъ. Говорятъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ чаще прочихъ подвергался этому наказанію. Но подозрѣвали его въ умыслѣ; восторженная, почти бѣснующаяся его декламація производила смѣхъ и тѣмъ содѣйствовала общему увеселенію. Люди, одаренные особеннымъ талантомъ кривляться, измѣнять свою фізіономію и проч. преимущественно принимаемы были въ члены этого общества. Банджуря спускалъ до бровей натуральные волосы свои, какъ будто парикъ, передвигалъ опять направо, налево и за это почитался капитаномъ общества. Сама Екатерина, умѣвая спускать правое ухо къ шеѣ и опять поднимать вверхъ, признана была поручикомъ общества. Одинъ изъ нихъ умѣлъ натурально представлять косоплапаго, другой картаваго, и т. д. Кто во что гораздъ! Замѣтить должно, что здѣсь не было ни чиновъ, ни титуловъ; всѣ имѣли одно только право веселиться. Ваше величество, ваше превосходительство и прочіе возгласы подвергались наказанію. Такимъ образомъ владычица обширнѣйшей имперіи въ мѣрѣ заставляла другихъ, хотя на нѣсколько часовъ, забывать, что она императрица, а самой ей это напоминало, и гдѣ? во дворцѣ, что она человѣкъ, имѣющій нужду въ свободномъ обращеніи съ другими людьми, чего лишена была внѣ эрмитажа, по сану самодержицы.

Представя читателю, съ какой высоты смотрѣла императрица

на все ее окружающее, каждый пойметъ, какое это имѣло вліяніе на вельможъ, приближенныхъ къ великой государынѣ, и почти на всѣ сословія, особенно на дворянское.

Я оставилъ Петербургъ, не предполагая, что вскорѣ увижу его опять, но не въ томъ блескѣ, которому я удивлялся.

V.

Къ сроку явился я въ Ревель къ адмиралу своему, и прежняя жизнь уже не возобновлялась, ибо лишена была прежней своей прелести. Я смотрѣлъ на все съ новой точки зрѣнія, и мало по малу, обратилъ этотъ бесполезный бытъ, по крайней мѣрѣ, въ пользу для самаго себя.

Во всѣ свободные часы отъ службы занимался я особенно изученіемъ древней литературы, Кантовой философіи, и посѣщалъ только тѣ общества, въ которыхъ могъ почерпнуть полезное и для науки, и для себя. Сверхъ того началъ я прилежно обучаться русскому языку, т. е. письменному, что весьма трудно было, ибо Ревель походилъ тогда болѣе на нѣмецкій городъ, нежели на русскій. Къ счастью, нѣкоторые изъ нашихъ морскихъ офицеровъ: Малѣевъ, Рожновъ и Акимовъ, взяли меня руководствовать, и тѣмъ облегчили мнѣ трудъ. Я переводилъ, читалъ имъ свои переводы, и наконецъ собственнымъ неутомимымъ прилежаніемъ достигъ до той степени, на которой теперь нахожусь.

Среди этихъ мирныхъ упражненій припла въ Ревель роковая вѣсть о смерти Екатерины. Всѣ горько поражены были этимъ печальнымъ извѣстіемъ; никто не ожидалъ этого несчастія; всѣ полагали Екатерину безсмертною, чѣмъ она дѣйствительно сдѣлалась послѣ смерти ея, въ Россіи, можетъ быть во всей Европѣ, и тамъ—въ истинной ея отчизнѣ. Всѣ окружавшіе императрицу думали, что отказъ, сдѣланный шведскимъ королемъ графу Маркову, былъ главною причиною послѣдовавшаго затѣмъ удара. Но должно замѣтить, что это хотя крайне ее поразило, однако же въ теченіи шести недѣль, она не почувствовала ни малѣйшей, перемѣны въ здоровьѣ своей. Наканунѣ удара, она принимала, по обыкновенію, общество свое въ опочивальнѣ, была весела, много

говорила о смерти короля Сардинскаго и страшала собственною своею смертію Л. А. Нарышкина. Не было-ли это предчувствіемъ? Смерть ея разсказывается различно. Вотъ что я слышалъ позднѣе отъ г-жи Перекусихиной и камердинера покойной императрицы Захара Зотова.

По утру 7-го ноября 1796 г., проснувшись, позвонила она по обыкновенію въ 7 часовъ; вошла Марья Савишна Перекусихина. Императрица утверждала, что давно не проводила такъ покойно ночь, встала совершенно здоровою и въ веселомъ расположеніи духа.

— „Нынѣ я умру“, сказала императрица.

Перекусихина старалась мысль эту изгнать; но Екатерина, указавъ на часы, прибавила:

— „Смотри! въ первый разъ они остановились“.

— И, матушка, пошли за часовщикомъ и часы опять пойдутъ.

— „Ты увидишь“, сказала государыня, и, вручивъ ей 20 тысячъ рубл. асс., прибавила: „это тебѣ“.

Соображая это съ шуткой наканунѣ, все заставляетъ меня думать, что какое-то темное предчувствіе о близкой смерти безпокоило ея душу. Но какъ и всегда, пока здоровы, крѣпки, мы пренебрегаемъ этими намѣками, и дорожимъ ими менѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Что, еслибы она повѣрила этому предчувствію и подумала объ оставляемомъ ею царствѣ?

Екатерина выкушала двѣ большія чашки крѣпкаго кофе, шутила безпрестанно съ Перекусихиной, выдавала ее замужъ, и потомъ пошла въ кабинетъ, гдѣ приступила къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ. Это было около 8 часовъ утра. Въ секретарской начали собираться докладчики и ожидали здѣсь ея повелѣній. Проходитъ часъ и никого не призывали. Это было необыкновенно. Спрашиваютъ „Захарушку“. Онъ полагаетъ, что императрица пошла прогуляться въ зимній садъ. Императрицы нѣтъ. Идетъ въ кабинетъ, въ спальню, нѣтъ нигдѣ, наконецъ отворяетъ двери въ секретный кабинетикъ—и владычица полвселенной лежитъ распростертою на полу и смертною блѣдностію покрыто лицо ея. Онъ вскрикиваетъ отъ ужаса; подбѣгаютъ Перекусихина, камердинеръ, поднимаютъ, выносятъ и кладутъ на полъ на сафьяномъ матрацѣ. Роджерсонъ тотчасъ пріѣхалъ, пустилъ кровь, которая потекла натурально, а къ ногамъ приложилъ шпанскія мухи.

Хотя доктора увѣрепы были, что ударъ былъ въ голову, и смертельный, но всѣ средства употреблены были для призванія ея къ жизни. Двумя ударами раскаленнаго желѣза по обѣимъ плечамъ пытались привести ее въ чувство. Она еще разъ, на минуту, открыла глаза и потомъ закрыла ихъ навсегда. Долго боролась еще матерія со смертію и уже никакого моральнаго признака жизни не было. Г-жа Перекусихина и доктора сжеминутно перемѣняли платки, которыми обтирали текущую изъ устъ ея сперва желтую, а потомъ черную матерію. Безпрерывное движеніе живота, который судорожно то поднимался, то опускался, возвѣщало только о жизни. Въ повѣствованіи о восшествіи на престолъ Павла I увидимъ еще нѣкоторыя подробности объ ея смерти.

Вѣкъ Екатерины конченъ. Она сошла въ гробъ, а съ нею и волшебный міръ, ею созданный. Блеску много, ибо вѣкъ ея нынѣ, изъ 1860 году, почитается баснословнымъ. Россія была счастлива, богата и во все продолженіе царствованія ея не было ни одного новаго налога (?). Она говаривала, что была преемницею Великаго Петра. Но Петръ дѣйствовалъ съ строгостію; непреклонная его воля все рѣшала, онъ вводилъ свое нововведеніе принужденно. Екатерина милостиво владѣла сердцами, возвеличила все начатое Петромъ, сдѣлалась тоже преобразовательницею Россіи, и повелѣвала какъ земной Богъ. Чѣмъ? Уважая тѣхъ, которые ей повиновались; этимъ средствомъ обогородила она повиновеніе, сдѣлавъ его нравственнымъ. Она прославила Россію побѣдами, законами, и заставила иностранцевъ не только любить, но и уважать Россію. Уничтоживъ (?) Тайную канцелярію, она оттолкнула отъ себя подозрѣніе, истребила его въ насъ и тѣмъ возвысила духъ нашъ. Громко стали осуждать дурное, хвалить хорошее, и Екатерина вслушивалась въ гласъ народный, не пренебрегая имъ. Не страхомъ, не казнію, не пыткою, а милосердіемъ властвовала она. На мелочи взидала она съ высоты своей съ пренебреженіемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ твердою рукою правила кормиломъ государства. Дворъ ея, гвардія, армія, флотъ, гражданскіе чины, все дышало благородствомъ, честію, непритворною любовью къ отечеству — и все это внушала Екатерина. Страшились только одного — подвергнуться гнѣву ея. Одинъ французскій писатель, жившій долгое время въ Россіи, сказалъ про нее: „Catherine a constamment remplacé par le sentiment actif de l'honneur le sterile

et bas sentiment de la crainte servile". И какъ умѣла она выбрать и воспитывать людей для обширныхъ плановъ своихъ!

Утаить нельзя, подлѣ благодѣяній, изліянныхъ Екатериною на Россію, есть и зло. Солнце не безъ пятенъ. Наказъ ея истинно либеральный, ибо за свободу мышленія публично сожженъ былъ въ Парижѣ. Однако безсмертный этотъ наказъ въ исполненіе приведенъ не былъ. Зачѣмъ преждевременно знакомить народъ съ такими предметами, которые пустить въ обращеніе опасно? Это трудъ недоконченный. Вообще замѣтить должно, что Екатерина, желая быть единственно душою всѣхъ государственныхъ дѣйствій, явила въ своихъ учрежденіяхъ болѣе блеску, нежели основательности. Владычествуя сильною рукою, была душою всѣхъ. И не это ли было причиною, что когда души этой не стало, то почти всѣ ея нововведенія скорѣ пошатнулись?

Упрекаютъ ее въ слабостяхъ, имѣвшихъ вредное вліяніе на нравственность. Въ высшемъ классѣ развратились нравы любо-страстіемъ, которому самый дворъ служилъ примѣромъ; въ низшемъ питейные дома умножили пьянство, а съ нимъ размножились и пороки. Но чтобы судить объ Екатеринѣ, должно ее разсматривать, какъ владычицу полвселенной, а не какъ женщину въ приватной ея жизни. Сидя на престолѣ, взвѣшивала она судьбу какъ своихъ, такъ и другихъ народовъ съ удивительнымъ искусствомъ, твердо управляла кормиломъ государства, умѣла всегда во-время поддерживать и расторгать связи съ другими державами. Довольство, счастье подданныхъ было единственною ея цѣлью, хотя иногда въ способахъ къ достиженію сего могла ошибаться. Какъ женщина, въ домашнемъ кругу своемъ, она была снисходительна, любезна, и тѣломъ и душой предана любви.

Владычествовать и любить—были двѣ необходимости для ея души.

Раскроемъ исторію: чѣмъ выше, чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе подверженъ онъ слабостямъ, и часто великіе его подвиги бываютъ слѣдствіемъ этихъ же слабостей. Екатерина не упускала изъ виду императрицы. Любимцовъ своихъ употребляла она исполнителями высокихъ своихъ предпріятій. Если ошибалась въ выборѣ, немедленно ихъ смѣняла, и долгое время придерживалась достойныхъ. Упрекаютъ императрицу въ щедростяхъ, распространяемыхъ ею на своихъ фаворитовъ. Правда—каждому фавориту давалось по 14 тысячъ душъ крестьянъ, но этимъ пользовались

не одни фавориты. Примѣръ тому—князь Репнинъ и проч. И не присоединялся-ли къ этому высшій взглядъ? Казенные крестьяне платили малый оброкъ, незначительныя подушныя; земли лежали не обдѣланныя и всегда были недоимки. Крестьяне утопали въ невѣжествѣ; за раздачею крестьянъ водворялась владѣльцами экономя (!). Они заводили хлѣбопашество, хутора, фабрики, отстраивали себѣ жилища и тѣмъ распространяли въ народѣ новыя идеи, а государство обогащалось (!) изобиліемъ произведеній. Что эта мысль была въ головѣ Екатерины, доказать можетъ слѣдующее: она неоднократно желала освободить крестьянъ отъ рабства. Но какъ къ этому приступить? Съ одной стороны, удерживало ее невѣжество самихъ крестьянъ, которымъ эта свобода могла послужить болѣе во вредъ, нежели въ пользу. Не имѣя никакого понятія о благоразумной, законами ограниченной, свободѣ, крестьяне могли перейти къ своеволю, и чѣмъ удержать ихъ тогда въ предѣлахъ повиновенія? Съ другой стороны, владѣльцы были, какъ и теперь, натуральными полицеймейстерами въ своихъ имѣніяхъ, ограждающими себя, а съ тѣмъ и все государство отъ безпорядковъ. Кѣмъ могли они быть замѣнены на этомъ огромномъ пространствѣ?

— „Раздача имѣній, говорила императрица собранному на сей случай совѣту, а въ другой разъ графу Салтыкову, Панину, князю Репнину, особенно генералъ-прокурору князю Вяземскому, будетъ приготовленіемъ къ будущему освобожденію крестьянъ“.

Упрекаютъ ее въ кровопролитіи невинныхъ жертвъ. Въ сихъ случаяхъ судить трудно, но сознаться должно, что она не боялась преступленія, если оно казалось ей необходимымъ. Затруднительныя обстоятельства, угрожающія кажимъ-то бѣдствіемъ въ будущемъ, хотя и воображаемымъ, заставляютъ сильныхъ земли сей, забывъ кротость, даже челоуѣколюбіе, дѣйствовать съ энергіей и твердостью желѣзной воли. Раскроемъ опять исторію, и сколько великихъ людей запятнали страницы ея пролитіемъ невинной челоуѣческой крови! Вспомнимъ герцога Ангійскаго, сію невинную жертву Наполеона!.. Справедливо дѣлаютъ Екатерины упрекъ въ раздѣленіи Польши. Она излила на нее всю чашу бѣдствія на долгія времена и лишила свое государство оплота противъ другихъ державъ. Оно тѣмъ непростительнѣе, что она

всегда могла имѣть сильное вліяніе на эту незаконно и не политически раздѣленную Польшу.

Впрочемъ человѣческія дѣянія бываютъ слишкомъ сложны и не всегда можно ихъ подвести подъ математическіе расчеты. Нѣсколько часовъ послѣ смерти, Екатерина была забыта. „Она состарѣлась, говорили многіе, не было въ ней уже прежней энергіи, зданіе, ею воздвигнутое, распадалось еще при жизни ея“. Но они не видѣли, что хотя-бы это отчасти было и справедливо, однако же выдержалось жизнiю ея. Теперь помышляли только о томъ, что могло помрачить славу ея. Россія дорого заплатила за эту неблагодарность, ибо не взирая на всѣ недостатки, должно согласиться, что вѣкъ Екатерины едвали не былъ счастливѣйшимъ для всѣхъ сословій въ Россіи. Чтобы наслаждаться спокойствіемъ, уваженіемъ, приличною свободою, нужно было только не быть преступникомъ. Екатерина была и литераторъ. Она переписывалась со всѣми такъ называемыми философами XVIII вѣка и ласкала ихъ, но не слушалась. И посланника (?) новой школы Дидерота обратила скорѣе къ сообщникамъ своимъ Вольтеру и д'Аламберту. Она писала сама комедіи, выбирая предметы изъ русскихъ сказокъ, и по крайней мѣрѣ, надобно отдать ей ту справедливость, что пріѣхавъ въ Россію, она пренебрегла языкомъ своего отечества (т. е. языкомъ нѣмецкимъ). Управляя обширнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ, находила время учиться, и сдѣлавшись сама писательницею, возбудила въ русскихъ желаніе подражать ей. Явились: Херасковъ, Княжнинъ, Муравьевъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Капнистъ, Богдановичъ, и проч. Ученіе сдѣлалось при ней необходимою. Не будь Екатерины и ученика ея Александра, былъ-ли бы у насъ Карамзинъ?

Многіе полагаютъ, что Екатерина управляла царствомъ хорошо, потому что соображалась съ тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ она жила. Это—обида, наносимая великимъ талантамъ, въ которыхъ ей отказать нельзя. Умъ, кротость, милосердіе, во всѣ времена, приносятъ будущъ равную пользу; когда всѣ громкіе отголоски о бывшей ея славіи, прозвучать во времени, даже исторія не упомянетъ о царствованіи ея, и всѣ памятники того вѣка стерты будутъ съ лица земли, останется еще Наказъ. Онъ будетъ свидѣтельствовать о величіи духа ея и послужитъ руководствомъ для позднѣйшаго потомства. Не лезть сказалъ Державинъ, говоря о ней:

Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ-бы престолѣ
Была-бъ великою женой.

Но увы! кажется самое счастье, дарованное Екатериною своимъ подданнымъ, сдѣлалось позже причиною ихъ бѣдствій. Богатство вельможъ, ихъ сила, лестное ихъ отношеніе къ престолу, благоразумная свобода, которою пользовались особенно дворяне, любовь къ службѣ, благородная амбиція, произвели какой-то духъ рыцарства, который имѣлъ корень не во внутреннемъ убѣжденіи своего достоинства, а въ одной наружности. Все пышное государственное зданіе Екатерины было потрясено, когда съ мундировъ сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы, унизили барство, словомъ сорвали съ глазъ мишуру; куда дѣвалось это мнимое рыцарство? Et presque tous les grands devinrent d'illustres nullités. Россія живетъ въ возвышенности и достоинствѣ своихъ царей—Екатерина то доказала!

VI.

ПАВЕЛЪ I-й.

Краткое царствованіе императора Павла I-го едва ли могло произвести что либо важное въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ; но замѣчательно тѣмъ, что сорвало маску со всего прежняго фантазмагорического міра, произвела на свѣтъ новыя идеи и новыя понятія.

Молодой полякъ Ильинскій, служившій при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, первый поспѣшилъ въ Гатчину извѣстить своего благодѣтеля о близкой кончинѣ императрицы. Но уже сказалъ верхомъ графъ Н. А. Зубовъ съ формальнымъ извѣщеніемъ и предупредилъ Ильинскаго. Графъ посланъ былъ отъ князя Н. А. Зубова и отъ другихъ знаменитыхъ особъ, но первый, предложившій это, былъ графъ А. Г. Орловъ. Изъ сего заключить должно, что они въ эту критическую минуту собрали родъ совѣта. Въ день приключившагося съ Екатериной удара, великій князь кушалъ съ семействомъ на Гатчинской мельницѣ. До обѣда рассказывалъ онъ собравшемуся у него обществу, между прочими Плещееву, Кушелеву, графу Вельегорскому, Бибикову,

видѣнный имъ прошлую ночь сонъ, „что какая-то невидимая сила поднимала его на какую-то высоту; просыпаясь часто и засыпая опять, повторялся тотъ же сонъ. Къ крайнему удивленію; и великую вяггину тревожили всю ночь подобные же сны.

По окончаніи стола подалъ Кутайсовъ кофе въ такъ называемой розовой бесѣдѣ. Въ эту минуту великій князь увидалъ графа Н. А. Зубова, привязывавшаго лошадь къ забору, и почтѣвъ всѣхъ Зубовыхъ смертельными своими врагами, онъ поблѣднѣлъ, уронилъ чашку и, обратясь къ великой княгинѣ, прибавилъ трепещущимъ голосомъ: *ma chère, nous sommes perdus!*— Онъ думалъ, что графъ пріѣхалъ его арестовать и отвезти въ замокъ Люде, о чемъ давно говорили. Зубовъ не шелъ, а бѣжалъ съ открытою головою къ бесѣдкѣ, и, вошедши въ нее, палъ на колѣна предъ Павломъ, и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь перемѣняетъ цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ, одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой, ударяя себя въ лобъ, восклицаетъ: „какое несчастіе!“ и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что не скоро подають, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперекъ бесѣдки, третъ судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова и спрашиваетъ самаго себя: „Застану-ли ее въ живыхъ?“ Словомъ, былъ внѣ себя, отъ печали или отъ радости—Богъ вѣсть. Думаютъ, что быстрый этотъ переходъ отъ страха къ неожиданности подѣйствовалъ сильно на его нервы и самый мозгъ. Кутайсовъ, который мнѣ это рассказывалъ, жалѣлъ, что не пустилъ великому князю немедленно кровь.

Наслѣдникъ съ супругою выѣхали изъ Гатчины въ 5 часовъ по полудни, а графъ Зубовъ скакалъ впередъ, чтобы въ Софіи приготовить лошадей. Между тѣмъ, великій князь Александръ Павловичъ, чрезмѣрно растроганный кончиною бабки своей, которой былъ любимцемъ, поѣхалъ за Растопчиннымъ, котораго уважалъ отецъ его, и уговаривалъ его ѣхать въ Гатчину. Растопчинъ, пріѣхавъ въ Софію, нашелъ Зубова, заботившагося о лошадяхъ. Чрезъ нѣсколько времени явился наслѣдникъ съ супругою. Увидя Растопчина, сказалъ: „Ah! c'est vous, mon cher Rastopchine! Vous nous suivrez“, и спрашивалъ его: въ какомъ онъ положеніи засталъ императрицу? Подѣхавъ къ Чесменскому

дворцу, Павелъ приказалъ остановиться. На слова Растопчина: „quel moment pour Vous, Mon-Seigneur!“ великій князь отвѣчалъ:

— „J'ai vécu 42 ans; Dieu m'a soutenu jusqu'à présent, et j'attends tout de Sa bonté“.

Въ 8 час. вечера въѣхалъ наслѣдникъ съ супругою въ С.-Петербургъ. Дворецъ былъ наполненъ людьми, объатыми страхомъ, любопытствомъ, ожидающими съ трепетомъ кончины Екатерины; были и такіе, которые, при перемѣнѣ правленія, ласкали себя надеждою на будущее возвышеніе. Великій князь вошелъ на минуту въ свои комнаты и потомъ пошелъ на половину императрицы. Долго говорилъ онъ съ медиками, и, въ сопровожденіи великой княгини, вошелъ въ угловой кабинетъ, куда призывалъ тѣхъ, которымъ нужно было отдать приказанія. На другое утро, чрезъ 24 часа послѣ удара, вошелъ онъ въ ея опочивальню, спросилъ у докторовъ: имѣютъ ли они хотя малѣйшую надежду? и получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ призвать митрополита Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу Св. Тайнъ, что немедленно было исполнено.

Въ 9 часовъ утра, докторъ Роджерсонъ, войдя въ кабинетъ, гдѣ были великій князь и великая княгиня, объявилъ имъ, что Екатерина кончается. Павелъ тотчасъ приказалъ великимъ князьямъ и великимъ князьямъ, съ статсъ-дамою Ливень, войти въ опочивальню. Всѣ расположились около умирающей въ слѣдующемъ порядкѣ. Великій князь съ великою княгинею по правую сторону; по лѣвую—доктора и вся услуга императрицы; у головы Плещеевъ и Растопчинъ, а у ногъ князь Зубовъ, графъ Зубовъ и пр. Дыханіе императрицы становилось труднѣе, рѣже, наконецъ, вздохнувъ въ послѣдній разъ, Великая окончила земное бытіе свое....

Черты лица ея, доселѣ искаженныя страданіями, приняли, тотчасъ послѣ смерти, прежнюю свою пріятность и величіе.

Во все время, царская фамилія и всѣ присутствующіе стояли, наклонивъ голову. Наконецъ, великій князь, какъ будто насильно, отрываясь отъ тѣла матери, вышелъ въ другую комнату, заливаясь слезами. Опочивальня императрицы огласилась воплями служившихъ и приверженныхъ ей. Но слезы эти и рыданія не простирались далѣе этой комнаты. Тамъ собиралъ уже

оберъ-церемониймейстеръ Валуйевъ всѣхъ къ присягѣ и пришелъ съ докладомъ, что все въ придворной церкви къ тому готово.

Новый императоръ, со всею царскою фамиліею, въ сопровожденіи съѣхавшихся во дворецъ, вошелъ въ церковь и сталъ на императорскомъ мѣстѣ. Всѣ читали за духовенствомъ присягу. Императрица Марія Ѳеодоровна подошла къ императору и хотѣла броситься передъ нимъ на колѣни, но императоръ удержалъ ее, равно и всѣхъ дѣтей своихъ. Всѣ цѣловали крестъ, евангеліе, и подписавъ имя свое, подходили къ рукѣ императора. По окончаніи присяги, государь пошелъ прямо въ опочивальню покойной императрицы, которая лежала уже въ бѣломъ платьѣ на кровати. Императоръ низко ей поклонился и пошелъ въ свои комнаты. Графу Безбородкѣ поручено было написать манифестъ и пригласить въ Петербургъ князя А. Б. Куракина, проживавшаго въ Москвѣ. Графъ А. Г. Орловъ не былъ во дворцѣ и у присяги. Императоръ отправилъ къ нему Растопчина съ Н. П. Архаровымъ, чтобы привести его къ присягѣ.

— „Я не хочу, чтобы онъ забывалъ 29-е іюня“ — прибавилъ императоръ.

Они застали Орлова спящаго, разбудили, привели къ присягѣ и оттрапировали его величеству.

Между тѣмъ, кн. П. А. Зубовъ, какъ дежурный генераль-адъютантъ, спросилъ императора: кому прикажетъ онъ вручить генераль-адъютантскій жезлъ, который былъ тогда знакомъ дежурнаго генераль-адъютанта. Императоръ отвѣчалъ: „il est en bonnes mains, gardez le“. — Князь Зубовъ спросилъ императора: не угодно-ли ему рассмотреть запечатанные конверты, находящіеся въ кабинетѣ покойной императрицы? Первый, попавшійся въ руки и распечатанный императоромъ, было отрѣшеніе его отъ всероссійскаго престола. Второй — распоряженіе о пребываніи его высочества въ замкѣ Лоде, куда должно было слѣдовать и войско, находившееся при немъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Императоръ, улыбаясь, изорвалъ оба пакета на мелкіе куски. Третій былъ указъ о пожалованіи графа Безбородко имѣніемъ, бывшимъ князя Орлова и Бобріка.

— „Cela appartient à mon frère, сказалъ Павелъ, oser en disposer en faveur d'un autre est un crime“.

Четвертый, съ надписью самой императрицы, духовное завѣщаніе, императоръ, не распечатывая, положилъ въ карманъ.

Это я слышала въпослѣдствіи отъ самаго князя Зубова, который выставилъ этотъ поступокъ въ видѣ неблагодарности, со стороны Павла, за оказанныя ему услуги и какъ бы извинительною причиною (дальнѣйшаго поведенія его, т. е. кн. Зубова).

VII.

Прежняя спокойная жизнь въ Ревелѣ при Екаторинѣ — перемѣнилась. Всѣ съ любопытствомъ жаждали узнать о томъ, что дѣлалось въ С.-Петербургѣ; каждое письмо изъ столицы переходило изъ рукъ въ руки; каждый пріѣзжій изъ Петербурга подробно спрашивался, страхъ сильно начиналъ овладѣвать всѣми. Немного обрадовало однакоже, милостивое повелѣніе императора объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія содержащихся въ тюрьмахъ и Ревельскихъ башняхъ. Обязанностію поставляю разсказать объ одномъ неизвѣстномъ узникѣ, котораго мы и прежде часто видѣли, съ длинною бородою, стоящаго у окна за желѣзною рѣшеткой, надъ воротами, называемыми Штрандъ-форте. Объ немъ извѣстно было только то, что онъ привезенъ былъ въ началѣ царствованія Екатерины II-й; но кто онъ, и за что заключенъ, никто, ни комендантъ, ни губернаторъ, не знали. Вслѣдъ за нимъ присланы были сундуки съ богатымъ платьемъ, бѣльемъ, серебряною посудой и на содержаніе 10 т. р. деньгами. Всего этого давно уже не было, и самъ узникъ вѣроятно не видалъ своего богатства. Когда прибыло повелѣніе освободить узниковъ, то всѣ знаменитости Ревеля пошли съ своею свитою по крѣпостной стѣнѣ къ башнѣ, гдѣ содержался неизвѣстный узникъ. Комнаты его очищены были плацъ-маіоромъ, но не взирая на куренье, которое носилось облаками по темному жилищу, все еще былъ какой-то смрадный удушливый запахъ, который крайне былъ отвратителенъ. Въ первой комнатѣ стояли у дверей двое часовыхъ и еще два солдата, вѣроятно для посылокъ, или удвоенія караула, ибо при нихъ былъ и унтеръ-офицеръ. Мы вошли въ другую довольно большую комнату, гдѣ въ самомъ отдаленномъ углу на соломѣ лежалъ человекъ лицомъ къ стѣнѣ, въ бѣломъ балахонѣ и покрытый въ ногахъ нагольнымъ

тулупомъ. Подлѣ этого ложа стоялъ кувшинъ, на которомъ лежалъ ломоть ржаного хлѣба...

— „Встаньте, сказалъ комендантъ, императрица Екатерина II-я, Божіею волею, скончалась, и на прародительскій престолъ возшелъ императоръ Павелъ. Онъ даруетъ вамъ прощеніе и свободу“.

Узникъ молчалъ и не трогался съ мѣста; комендантъ продолжалъ: „Государь, по неограниченному своему милосердію“....

— „Милосердію?“ вскричалъ заключенный, приподнимаясь. „Видимое тобою здѣсь—милосердіе?“—Онъ всталъ. Мы увидѣли передъ собою исхудавшаго, блѣднаго, сѣдинами покрытаго человѣка; улыбка его выражала презрѣніе, онъ страшенъ былъ, какъ тѣнь, возставшая изъ гроба.

— „Успокойтесь, сказалъ мой адмиралъ, да подкрѣпите васъ Богъ“.....

— „Богъ? Богъ? подхватилъ узникъ,—у тебя есть Богъ, и онъ позволяетъ заточить невиннаго человѣка и держать его слишкомъ 30 лѣтъ, какъ скотину въ хлѣвѣ! О, подлые рабы“.

Комендантъ, желая обратить его вниманіе на другой предметъ, спросилъ: „позвольте узнать имя ваше?“

— „Спроси у той, которая лежитъ теперь мертвая въ гробу, а я посаженъ ею живой въ этотъ гробъ; развѣ ты не знаешь, тюремщикъ мой, имени моего? А!... Вонъ! Я міра вашего не знаю; куда я пойду? Эти стѣны—друзья мои, я съ ними не расстанусь. Вонъ!“...

Послѣднія слова прокричалъ онъ дико и громко. Глаза его ужасно сверкали; лицо было страшно; мы думали, что онъ съ ума сошелъ. Комендантъ сказалъ что-то на ухо плацъ-маіору, и всѣ вышли испуганные изъ комнаты. Послѣ узнали мы, что ему дали кровать, кое-какую мебель, всѣ жители посылали ему кое-что, словомъ, всѣ старались облегчить участь его. На третій день посѣтилъ его плацъ-маіоръ и нашелъ на постелѣ умершимъ. Вѣроятно, неожиданность, перемѣна воздуха, пища, явившаяся забота о будущемъ: все потрясло духъ его, и онъ палъ подъ бременемъ страданій. Удивительно, что, не взирая на всѣ вопросы, никому не сказалъ имени своего. Въ архивахъ разрыли все и нашли только..... такого-то числа привезенъ..... и велѣно посадить въ башню. Даже годъ и мѣсяцъ не означены. Какъ-бы то ни было, онъ, по крайней мѣрѣ, провелъ послѣдніе часы жизни въ сообществѣ съ людьми, отъ которыхъ столько лѣтъ былъ отчужденъ, видѣлъ себя

противъ прежняго въ какомъ-то довольствѣ, обрадованъ былъ соучастіемъ. Но кто онъ былъ, за что такъ строго наказанъ и съ нѣкотораго рода отличіемъ—покрыто неизвѣстностію. Что онъ принадлежалъ къ какому-либо знатному роду, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, ибо, въ противномъ случаѣ, поступили-бы съ нимъ, кажется, иначе. Судя по выговору, онъ долженъ бы быть иностранецъ, выучившій порядочно русскій разговорный языкъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, содержащихся въ Ревелѣ, былъ еще князь Кантемиръ, кавалеръ орденовъ св. Георгія и св. Владимира 4-й степени; онъ по освобожденіи немедленно отправился въ Москву.

За исключеніемъ сего манифеста, всѣ извѣстія, приходящія изъ Петербурга, внушали болѣе страхъ, нежели утѣшеніе, и адмиралъ мой, противъ обыкновенія, сдѣлался пасмурнымъ. Это чрезвычайно беспокоило супругу его и она всячески домогалась узнать причину этой перемены. Долго онъ скрывалъ, наконецъ за чайнымъ столомъ объявилъ при мнѣ, что онъ предчувствуетъ неизбѣжное несчастіе. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ, нынѣ императоромъ Павломъ I-мъ. Оба готовились къ морской службѣ, и оба влюбились въ одну и ту же особу знатной фамиліи. Адмиралъ мой, хотя росту не большаго, но былъ красивый, ловкій, образованный и пріятный мужчина; мудрено ли, что имѣлъ право болѣе нравиться, нежели великій князь, лишенный отъ природы сихъ преимуществъ. Великій князь какъ-то узналъ это, почелъ предательствомъ со стороны товарища, соученика, и объявилъ ему: „я тебѣ этого никогда не прощу!“

— Je le connais, прибавилъ адмиралъ, *il est homme à tenir parole.*

Съ этого дня жили мы въ непрерывномъ страхѣ,—въ ожиданіи чего-то непріятнаго въ будущемъ. Быстрые перемены во всѣхъ частяхъ управленія, особенно перемена мундировъ, жестоко поразила насъ, молодыхъ офицеровъ, отчасти и старыхъ. Вмѣсто прекрасныхъ, еще Петровыхъ, мундировъ, дали флоту темно-зеленые съ бѣлымъ стоячимъ воротникомъ, и по ненавистному со временъ Петра III-го прусско-гольстинскому покрою. Тупей былъ отминокъ. Вѣрно волосы стричь подъ гребенку, носить узенькій волосяной или суконный галстукъ, длинную косу, и двѣ насаденныя пугови торчали надъ ушами; шпагу приказано было носить не на боку, а

сади. Наградили длинными лосинными перчатками, въ родѣ древнихъ рыцарскихъ, и велѣли носить ботфорты. Трехъ-угольная низенькая шляпа довершала этотъ щегольской нарядъ. Фраки были запрещены военнымъ подѣ строжайшимъ штрафомъ, а круглая шляпа всѣмъ. Въ этихъ костюмахъ мы едва другъ друга узнавали; все походило на дневной маскарадъ, и никто не могъ встрѣтить другаго безъ смѣха, а дамы хохотали, называя насъ чучелами, monstres. Но привычка все уладила, и мы начали, не взирая на нарядъ, по прежнему танцовать и нравиться прекрасному полу.

Не понятно какимъ образомъ императоръ Павелъ, умный, образованный, чувствительный, знавшій ту ненависть, которую питали къ мундирамъ отца его, рѣшился, противъ общаго мнѣнія, тотчасъ приступить къ такой ничтожной перемѣнѣ, которая поставила всѣхъ противъ него. Это ошутительное было въ гвардіи. Уничтоженіе мундировъ, введенныхъ Петромъ Великимъ, казалось однимъ—пренебреженіемъ, другимъ—преступленіемъ. Обратитъ гвардейскихъ офицеровъ изъ царедворцевъ въ армейскихъ солдатъ, ввести строгую дисциплину, словомъ обратитъ все вверхъ дномъ значило презирать общимъ мнѣніемъ и нарушить вдругъ весь существующій порядокъ, освященный временемъ. Неужели, полагалъ онъ, что настало тогда время привести въ исполненіе то, что не удалось его родителю, и когда? послѣ блистательнаго и очаровательнаго вѣка Екатерины! Слѣдствіемъ того было, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ вышла въ отставку. Кѣмъ замѣнить ихъ? Императоръ перевелъ въ гвардію Гатчинскихъ своихъ офицеровъ, и пренебрегая прежними учрежденіями Петра, тѣми же чинами, въ которыхъ они служили въ не уважаемыхъ тогда его морскихъ баталіонахъ. Въ этомъ поступкѣ никто не хотѣлъ видѣть необходимости, и еще менѣе великодушія въ желаніи вознаградить тѣхъ, которые раздѣляли незавидную участь его въ Гатчинѣ. Всѣ полагали, что это дѣлается на зло Екатеринѣ. Къ несчастію, переведенные въ гвардію офицеры, за исключеніемъ весьма малаго числа, были недостойны этой чести и не могли замѣнить утрату первыхъ. Гатчинскіе баталіоны не могли равняться даже съ арміею, а еще менѣе съ гвардіею, гдѣ служилъ цвѣтъ русскаго дворянства. Никто не завидовалъ тому, что императоръ раздавалъ имъ щедрою рукою помѣстья, это была

награда за претерпѣнное ими въ Гатчинѣ; но въ гвардіи имъ быть не слѣдовало, ибо въ этомъ кругу Гатчинскіе офицеры не могли найтись.

Предчувствія моего адмирала сбылись. Меня приказалъ къ себѣ просить новый комендантъ Горбунцевъ будто на вечеръ. Онъ объявилъ мнѣ, что присланъ къ нему фельдъегерь за моимъ адмираломъ. Горбунцевъ, хотя Гатчинскій, но былъ человекъ съ чувствомъ и отлично благородный. „Примите, сказалъ онъ мнѣ, какія нибудь мѣры для успокоенія вашего адмирала во время путешествія его въ Петербургъ, которое, по приказанію, должно быть совершено въ тѣлѣгѣ, и объявите ему объ этомъ несчастномъ случаѣ“. Я просилъ его убѣдительно самому съѣздить къ адмиралу, ибо я не въ силахъ буду ему даже объ этомъ намекнуть. „Хорошо, отвѣчалъ комендантъ, надо усыпить фельдъегеря, онъ пріѣхалъ пьяный“, и, призвавъ офицера, отдалъ ему какое-то приказаніе. Вмѣстѣ съ комендантомъ, сѣлъ я въ карету и, съ тяжелымъ сердцемъ, вошелъ я въ тотъ мирный и счастливый домъ, который долженъ вскорѣ обратиться въ домъ скорби и печали.

— „Доложите обо мнѣ“, сказалъ комендантъ. Я вошелъ въ кабинетъ, и вѣроятно на лицѣ моемъ выражалась скорбь, ибо адмиралъ, не дождавшись отъ меня ни слова, спросилъ: „что такое?“ — и слеза навернулась на глазахъ его. Съ трудомъ могъ я выразить: „комендантъ Горбунцевъ здѣсь“. — Адмиралъ всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился, вздохнулъ, и съ этимъ вздохомъ какъ будто ободрился. „Попросите коменданта“, сказалъ онъ мнѣ обыкновеннымъ ласковымъ тономъ, „а сами подите къ Екатеринѣ Федоровнѣ“ (супругѣ его), „но не показывайте ни малѣйшаго вида, что вамъ что нибудь извѣстно“!

Комендантъ вошелъ, а я пошелъ исполнить приказаніе адмирала. Адмиральша сидѣла окруженная дѣтьми своими. — „Что дѣлаетъ Алексѣй Григорьевичъ?“ спросила она у меня. — У него комендантъ. — „Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?“ спросила она съ жаромъ. — Не знаю-съ. — Страшное безпокойство обнаружилось на лицѣ и движеніяхъ ея. Можно-ли скрыть что отъ женщины любящей! Сердце вѣщунъ. — „Вѣрно что нибудь случилось?“ прибавила она. — Кажется, ничего. Полагаю комендантъ пріѣхалъ съ визитомъ. — „Боже мой! какія времена! воскликнула она, каждую минуту ожидаешь бѣды“. — Я обрадовался, когда адми-

ралъ потребовалъ меня къ себѣ. Горбунцова уже не было. — „Мнѣ нужно, сказалъ адмиралъ, приготовить Екатерину Федоровну, не уходите, я позову васъ, когда нужно будетъ“. По бѣготѣ, посылая въ аптеку, я могъ догадаться, что происходило на женской половинѣ, но зная Екатерину Федоровну женщину прелестную, умную, съ духомъ возвышеннымъ, одаренную необыкновенною живостью характера, я убѣжденъ былъ, что первая минута будетъ для нея нестерпимо ужасна, во вторую, она явится героинею. Черезъ часъ адмиралъ вышелъ. — „Слава Богу, сказалъ онъ мнѣ, она успокоилась, подите къ ней, помогите меня отправить“. Адмиральша встрѣтила меня сими словами „Voilà encore une jolie page dans la vie de notre Empereur. Il faut faire venir Николашка“, это былъ камердинеръ адмирала. Наскоро укладывали мы въ чемоданы все нужное и даже прихотливое и отправили Николашку впередъ на вольныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ на каждой станціи выжидалъ адмирала, но съ готовыми лошадьми, чтобы всегда находился впереди. Поздно вечеромъ явился фельдъегерь. У насъ все было готово, я велѣлъ подчивать фельдъегеря чаемъ съ ромомъ, ужиномъ, винами, и фельдъегерь, торопившійся немедленно ѣхать, уснулъ крѣпко. Но только и нужно было выиграть время, и мы сѣли ужинать. Адмиралъ съ супругою кушали, какъ обыкновенно, и адмиралъ былъ такъ веселъ, что казалось ѣдетъ *rouge une partie de plaisir*. Послѣ ужина, адмиралъ упротсилъ супругу свою лечь почивать, увѣряя ее, что не прежде поѣдетъ какъ утромъ, ибо ему еще нужно кончить нѣкоторыя дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, долго работалъ онъ въ кабинетѣ, въ полночь вышелъ онъ съ письмами въ рукахъ. Подойдя ко мнѣ, сказалъ: „вотъ все то, что я, въ теперешнемъ положеніи, могъ сдѣлать для васъ. Скажите, что вы видѣли меня спокойнымъ и увѣреннымъ въ справедливости моего монарха; это письмо, прибавилъ онъ, положу я въ спальню моей жены, благословлю всѣхъ“, и далѣе говорить не могъ. Слышно было, какъ голосъ его перерывался, вскорѣ онъ простился, сказавъ съ чувствомъ: „я съ ними простился; скажите женѣ, чтобы она надѣялась на Бога и на справедливость царя, а я покоенъ въ совѣсти моей. Велите позвать фельдъегеря“. Этого насилу могли добудиться. Когда онъ вошелъ, адмиралъ сказалъ ему: „Я готовъ“. — „Пора, ваше высокопревосходительство, благодарю за угощеніе“. Подали

адмиралу шубу, онъ обнялъ меня; я рыдалъ. „Partez demain, сказалъ онъ, vous Moscou et tachez d'y trouver du service, les miens vous aideront. Adieu mon cher!“—Мы пошли съ лѣстницы, люди всѣ его тутъ ожидали и лобызали его руки. „Прощайте, друзья мои, берегите Екатерину Ѳедоровну и дѣтей; пустите, пустите, пора“. Я посадилъ его въ телѣгу. „Прощайте!“ сказалъ онъ; но это „прощайте“—выговорено было растерзанною душою.

Мнѣ предстояла дома та же драма; я женился по любви, на благородной дѣвицѣ, и у меня уже былъ сынъ. По утру рассказъ я женѣ все, и не далъ времени разчувствоваться. „Укладывайте скорѣе все нужное, сказалъ я женѣ, а я иду проститься съ адмиральшей и отнести ей послѣднее прощанье отъ адмирала“. Вечеромъ въ 7 часовъ, сидѣлъ я уже въ кибиткѣ и чрезъ Псковъ, какъ мнѣ приказано было, оставилъ Ревель навсегда и отправился въ Москву.

VIII.

Москва была уже не та, какою я видѣлъ ее прежде: вкралась недовѣрчивость, всѣ объаты были страхомъ но въ родственникахъ моего адмирала нашелъ я то же радушіе, то же гостепріимство и ту же готовность помочь мнѣ своимъ кредитомъ. По новому учрежденію каждый офицеръ долженъ былъ явиться къ коменданту Гагсу. Съ трепетомъ предсталъ я предъ нимъ; обойдя всѣхъ офицеровъ, дошелъ онъ до меня, и едва успѣлъ я выговорить свое имя, какъ онъ, взявъ меня за руку, сказалъ: „Пожалуйте ко мнѣ“,—я пошелъ за нимъ въ кабинетъ; „вы напрасно сюда пріѣхали, вы, батъба, кажется исключенъ и вашъ адмиралъ очень худо“. Добродушный тонъ коменданта меня ободрилъ. Я рассказалъ ему вкратцѣ всѣ обстоятельства и милость адмирала, который далъ мнѣ отпускъ заднимъ числомъ „корошо, отвѣчалъ комендантъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ къ графу Ивану Петровичъ, онъ лучше знай“.

Вотъ уже я съ комендантомъ передъ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ. Онъ спросилъ меня объ адмиралѣ моемъ, изъявилъ сожалѣніе, вошелъ и въ мое положеніе, спросилъ: сколько дней мнѣ нужно пробыть въ Москвѣ?—я

объявилъ ему, что буду ожидать письма отъ брата графа Палена изъ Ревеля, и съ онымъ тотчасъ уѣду въ Петербургъ. „Такъ и быть, оставьте его здѣсь, сказалъ графъ коменданту, только, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: не показывайтесь Гертелю“. Комендантъ вышелъ со мною и, отпуская меня, сказалъ: „ко мнѣ явись утромъ, а коли нужда, вечеромъ въ 7 или 8 часовъ, а теперь скорѣе домой. Кланяйся Аннѣ Матвѣевнѣ и Григорію Григорьевичу“, (то были мать и братъ моего адмирала).

Кому я былъ обязанъ этимъ спасеніемъ, хотя и не понималъ, въ чемъ дѣло состояло?—Людемъ,—остаткамъ вѣка Екатерины,—которые еще въ тайнѣ умѣли благодѣтельствовать нашей братіи, офицерамъ, невѣдующимъ что дѣлалось вверху.

Матери моей уже не было на свѣтѣ; на 39 году смерть прервала нить жизни ея. Она сразила ее въ подмосковной, которая послѣ была моею. Я отыскалъ ея могилу и памятникъ, бросился на землю, и со слезами просилъ прощенія, что женился безъ ея согласія и воли.

Пока я дожидался письма отъ барона Палена, пріѣхала въ Москву и жена моя съ сыномъ. Ее увѣрили мои и ея пріятели, что я лихой малой, бросилъ жену и сына. Раскупили за даромъ всѣ наши позитки и отпразднили ее въ Москву—отыскивать бѣжавшаго мужа. Эта клевета такъ меня озлобила, что я рѣшился никогда въ Ревель не возвращаться. Это обстоятельство крайне разстроило финансы наши на долгое время. Наконецъ, прибыло и ожидаемое письмо отъ барона Палена. Родственники адмирала снабдили меня рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ вельможамъ и я съ семействомъ пустился въ Петербургъ.

Вечеромъ въ 9 часовъ вѣзжали мы въ столицу; на заставѣ приказано мнѣ было явиться въ 6 часовъ утра къ с.-петербургскому военному генераль-губернатору, графу Палену. Мы остановились въ гостинницѣ; по утру рано, пошелъ я съ письмомъ барона Палена къ брату его. Зала графа наполнена была уже просителями, которые стояли по чинамъ всѣ въ полукружѣ. Я смиренно занялъ послѣднее мѣсто; вскорѣ вошелъ графъ и обратился къ первому стоящему во главѣ чиновнику. Окончивъ съ нимъ, говорилъ съ каждымъ по очереди, наконецъ дошло дѣло и до меня; у меня сердце было не на мѣстѣ. „Кто вы?“ спросилъ меня графъ. Я кое какъ пролепеталъ ему имя мое и званіе и

подавъ письмо отъ брата. Онъ разорвалъ печать и началъ читать. Часто, во время чтенія, разсматривалъ онъ меня съ головы до ногъ и, прочитавъ, разорвалъ съ гнѣвомъ письмо брата, вскрикнувъ: „у меня рекомендаціи ни почемъ, пока вы не заплатите долговъ вашихъ, до послѣдней копѣйки, я васъ не выпущу изъ С.-Петербурга“. Я готовился оправдываться. „Ваше сіятельство!—„Молчать“; вскричалъ графъ и, обратясь ко мнѣ спиною, сказалъ своему адъютанту: „Вольмаръ, вы мнѣ отвѣчаете за этого офицера“. Графъ, распротаясь со всѣми, ушелъ въ свой кабинетъ, а Вольмаръ, подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ: *bleiben sie hier stehen*. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа слышенъ былъ звонокъ. Мой сторожъ, майоръ Вольмаръ, проговоря мнѣ грозно: *Gehen sie nicht weg*; побѣждалъ къ графу. Возвратясь оттуда, объявилъ: *gehen sie zum Grafen*, но такимъ тономъ, какъ будто: *gehen sie zum Teufel*; и указавъ мнѣ дверь, да! прибавилъ онъ.

Я съ трепетомъ вошелъ и увидалъ графа, стоящаго безъ мундира, подбоченясь, среди комнаты, и что крайне меня удивило—хохотавшаго отъ души. Я испугался и думалъ, что онъ съ ума сошелъ. „Что? сказалъ онъ мнѣ по нѣмецки, вы, чай, изрядно испугались?“ Увидя печальное мое лицо, прибавилъ:—„это такъ должно быть, говорите скорѣе, что я могу для васъ сдѣлать?“ Я не могъ выговорить ни слова, графъ сжалился, кажется, и улыбаясь привѣтливо сказалъ: „хотите письмо къ графу Григорію Григорьевичу Купшелеву?“—Я пришелъ немного въ себя и осмѣлился объяснить, что я имѣю письмо къ Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову.

— Хорошо, отвѣчалъ графъ, не мѣшаетъ къ обонмъ, и далъ мнѣ двѣ записки, прибавя: коли ничего не сдѣлаютъ, придите ко мнѣ. Вольмаръ! вскричалъ графъ; когда этотъ явился, онъ сказалъ ему: пригласите этого офицера завтра ко мнѣ обѣдать. Понимаете?

Я вышелъ вмѣстѣ съ Вольмаромъ, и медвѣдь этотъ очеловѣчился, сказавъ мнѣ ласково: „приходите завтра ровно въ 3 часа, но не опоздайте, а то васъ приведутъ“,—и записалъ мою квартиру. Все еще существуетъ, сказалъ я, сходя съ лѣстницы, духъ Великой Екатерины. Что будетъ съ нами, бѣдными офицерами, когда и онъ будетъ стертъ съ лица земли?

Я роздалъ письма и чтобы не задержатъ читателя собственными обстоятельствами, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые характе-

ризуютъ вѣкъ, скажу только, что заднимъ числомъ я опредѣленъ былъ въ адмиралтействъ-коллегію и былъ при вице-президентѣ Иванѣ Логиновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ.

Сей почтенный, престарѣлый мужъ соединялъ въ себѣ остатки Петра І, Елисаветы и былъ вѣва Екатерины. Къ обширнѣйшимъ познаніямъ присовокуплялъ онъ твердость Петра, доброту Елисаветы и вельможничество Екатерины. Императору Павлу онъ давно былъ извѣстенъ, и былъ имъ любимъ и уважаемъ. Супруга его, Авдотья Ильинишна, могла служить образцомъ доброты душевной и дѣтской покорности мужу; она напоминала конецъ ХVІІ и первую половину ХVІІІ вѣка. И такъ я сдѣлался теперь петербургскимъ жителемъ и буду описывать не одно слышанное, но и видѣнное ежедневно.

ІХ.

Негодование въ Петербургѣ возрастало съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Императоръ ниспровергалъ все сдѣланное прежде и оскорблялъ самолюбіе каждаго, особенно прежнихъ вельможъ. Это корень всѣхъ послѣдующихъ непріятностей императора. Ничто учиненное имъ не согрѣвало сердце, все выставлялось въ черномъ свѣтѣ. Желаніе сына воздать отцу должное перетолковано было, какъ единое желаніе мщенія, чтобы ярче высказать (нерасположеніе къ) матери. Я другаго мнѣнія. Доброе и благородное сердце Павла увлечено было сперва мыслию, пробужденною чувствомъ сыновнимъ отдать праху отцовскому почести погребенія, принадлежащія императору. Въ сопровожденіи Безбородки и одного адъютанта, ѣдетъ Павелъ въ Невскую обитель и отыскиваетъ мошахъ. Разрыли могилу и вскрыли гробъ, который приходилъ уже въ гнилость. При видѣ печальныхъ останковъ отца, пепла, нѣсколькихъ частей лоскутковъ сукна мундира, пуговицъ, влочкивъ пощипъ, Павелъ проливаетъ непритворныя слезы. Внесли гробъ въ церковь, ставятъ на парадное ложе и императоръ устанавливаетъ на немъ же почести, которыя воздавались матери его; ежедневно ѣздитъ два раза на панихиду къ отцу своему. Онъ былъ религіозенъ и прощолжительныя несчастія утвердили его въ вѣрованіи. Съ воображеніемъ пылкимъ, съ неограниченною чувствительностію, переѣз-

жая съ одной панихиды въ другой, соединяя непрерывно въ мысляхъ своихъ мать, отца, какъ легко могъ онъ подумать: „жизнь ихъ разлучила, да примирить ихъ смерть въ одной могилѣ!“—и мысли эти немедленно были исполнены. Торжественно привезли останки Петра III въ новомъ, прилично его сану, гробѣ изъ Невскаго монастыря во дворецъ — и Петербургъ увидѣлъ два гроба: Петра и Екатерины, стоящихъ мирно другъ противъ друга. Замѣтимъ, что перенесеніе останковъ Петра происходило не смотря на 18^о мороза, и что вся императорская фамилія шла за гробомъ въ глубокомъ траурѣ. Можетъ быть императоръ, поставивъ гробъ сей подлѣ матери, думалъ: „тебѣ, отецъ мой, воздаю должное, а тебя, мать моя, примиряю съ тѣнью покойнаго супруга“. Поэзія эта была ближе въ характеру Павла, нежели суетное мщеніе,—надъ кѣмъ?—надъ бездушнымъ трупомъ матери. Клеветники вообще, а особенно изъ оскорбленнаго самолюбія,—худые сердцеѣдцы.

Другой великодушный поступокъ императора былъ также ложно истолкованъ. Павелъ въ сопровожденіи великаго князя Александра Павловича и генераловъ своей свиты, поѣхалъ въ домъ графа Орлова, гдѣ жилъ знаменитый Костюшко. Здѣсь замѣтить должно, что вопреки иностраннымъ извѣстіямъ, Костюшко содержался при Екатеринѣ съ достоподобнымъ уваженіемъ къ возвышенному духу его и къ незаслуженному несчастію. Императоръ, войдя въ Костюшкѣ, сказалъ ему:

—„Доселѣ я могъ только объ васъ сожалѣть, нынѣ, удовлетворяя моему сердцу, возвращаю вамъ свободу и первый тороплюсь вамъ лично о томъ извѣстить“.

Костюшко не могъ вымолвить ни слова, слезы катились изъ глазъ его; это еще болѣе тронуло императора—онъ посадилъ Костюшко подлѣ себя на канале и ласковымъ разговоромъ старался успокоить его на счетъ будущности. Ободренный Костюшко осмѣлился спросить императора:

„Будутъ-ли освобождены и прочіе мои товарищи, взятые со мною въ плѣнъ?“

— Будутъ, отвѣчалъ Павелъ, если вы за нихъ поручитесь.

— „Позвольте, ваше величество, взять съ нихъ сперва честное слово, что они никогда не поднимутъ оружія противъ Россіи, и, получивъ оное, готовъ за нихъ ручаться“.

Чрезъ нѣсколько дней Костюшко представилъ императору реестръ поляковъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ“.

—„Вы ручаетесь за нихъ?“ спросилъ императоръ.

—„За всѣхъ, какъ за себя“, отвѣчалъ Костюшко, и немедленно были освобождены.

Государь пожаловалъ Костюшкѣ и Потоцкому каждому по 1,000 душъ, позволилъ первому отправиться, по его желанію, въ Америку, и облегчилъ всѣ средства къ отъѣзду его.

И этотъ трогательный поступокъ, столь великодушный, перетолкованъ былъ, какъ будто сдѣланъ въ уничиженіе памяти Великой Екатерины.

Въ опроверженіе этого ложнаго толкованія, приведемъ мы слова самаго императора; отпуская Потоцкаго изъ Петербурга, онъ сказалъ ему:

—„Я всегда былъ противъ раздѣла Польши: раздѣлъ этотъ несправедливъ и противенъ здравой политикѣ; но это сдѣлано: уступать-ли добровольно другія державы то, что у васъ насильственно отнято, чтобы возстановить отечество ваше? Императоръ австрійскій, а еще менѣе король прусскій, пожертвуютъ-ли прибрѣтенными ими землями въ пользу Польши? Объявить имъ войну было бы, съ моей стороны, безразсудно, а успѣхъ не надеженъ, потому прошу васъ не мечтайте о томъ, чего возвратить нельзя, въ противномъ случаѣ вы подвергнете любимую вами Польшу и самихъ себя еще бѣльшимъ бѣдствіямъ“.

Слова эти свидѣтельствуютъ громко, что въ освобожденіи Костюшки и его товарищей руководѣлся Павелъ убѣжденіемъ, правильнымъ или неправильнымъ, все равно, что раздѣлъ Польши несправедливъ, и что люди, поднявшіе оружіе для защиты отчизны,—герои, достойные его уваженія.

По окончаніи погребенія Петра III, Павелъ велѣлъ позвать графа Алексѣя Григорьевича Орлова, который по его повелѣнію дежурилъ у гроба Петра III, и во время погребальной церемоніи несъ за гробомъ императора корону. Павелъ замѣтилъ, что урокъ, данный Орлову, на него не подѣйствовалъ; напротивъ того, графъ исполнялъ возложенную на него должность съ хладнокровіемъ и равнодушіемъ почти преступнымъ. Когда Орловъ явился, императоръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ которыя пристально смотрѣлъ Орлову въ глаза, сказалъ:

„Графъ, я сынъ, и легко могу увлеченъ быть желаніемъ отмстить за — отца: я человекъ и за себя ручаться не могу; мы однимъ воздухомъ дышать не можемъ: пока я на престолѣ — живите въ Россіи. Паспорты ваши готовы, поѣзжайте, влачите за собою на чужбину неоднократно повторенныя преступленія ваши“.

Кажется, императоръ намекалъ тутъ не на одного Петра, но и на дѣвицу Тараканову и брата ея.

Приведемъ нѣсколько рассказовъ изъ жизни императора.

Х.

Во время коронаціи въ Москвѣ, Брантъ, служившій въ конной гвардіи и выпущенный еще при императрицѣ въ Архаровскій полкъ премьеръ-маіоромъ, получилъ записку отъ гатчинскаго экзерцицъ-мейстера, полковника гвардіи, чтобы онъ представилъ ему полкъ на другой день, въ 8 часовъ утра, на дѣвичьемъ полѣ. Въ половинѣ 8-го часа, Брантъ съ полкомъ выжидалъ въ Зубовѣ, чтобы на Спасской башнѣ ударили 8 часовъ. Брантъ немедленно выступилъ: выстроилъ фронтъ, отдалъ честь полковнику, который, въ ожиданіи его, прохаживался по Дѣвичьему полю, и подалъ рапортъ. „Ты запоздалъ, сказалъ полковникъ, я именно приказалъ собраться въ 7 часовъ“. — Въ запискѣ вашей, отвѣчалъ Брантъ, стоитъ 8 часовъ. — „Неправда! подхватилъ полковникъ, покажите“. Брантъ представилъ записку. Полковникъ, прочитавъ, разорвалъ ее. — „Ты подлецъ, вскричалъ Брантъ, зачѣмъ разорвалъ записку? Грамотѣ не знаешь и хочешь меня сдѣлать виновнымъ? — „Ага, молодецъ! вскрикнулъ полковникъ; да ты думаешь еще служить этой старой.....“.

Едва успѣлъ полковникъ вымолвить это неприличное слово, какъ на щекѣ его явилась заслуженная, здоровая пощечина. Полковникъ пошатнулся. Бранту показалось этого мало; далъ ему другую пощечину и полковникъ всею тяжестью тѣла упалъ на землю. Брантъ поставилъ ему ногу на грудь, плюнулъ въ рожу, связавъ: „уважая еще мундиръ, позволяю тебѣ вызвать меня на дуэль“. Полковникъ изъ Гатчины подобныхъ словъ не понималъ, онъ подалъ рапортъ съ прописаніемъ побоевъ

и прочаго. Брантъ немедленно былъ разжалованъ въ солдаты въ тотъ же полкъ. Онъ былъ человекъ отличный, образованный, съ духомъ возвышеннымъ; въ солдатскомъ мундирѣ гордился своимъ поступкомъ. Всѣ записки подписывалъ: „кавалеръ бѣлой ляжки“. За недѣлю предъ отъѣздомъ императора въ Петербургъ, прискакалъ фельдъегерь и потребовалъ къ государю рядоваго Бранта. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Павелъ, державшій въ рукахъ бумагу, положилъ ее на столъ, и, подойдя къ Бранту, сказалъ:

— „У Царя Небеснаго нѣтъ вѣчныхъ наказаній, а у царя земнаго онѣ быть не должны. Вы поступили противъ субординаціи, я васъ наказалъ; это справедливо. Но вы, какъ благородный человекъ, заступились за вашу императрицу; подѣлуемтесь, г. подполковникъ“.

Этотъ анекдотъ выказываетъ все величіе души императора Павла и тѣмъ сильнѣе, что за Бранта никто не ходатайствовалъ.

С.-Петербургскій комендантъ Котлубицкій, добрыйшій въ мірѣ человекъ, жалѣя о числѣ сидящихъ подъ арестомъ офицеровъ за фронтовые ошибки, окончивъ рапортъ государю о приѣзжающихъ въ столицу и отъѣзжающихъ изъ оной, держалъ въ рукахъ длинный свертокъ бумаги.

— „Это что?“ спросилъ императоръ.

— Планецъ, ваше императорское величество! нужно сдѣлать пристройку къ кордегардіи.

— „На что?“

— Такъ тѣсно, государь, что офицерамъ ни сѣсть, ни лечь нельзя.

— „Пустяки, сказалъ императоръ, вѣдь онѣ посажены не за государственное преступленіе. Нынѣ выпустить одну половину, а завтра другую и всѣмъ мѣсто будетъ, — строить не нужно и впредь повелѣваю такъ поступать.“

Во время пребыванія моего въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ мы послѣ это увидимъ, былъ слѣдующій случай, достойный быть пересказаннымъ. Отправленные изъ Петербурга въ Сибирь, князь Сибирскій и генералъ Турчапиновъ, слѣдуя по тракту, остановились въ Нижнемъ-Новгородѣ на почтовомъ дворѣ. Нижегородскій полицмейстеръ Келпенъ явился къ г. гражданскому губернатору Е. Ф. Кудрявцову и объявилъ ему объ ихъ прибытіи, рассказавъ несчастное ихъ положеніе, что скованные и обтертые

желѣзомъ ноги ихъ всѣ въ ранахъ и оба они въ изнеможеніи. Сверхъ того, бывъ отправлены осенью, настигла ихъ зима, у нихъ нѣтъ ни шубъ, ни шапокъ, ни сапогъ, даже нѣтъ и денегъ.

Е. Ф. Кудрявцовъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, вручилъ полицмейстеру 1,000 руб. асс., приказавъ ему ѣхать къ князю Грузинскому, князю Трубецкому, Захарьину и Лѣвинецу и сказать имъ, что онъ далъ 1,000 руб., чтобы и они съ своей стороны тоже оказали имъ вспомошествованіе, которые всѣ по богатству своему превзошли ожидашія губернатора. Онъ приказалъ снять съ князя Сибирскаго и Турчанинова оковы, закупить имъ все нужное, а остальные деньги имъ вручить. По выходѣ полицмейстера, призвалъ онъ своего правителя канцеляріи Солманова и продиктовалъ донесеніе его величеству, которое было, сколько упомню, слѣдующаго содержанія: „полагая, что угодно вашему величеству, дабы преступники, князь Сибирскій и Турчаниновъ, доѣхали живые до мѣста своего назначенія и тутъ раскаялись бы въ своихъ преступленіяхъ, я, при проѣздѣ ихъ чрезъ Нижній-Новгородъ убѣдился, что они больны, ноги ихъ въ ранахъ и, не взирая на появившуюся зиму, не имѣютъ ни шубъ, ни шапокъ, ни денегъ, приказалъ снять съ нихъ оковы, снабдить всѣмъ нужнымъ, и тѣмъ думаю исполнить волю императора моего, о чемъ донести вашему величеству счастье имѣю“.

Въ скоромъ времени полученъ былъ губернаторомъ высочайшій рескриптъ, сколько помню, вратцѣ слѣдующаго содержанія:

„Вы меня поняли; человѣколюбивый вашъ поступокъ напелъ отголосокъ въ сердцѣ моемъ; и въ знакъ особаго моего къ вамъ благоволенія, препровождаю при семъ знаки св. Анны 1-й степени, которые имѣете возложить и проч.“.

Сей поступокъ, доказывающій доброту сердца и великодушіе императора, даже къ преступникамъ, мнимымъ или настоящимъ— все равно, показываетъ какъ поняли государя окружающіе его.

Одинъ поручикъ подалъ императору прошеніе на капитана своего, который наградилъ его пощечиной. Государь приказалъ объявить ему истинно рыцарское свое рѣшеніе: „я далъ ему шпагу для защиты отечества и личной его чести; но онъ видно владѣть ею не умѣетъ; и потому исключить его изъ службъ“. Чрезъ нѣсколько времени тотъ же исключенный офицеръ подалъ опять прошеніе объ опредѣленіи его въ службу. Вице-президентъ воен-

ной коллегіи Ламбъ, докладывалъ о томъ и спрашивалъ повелѣнія: какимъ чиномъ его принять?— „Натурально, тѣмъ же чиномъ, отвѣчалъ государь, въ которомъ служилъ; что императоръ разъ даетъ, того онъ не отнимаетъ“.

На Царицыномъ лугу училъ императоръ Павелъ Преображенскій баталіонъ А. В. Запольскаго. Баталіонъ учился дурно. Императоръ прогнѣвался и прогналъ его съ плацъ-парада. Теперь, по приказанію, выходитъ изъ Садовой улицы, чрезъ бывшій тогда мостикъ, баталіонъ Семеновскаго полка графа Головкина. Едва императоръ, у котораго гнѣвъ еще не простылъ, завидѣлъ этотъ баталіонъ, какъ уже кричалъ: „дурно, дурно!“ Головкинъ, обратясь къ баталіону, ободрялъ солдатъ словами: „хорошо, ребята! хорошо“. Императоръ продолжалъ кричать: „дурно, дурно!“ Головкинъ повторялъ: „хорошо, хорошо“. А когда императоръ прибавилъ: „скверно, гадео!“ Головкинъ скомандовалъ: „стой! на право кругомъ маршъ!“ и ушелъ съ плацъ-парада, опять по Садовой улицѣ. Императоръ, обратившись къ Палену, сказалъ: „что онъ дѣлаетъ? Воротите его!“ Графъ Паленъ нагоняетъ Головкина и приказываетъ ему, отъ имени императора, возвратиться.— „Доложите его величеству, отвѣчалъ Головкинъ, онъ прогнѣвался на Преображенскій баталіонъ, мои солдаты идутъ исправно. Императоръ кричитъ: „дурно“, я: „хорошо!“ люди собьются и въ самомъ дѣлѣ будетъ (не хорошо) дурно. Я нынче императору своего баталіона не покажу“. Какъ ни старался графъ Паленъ его уговорить, но Головкинъ все шелъ съ своимъ баталіономъ въ казармы. Графъ Паленъ возвратился и рассказалъ отвѣтъ Головкина. „Тьфу! вскричалъ императоръ, какой сердитый нѣмецъ! Однако, онъ правъ! Да вѣдь и ты изъ нѣмцевъ, помири насъ, пригласи Головкина ко мнѣ отобѣдать“.

Этотъ рассказъ можетъ служить доказательствомъ того, какъ императоръ всегда былъ готовъ сознаться въ собственной горячности своего характера, и той готовности, какую онъ оказывалъ исправить нанесенныя имъ оскорбленія.

Это не оправдываетъ тогдашняго объ немъ мнѣнія, будто онъ хотѣлъ явиться тираномъ; тиранъ, за публичное ослушаніе наказалъ бы примѣрно Головкина, а съ тѣмъ вмѣстѣ это показываетъ какъ дурно поступили тѣ, которые, изъ пустаго страха и перемѣны мундировъ, оставили службу и предали государя Кутай-

сову и прочимъ, и гатчинскимъ его офицерамъ. Рыцарскій духъ его тутъ уже пищи не имѣлъ. Мы повтореніе сему еще увидимъ въ разсказѣ о человѣкѣ: *similis simili gaudet*.

Вотъ еще анекдотъ, свидѣтельствующій объ удительной горячности государя и всегдашней готовности исправлять имъ самимъ испорченное. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, по обширнымъ своимъ математическимъ свѣдѣніямъ, твердости характера и возвышенности духа, заслужилъ уже въ первыхъ чинахъ общее уваженіе флотскихъ офицеровъ. независимо отъ того, что отецъ его, Василій Яковлевичъ, въ царствованіе Екатерины съ отличіемъ командовалъ флотомъ, былъ полнымъ адмираломъ и кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 1-й степени, что въ то время цѣнилось очень высоко.

При вѣстествіи императора на престолъ, Павелъ Васильевичъ былъ уже нѣсколько лѣтъ капитаномъ 1-го ранга; во флотѣ строго соблюдалось старшинство и никто, развѣ за самый отличный подвижъ, не могъ опередить другаго. Императоръ призвалъ Баратынскаго и посадилъ Чичагову на голову. Можетъ быть, Чичаговъ эту обиду и перенесъ бы, ибо одинъ онъ былъ обиженъ; но когда отецъ его пріѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ, чтобы лѣчиться отъ глазной боли, и императоръ приказалъ его выслать за то, что онъ пріѣхалъ безъ особаго на то дозволенія, тогда Павелъ Васильевичъ подалъ въ отставку и, получивъ оную, отправился къ отцу въ Шкловское ихъ имѣніе, пожалованное Екатериною. При императрицѣ Екатеринѣ, русскій флотъ дѣйствовалъ на моряхъ соединенно съ англійскимъ; императоръ увидалъ пользу этого учрежденія для флота и адресовался къ англійскому двору: не пожелаетъ-ли оный принять попрежнему нашу эскадру и присоединить ее къ своему флоту. Англичане, не отвергая сего предложенія, желали прежде узнать, кто будетъ командовать эскадрою. На отвѣтъ, что, какъ и прежде, она будетъ послана подъ начальствомъ вице-адмирала Ханькова, англійскій флотъ просилъ замѣнить его П. В. Чичаговымъ, офицеромъ ему извѣстнымъ, и который отличился взятіемъ съ однимъ своимъ фрегатомъ „Венусъ“ нѣсколькихъ призовъ. Нашъ дворъ отвѣчалъ, что Чичаговъ въ отставкѣ, и что сверхъ того, онъ по своему чину не можетъ командовать эскадрою. Отвѣтъ былъ, что въ Англіи поручаютъ эскадры не по чинамъ, а по достоинству, и что если нельзя при-

свать Чичагова, то большихъ успѣховъ отъ присоединенія русскаго флота ожидать нельзя. Немедленно отправленъ въ Шкловъ фельдъегерь съ приказаніемъ Чичагову, поспѣшно пріѣхать въ Петербургъ для вступленія въ службу. Павелъ Васильевичъ дерзнулъ объяснить императору письменно, что онъ служить не можетъ. Содержаніе этого письма, сколько помню, было слѣдующее: „русскій дворянинъ служить единственно изъ чести, и служба его должна по справедливости обратить на себя вниманіе императора; что онъ никогда не уповаетъ достигнуть до заслуженной славы отца своего; но не взирая на всѣ заслуги старца, онъ былъ высланъ его величествомъ изъ Петербурга, гдѣ хотѣлъ получить облегченіе отъ глазной болѣзни. Долговременная усердная служба отца не уважена. Изъ чего же служить русскому дворянину? А потому, не имѣя въ виду ничего лестнаго въ будущемъ, онъ вступить въ службу не желаетъ“. Тотчасъ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Шкловъ другой фельдъегерь, съ повелѣніемъ привести Чичагова въ Петербургъ и представить его прямо государю. Забылъ ли императоръ о дерзкомъ письмѣ Чичагова, или, желая скрыть гнѣвъ свой изъ уваженія къ отзыву Англіи, только сперва принялъ онъ Чичагова милостиво, сообщилъ ему переписку съ англійскимъ дворомъ и предоставлялъ ему даже право носить англійскій мундиръ. „Я русскій, отвѣчалъ Чичаговъ, и кромѣ русскаго мундира никакого не надѣну; а какія причины не позволяютъ мнѣ вступить въ службу, имѣлъ я счастье представить вашему величеству въ вѣрноподданническомъ письмѣ моемъ“.

При этомъ воспоминаніи государь выпелъ изъ себя, съ поднятою рукою пошелъ онъ грозно на Чичагова, который, отступая, сказалъ: „погодите, государь. Не унижайте того, указывая на орденъ св. Георгія, что заслужено кровью“, и снявъ съ себя ордена св. Георгія и Владимира и золотую шпагу за храбрость, прибавилъ: „теперь можете забавляться“.—Это еще пуще взорвало государя. Онъ бросился на Чичагова, ругалъ, билъ его немилосердно, оборвалъ мундиръ, камзолъ и, уставши, старался вытолкать его въ двери. Но Чичаговъ держался за фалду императорскаго сюртука. Они оба вошли въ комнату, гдѣ стояли А. А. Нарышкинъ, гр. Кушелевъ, Оболяниновъ и Кутайсовъ. „Извините, сказалъ имъ Чичаговъ, онъ меня оборвалъ“. Государь толкнулъ его еще разъ и съ гнѣвомъ вскричалъ: „въ крѣпость его!“

Чичаговъ, обратясь къ государю, сказалъ: „прошу книжничъ мой съ деньгами побережъ, онъ остался въ боковомъ карманѣ мундира“. Нарышкинъ далъ Чичагову свой плащъ, его посадили въ карету и отвезли въ Алексѣевскій равелинъ. Императоръ Павелъ былъ только горячъ, но имѣя сердце добрѣйшее, не зналъ злости, коварства, и мщенія. Первая минута его гнѣва была страшна; во вторую слѣдовало раскаяніе. Онъ стыдился, даже сердился на собственную запальчивость. Когда онъ успокоился, то приказалъ отвести Чичагову въ крѣпости лучшую квартиру, доставлять ему все, что потребуетъ, и позволить ему имѣть при себѣ людей своихъ и вещи. На другой день, отправилъ государь рескриптъ къ старику отцу его, адмиралу, жалуюсь на упорство сына, и изъявляя желаніе, чтобы онъ приказалъ ему служить. Старикъ адмиралъ отсылаетъ царскій рескриптъ сыну, подписавъ подъ онымъ: „Забудь, сынъ мой, обиды, нанесенныя отцу твоему и если служба твоя нужна отечеству, то повинуйся волѣ царя“. Павелъ Васильевичъ, получивъ этотъ рескриптъ съ подписью отца, написалъ подъ нею карандашемъ: „сынъ повинуется отцу“, и отправилъ рескриптъ императору. „Добрый сынъ не можетъ быть дурнымъ подданнымъ, сказалъ государь графу Кутайсову“, и Чичаговъ привезенъ былъ къ императору прямо изъ крѣпости. „Забудемъ старое, сказалъ Павелъ Чичагову; мы оба горячи, и оба исправимся“.—Пав. Вас. Чичаговъ пожалованъ былъ въ контръ-адмиралы со старшинствомъ, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и назначенъ въ Англію командующимъ эскадрою.

Къ симъ рассказамъ, выказывающимъ сердечную доброту, долженъ я упомянуть о тѣхъ, которые сопровождаемы были жестокостью исполнителей. Государь приказалъ возвратить изъ Англіи тѣхъ флотскихъ офицеровъ, которыхъ императрица туда отправила, для практическаго изученія морской службы. Въ числѣ ихъ былъ лейтенантъ Акимовъ, поэтъ, съ восторженнымъ воображеніемъ. Приѣхавъ изъ Англіи и увидѣвъ всѣ перемѣны, сдѣланныя Павломъ, ему казалось, что Россія выворочена на изнанку, и, узнавъ, что мраморная Исакиевская церковь довершена кирпичемъ, въ порывѣ поэтическаго гнѣва, и еще въ духѣ англійской свободы, написалъ и прибилъ къ Исакиевской церкви слѣдующіе стихи:

Се памятникъ двухъ царствъ,
Обоимъ столь приличный:

Основа его мраморна,
А верхъ его кирпичный.

Акимовъ, въ простомъ фракѣ, прибывалъ эти стихи, вечеромъ поздно, къ Исакиевской церкви. Будочникъ схватилъ его, на крикъ блюстителя порядка подбѣжалъ квартальный, и повели Акимова подъ арестъ. Донесли объ этомъ происшествіи императору, который Оболянинову и флота генералъ-интенданту Бале, приказалъ наказатъ Акимова примѣрно. Оболяниновъ и Бале велѣли ему отрѣзать уши и языкъ и сослать въ Сибирь, не позволивъ проститься съ матерью, у которой онъ былъ единый сынъ и единственная подпора; это все должно приписать безчеловѣчному усердію исполнителей. Долго не знали, куда дѣвался Акимовъ, и только въ царствованіе Александра, когда всѣ ссыльные были возвращены, а съ ними и Акимовъ, узнали подробности сего приключенія.

Случались и смѣшныя анекдоты. Почти всякій день императоръ предъ обѣдомъ, около 2-хъ часовъ, прогуливался верхомъ, въ сопровожденіи Кутайсова или Уварова и другихъ. Тогда повелѣно было всѣмъ статскимъ чиновникамъ, при встрѣчѣ съ императоромъ, сбрасывать шинель или шубу на землю, снимать трехугольную шляпу, поклониться и стоять, пока императоръ пройдетъ. Однажды, во время такой прогулки, встрѣчается императору чловѣкъ въ медвѣжьей шубѣ, круглой шляпѣ, и который ни одного изъ данныхъ приказаній не исполнилъ. Возвратясь во дворецъ, Павелъ потребовалъ къ себѣ гр. Палена.

— „Я встрѣтилъ, сказалъ императоръ, чловѣка, въ круглой шляпѣ, въ медвѣжьей шубѣ, покрытой зеленымъ сукномъ; онъ ни одного изъ моихъ приказаній не исполнилъ. Это долженъ быть какой нибудь статскій совѣтникъ, пріѣзжій изъ Ора. Вели его отыскать, призвать къ себѣ, растолкуй ему важность поступка, прикажи отсчитать ему 100 палокъ и отправить его обратно въ Орелъ“.

Въ подобныя минуты противорѣчить было нельзя, но должно немедленно исполнять. Гр. Палекъ приказалъ взять на прокатъ медвѣжью шубу, покрытую зеленымъ сукномъ, круглую шляпу, схватить перваго лакея, нарядить его въ шубу, шляпу и съ двумя полицейскими драгунами, сабли наголо, провести мимо дворца и прямо къ нему. Явился, закутанный въ шубу, лакей.

— „Какъ вамъ не стыдно, г. статскій совѣтникъ, сказалъ ему гр. Паленъ, не исполнять царскихъ повелѣній? Вы несете справедливый гнѣвъ государя, велѣно вамъ дать 100 палокъ и отправить въ Орелъ. Выдать ему подорожную“, прибавилъ графъ, обратясь къ Вольмару.

Это сказано публично, а въ кабинетѣ рѣшено было иначе. Мнимаго статскаго совѣтника посадили въ кибитку; на заставѣ прописали подорожную; отѣхали съ нимъ нѣсколько верстъ, сняли съ него шубу, шляпу, дали 25-ть руб. съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ и предоставили ему удовольствіе пѣшкомъ прогуляться въ С.-Петербургъ.

За нѣкоторую неосторожность въ словахъ княгини Голицыной, которая имѣла эпитетъ *la belle de nuit*, приказалъ императоръ графу Палену вымыть ей голову. Паленъ пріѣхалъ къ княгинѣ, потребовалъ умывальникъ, мыло, воды, полотенце. Когда ему все это принесли, онъ подошелъ къ княгинѣ, снялъ съ нея почтительно чепчикъ и хотѣлъ начать свою операцію. Княгиня вскрикнула: „что вы, графъ, дѣлаете?“ — Исполняю, отвѣчалъ графъ, волю ея императорскаго величества, который мнѣ приказалъ вымыть вамъ голову. — Вымывъ ей порядочно голову, онъ поклонился и уѣхалъ доложить императору, что исполнилъ повелѣніе его.

Эти анекдоты и многіе другіе — временное жалкое разстройство ума Павла, происходящее отъ той угнетенной жизни, которую проводилъ онъ въ (уединеніи). Теперь онъ началъ подозрѣвать всѣхъ, а съ окончаніемъ строенія Михайловскаго дворца и переходомъ въ оный, до такой степени сдѣлался недоувѣрчивъ, что началъ сомнѣваться въ расположеніи къ нему самой царской фамиліи. Густыя тучи скоплялись на горизонтѣ, страсти кипѣли, почва была изрыта и воздвигнутый имъ замокъ съ подъемными мостами, со стражею (возвышался среди Петербурга). Никто его не понималъ, и онъ, не взирая на всѣ щедроты, имъ изливаемые, не могъ привязать къ себѣ ни одного изъ окружающихъ его и облагодѣтельствованныхъ имъ, поистинѣ пустыхъ и негодныхъ людей. Всѣ объаты были, и злые и добрые, личнымъ страхомъ, никто не былъ увѣренъ, чтобы, при первомъ гнѣвѣ, не быть отправлену въ Сибирь.

XI.

Павелъ всегда останется психологической задачей. Съ сердцемъ добрымъ, чувствительнымъ, душою возвышенною, умомъ просвѣщеннымъ, пламенною любовію къ справедливости, духомъ рыцаря временъ протекшихъ, онъ былъ предметомъ ужаса для подданныхъ своихъ. Остается неразрѣшеннымъ вопросъ: хотѣлъ ли онъ быть дѣйствительно тираномъ, или не выказали ли его такимъ обстоятельства? Во все продолженіе царствованія своей матери былъ онъ униженъ, даже во многомъ нуждался съ семействомъ своимъ. Фавориты, вельможи, чтобы нравиться Екатеринѣ, или изъ подлости, боясь гнѣва ея, не оказывали ему должнаго уваженія, а когда царедворцы узнали, что императрица намѣрена перемѣнить и назначить преемникомъ престола Александра, тогда сколько нанесено ему оскорбленій! Блистательныя учрежденія Екатерины зрѣлому уму его не нравились, казались несообразными ни съ духомъ народнымъ, ни съ степенью его просвѣщенія:

— „Императрица, говорилъ онъ въ Гатчинѣ, завела суды по европейскому образцу, но не подумала прежде приготовить судей. Наказъ императрицы, утверждалъ онъ, предестная побрякушка: этимъ пускаетъ (она) пыль въ глаза иностранцамъ, надуваетъ своихъ вельможъ и всѣ одурѣли, но исполненія по немъ никогда не будетъ“.

Весьма натурально, что претерпѣвая ежеминутныя оскорбленія, онъ все критиковалъ, находилъ вреднымъ. Услужливые царедворцы переносили это императрицѣ; доводили до него, что она говорила, можетъ быть чего и не говорила; такимъ образомъ связь между матерью и сыномъ разрушалась ежедневно болѣе и болѣе; но что всего несчастнѣе—явилось нѣсколько капель злобы въ сердцахъ той и другаго. Занальчивость его характера была извѣстна всѣмъ. Когда требовалось комплектовать офицеровъ изъ морскихъ баталіоновъ въ его Гатчинскіе, тогда ни одинъ порядочный человѣкъ къ нему не шелъ; отправлялись только тѣ, которые предпочитали данный изъ арсенала его высочества мундиръ, сапоги, перчатки, скорое производство—благородному дели-

вѣстному обращенію съ офицерами. Онъ это зналъ, сердился, ожесточался болѣе, но—не исправлялся.

Вдругъ и неожиданно восходитъ онъ на престолъ съ правилами, родившимися въ тѣсномъ кругу его Гатчинской жизни, гдѣ фронтъ былъ единственнымъ его упражненіемъ и увеселеніемъ. Онъ переселяетъ это въ гвардію. Маршированіями, штабтонами, смѣшной фризурою, смѣшными мундирами, обидными изреченіями, даже бранью, арестами убиваетъ тотъ благородный духъ, ту вѣжливость въ обращеніи, то уваженіе къ чинамъ, которые введены были при Екатеринѣ и производили при ней чудеса. Большая часть Екатерининскихъ офицеровъ идетъ въ отставку; онъ сердится, пренебрегаетъ этимъ, отставляетъ ихъ и возводитъ на мѣсто старыхъ,—Гатчинскую, по большей части. Военачальниками Екатерины и великими въ совѣтахъ онъ не дорожитъ; окружаетъ себя бывшими при немъ камердинерами и проч., облакаетъ ихъ довѣренностію и возводитъ на высшія степени государства. Мудрено-ли, что среди сей нравственной политической бури, вѣкъ Екатерины исчезъ въ одинъ мигъ, никто не зналъ, какъ и что дѣлать! Ничего постоянного не было и всѣ бродили какъ будто отуманенные. Всякая минута являла новое неожиданное, какъ будто противное прежнимъ понятіямъ и обычаямъ. Чины, ленты лишились своего перваго достоинства, аресты, исключенія изъ службы, прежде что-то страшное, обратились въ вещь обыкновенную. Духъ благородства, то, что французы называютъ *oînt d'honneur* и которымъ всѣ такъ дорожили, ниспровергнутъ совершенно. Еще въ первые годы царствованія Павла вырвалось что-то похожее на вельможъ Екатерины, которые имѣли довольно великодушія оставаться въ службѣ, пренебрегать обидами, униженіями, чего гвардія сдѣлать не сумѣла,—и тѣмъ хотъ маломальски, поддержала бы духъ, который во времена Екатерины оживлялъ всѣ сословія. Здѣсь блистали еще, нѣкоторое время, имена Безбородки, Троицкаго, князей Куракиныхъ, Суворова, Дерфельдена, Репнина и прочихъ, которые уступали только неумолимой необходимости.

Наконецъ, въ этой суматохѣ растерялось все, явились: Кутайсовы, Оболяниновы, Аракчеевы, Линденеры и пр. пришлецы, среди которыхъ императоръ самъ растерялся и впалъ въ родъ вре-

менного сумашествія. Но проявлялись и среди сихъ мрачныхъ минутъ, искры ума свѣтлаго, строгой справедливости, доброты душевной и даже величія. Эти драгоцѣнные минуты я старался довести до свѣдѣнія потомства; по онымъ судить можно, чѣмъ былъ-бы этотъ императоръ, если бы тяжкія обстоятельства протекшей его жизни не раздражили его характера. При концѣ дней онъ видѣлъ въ порядочныхъ людяхъ, одаренныхъ умомъ, только враговъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ удержалъ при себѣ по привычкѣ, возвысилъ, награждалъ по царски и которые не сумѣли предохранить отъ угрожающей опасности. Неудовольствіе было всеобщее.

Къ сему внутреннему расположенію умовъ должно присовокупить и натискъ виѣшнихъ отношеній двора нашего съ прочими европейскими государствами. Императоръ былъ быстръ въ переходѣ отъ одного убѣжденія къ другому. Проникнутый духомъ истинно рыцарскимъ, смотрѣлъ онъ съ негодованіемъ на буйную французскую революцію и вдругъ, исполненный удивленія къ тому человѣку, который подъ скромнымъ титуломъ перваго консула, взялъ сильною рукою бразды правленія во Франціи, онъ явно перешелъ на его сторону и возненавидѣлъ Англію и Австрію. Наполеонъ мастерски воспользовался симъ расположеніемъ императора. Послѣ Австро-Англійской войны, оставалось во Франціи шесть тысячъ плѣнныхъ русскихъ. Наполеонъ написалъ (гр. Никитѣ Петровичу) Панину, что онъ предлагалъ Англіи и Австріи размѣнить русскихъ плѣнныхъ, которые проливали кровь свою на пользу этихъ государствъ, но онѣ не приняли его предложенія. Поэтому рѣшился онъ этихъ плѣнныхъ одѣть, снабдить оружіемъ и съ ихъ офицерами, знаменами и проч. отпустить безъ выкупа въ Россію, не желая продолжать плѣна этихъ храбрыхъ и симъ поступкомъ желая засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ то почтеніе къ Россійскимъ воинамъ, которымъ французы преисполнены, узнавъ ихъ воинскія доблести на полѣ брани. Это натурально возвысило уваженіе Павла къ Наполеону и уже императоръ публично отдавалъ ему полную справедливость; приказалъ подать себѣ рюмку малаги и выпилъ за здоровье Наполеона; потомъ приказалъ принести карту Европы, разложилъ ее на столѣ, согнулъ на двое, провелъ по лбу рукою и сказалъ:

— „Только такъ мы можемъ быть друзьями!“

Наполеонъ пошелъ далѣе, онъ схватилъ удачно характеристическую черту Павла, который былъ истинный рыцарь. Онъ предложилъ ему островъ Мальту, съ желаніемъ, чтобы Павелъ объявилъ себя гроссмейстеромъ ордена. Наполеонъ зналъ, что Англичане не уступятъ Мальты и что Павелъ, раздраженный ихъ поступкомъ, непременно объявитъ имъ войну, что дѣйствительно и случилось.

Еще въ 1780 г. Екатерина, во время Американской войны, составила сѣверный нейтралитетъ. Въ 1800 г. Павелъ, по примѣру ся, учредилъ подобный-же нейтралитетъ съ Данією, Швецією и проч., чтобы положить преграды насиліямъ англійскихъ крейсеровъ. Павелъ, узнавъ о появленіи англійскаго флота предъ Копенгагеномъ, приказалъ наложить севквестъ на всѣ имѣнія англичанъ въ Россіи. Англія почла это объявленіемъ войны и флотъ ея угрожалъ Кронштадту, и самому Петербургу. Этимъ воспользовалась наша аристократическая партія, въ нѣдрахъ которой составили неистовый планъ свергнуть императора Павла съ престола. Петербургъ наполнили страхомъ близкаго появленія англичанъ, бомбардированія Кронштадта и предрекали Петербургу неминуемую гибель, чтобы этимъ приготовить публику, и безъ того уже недовольную....

..... Павла болѣе нѣтъ. Разсматривая въ подробности его характеръ и тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя имѣли сильное на него вліяніе, нельзя не пожалѣть объ этомъ несчастномъ императорѣ. Съ величайшими познаніями, строгою справедливостію, убылъ онъ рыцаремъ временъ прошедшихъ. Доказательствомъ томъ служить можетъ великодушно данный имъ приютъ Бурбонамъ, гонимымъ отсюду, и безкорыстное желаніе освободить Европу отъ хищенія революціи. Онъ призвалъ въ союзу европейскихъ государей и туркамъ предложилъ помощь и дружбу. Суворовъ возстановилъ въ Италіи все то, что было завоевано и ниспровергнуто Наполеономъ, и не взирая на эти рыцарскіе подвиги, четырехъ-лѣтнее, кратковременное его царствованіе немощно потрясло Россію, — и какая странность! Онъ хотѣлъ сильнѣе укоренить самодержавіе, но поступками своими подкапывался подъ оное. Отправляя, въ первомъ гнѣвѣ, въ одной и той-же кибиткѣ,

генерала, купца, унтеръ-офицера и фельдъегера, научилъ насъ и народъ слишкомъ рано, что различіе сословій—ничтожно. Это былъ чистый подкопъ, ибо безъ этого различія самодержавіе удержаться не можетъ. Онъ намъ данъ былъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Еслибы онъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Васильевича Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе. Но онъ явился послѣ Екатерины, послѣ вѣка снисходительности, милосердія, счастья и получилъ титулъ тирана. Онъ сдѣлался жертвою горячности своего характера.....

Въ заключеніе повѣствованія о императорѣ Павлѣ, долженъ я прибавить еще одинъ анекдотъ, чтобы выказать то понятіе, которое государь имѣлъ о своемъ самодержавіи. Онъ спросилъ однажды у французскаго посланника:

— *Où avez-vous diné hier, M-r l'Ambassadeur?*

— *J'ai diné, Votre Majesté, chez le Prince Kourakine (Александръ Борисовичъ). C'est véritablement un grand Seigneur.*

— *Sachez, M-r l'Ambassadeur, отвѣчалъ Павелъ, qu'il n'y a de grand Seigneur, que celui au quel je parle et pendant que je lui parle.*

Опустимъ занавѣсъ, да сокроится отъ нашихъ глазъ (и перейдемъ) къ событіямъ болѣе утѣшительнымъ.

На престолѣ Россійскомъ Александръ Благословенный.

Л. И. де-Сангленъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. генер.-лейтен. М. И. Богдановичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ.]

Примѣчаніе. Не всѣ, конечно, читатели знаютъ кто такой былъ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, и почему онъ могъ знать близко передаваемыя имъ весьма важныя подробности различныхъ событій, какъ напечатанныхъ выше, такъ и имѣющихъ явиться въ «Русской Старинѣ», въ слѣдующихъ главахъ его Записокъ. Вотъ свѣдѣнія объ этой интересной личности:

Т. П. Пассекъ описывая въ своихъ, полныхъ живаго интереса, воспоминаніяхъ, московское интеллигентное общество начала 1840-хъ годовъ, между прочимъ рассказываетъ, что по понедѣльникамъ собирались у ея мужа, известнаго писателя Вадима Пассека — много писателей и профессоровъ, и, между прочими, — «Я. И. де-Сангленъ — бывшій начальникъ тайной полиціи

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I ¹⁾.

I.

По утру въ 5 часовъ 12-го марта 1801 года, явился курьеръ адмиралтействъ-коллегии съ словесною повѣсткою, что въ ночь императоръ Павелъ I скончался апоплексическимъ ударомъ, и велѣно всѣмъ явиться къ присягѣ въ Зимній дворецъ. Это крайне меня встревожило. Мною овладѣло сомнѣніе; я полагалъ, по молодости лѣтъ: не велѣль-ли это Павелъ объявить, чтобы узнать, обрадуются-ли, или опечалятся его подданные при извѣстии о такой внезапной катастрофѣ? Я одѣлся паскоро, и во всей формѣ, съ пасмурнымъ лицомъ и тяжелымъ сердцемъ, направилъ путь къ Зимнему дворцу. Дорогой, мало-ли что бродило въ бѣдной головѣ моей. Вдругъ вспомнилъ я о томъ, что происходило наканунѣ вечеромъ, который я провелъ у графа Головкина, странный случай, бывшій съ извозчикомъ, и о томъ, что видѣлъ въ домѣ графа Палена ²⁾. Все это смутило меня пуще. „Кто нынѣ дежурный флигель-адъютантъ?—спросилъ я самаго себя. Кажется,

¹⁾ См. первая двѣ части Записокъ Я. И. де-Санглена: ч. I: „Царствованіе Екатерины II“ и ч. II: „Павелъ I и его время“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, (декабрь), стр. 443—498.

²⁾ Эти подробности нами сохранены въ рукописи Я. И. де-Санглена.

Р е д.

Арсеньевъ. Онъ долженъ все вѣрнѣе знать“. Я вошелъ къ нему; онъ одѣвался; камердинеръ его былъ французъ, который хорошо говорилъ по-русски. При немъ я не смѣлъ ничего сказать, кромѣ:

— „Ты, кажется, нынче дежурный?“

— „Да! отвѣчалъ Арсеньевъ; да ты, что-то, продолжалъ онъ, не въ своей тарелкѣ?“

— „Такъ, голова болитъ“.

Онъ одѣлся, и я разсказалъ Арсеньеву о томъ, что мнѣ объявлено. „Ради Бога, молчи, отвѣчалъ онъ; какъ же бы мнѣ, флигель-адъютанту, этого не знать? Выдумка какого либо пьяницы, мошенника, или сумашедшаго. Поѣдемъ вмѣстѣ во дворецъ“¹⁾.

Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ выѣзжающія изъ Михайловскаго дворца въ Зимній лейбъ-коляски²⁾ съ разными пожитками.

— „Смотри“, сказалъ я Арсеньеву.

„Да! отвѣчалъ онъ. Дворъ переѣзжаетъ изъ Михайловскаго въ Зимній дворецъ; тамъ сырость нестерпимая. Карета готова, ѣдемъ“.

Подѣхавъ къ мосту, мы, по обыкновенію, вышли изъ кареты, взяли шляпу въ правую руку, въ лѣвую палку, и,—„лѣвой, правой“,—промаршировали до главныхъ воротъ дворца и стали подъ сводомъ, чтобы не много оправиться. Крайне меня удивило, что въ караулъ были не преображенцы, а лейбъ-гренадеры. Маіоръ, командовавшій карауломъ, подошелъ къ намъ и спросилъ Арсеньева:

— „Кого вамъ угодно?“

„Я дежурный флигель-адъютантъ“.

— „Я спрашиваю: кого вамъ угодно?“

„Мнѣ угодно, отвѣчалъ Арсеньевъ съ досадою, вступить на дежурство къ императору“.

— „Къ которому?“ спросилъ маіоръ.

„Что за вопросъ? У насъ одинъ императоръ Павелъ“.

— „Пожалуйте на гауптвахту“.

А обратясь ко мнѣ, маіоръ спросилъ:

¹⁾ Мы узнали, что вся Милліонная улица была всю ночь подъ арестомъ, т. е. изъ живущихъ полиція никого не выпускала и не выпускала.

²⁾ Тогда все дворцовое было „лейбъ“: лейбъ-кострюльки, лейбъ-медики и проч.

— „А вамъ что угодно?“

Отвѣтъ былъ уже готовъ:

„Иду къ адмиралу Кушелеву“.

— „Онъ, нынѣшнюю ночь, переѣхалъ въ свой собственный домъ. Вы тамъ его найдете“;—и оборота мнѣ спину, пошелъ съ Арсеньевымъ на гауптвахту.

Радъ радехонекъ, что отдѣлался отъ маіора, пошелъ я къ экипажу. У монумента Петра I¹⁾, я остановился и размышлялъ: что мнѣ дѣлать, и какъ выручить Арсеньева? Вдругъ скачетъ карета во весь опоръ чрезъ мостъ, чего прежде не было. Смотрю: кто въ ней? Ѳеодоръ Петровичъ Уваровъ. Возвращаюсь опять къ подъѣзду; онъ только что выпрыгнулъ изъ кареты, и я уже стоялъ передъ нимъ и рассказалъ о случившемся. Уваровъ подозвалъ маіора, шепнулъ ему что-то на ухо, и Арсеньевъ явился.

— „Пойдемте, господа, сказалъ Уваровъ, мнѣ велѣно поднять (на катофалокъ) тѣло императора“.

Мы подошли къ опочивальнѣ, у дверей которой стояли два часовыхъ Семеновскаго полка. Мы вошли.....

.....Тѣло (опочившаго государя) окоченѣло. Я не могъ удержаться отъ слезъ, произнесъ про себя тихую молитву и поцѣловалъ руку скончавшагося вѣнценосца..... и выбѣжалъ изъ комнаты. На лѣстницѣ встрѣтилъ я особъ, назначенныхъ для поднятія тѣла, вмѣстѣ съ докторами.

Въ 10 часовъ утра, явился я въ Зимній дворецъ. Здѣсь всѣ залы были почти наполнены военными и гражданскими чиновниками. Въ первой залѣ ходили рука объ руку Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ съ Сперанскимъ, котораго тутъ увидѣлъ въ первый разъ. Среди залы, нѣсколько офицеровъ изъявляли радость свою, что будутъ по старому носить фраги и круглыя шляпы. Я вошелъ во вторую залу. Здѣсь сидѣлъ у камина гр. Н. А. Зубовъ, передъ нимъ стоялъ кн. Яшвилъ. Ихъ окружали нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я наканунѣ вечеромъ видѣлъ у гр. Палена. Громко сказалъ Зубовъ Яшвилю.... (но) я отвернулся, ушелъ назадъ въ первую залу и увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ великаго князя Константина Павловича, съ лорнетомъ въ ру-

¹⁾ У того монумента, что стоитъ предъ Михайловскимъ, нынѣ Инженернымъ, замкомъ.

кахъ, устремившаго взоръ на сидящихъ около камина; какъ будто про себя, но громко сказалъ онъ: „я всѣхъ ихъ повѣсилъ бы“. Съ симъ словомъ, воротился онъ въ первую залу, а я за нимъ. Здѣсь уже начали приводить въ присягѣ, и всѣ другъ за другомъ подписывались. Вдругъ шумъ и говоръ утихли, генералъ Уваровъ расчищалъ дорогу для шедшаго за нимъ наслѣдника. Новый императоръ шелъ медленно, колѣна его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы, смотрѣлъ прямо передъ собою, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка, изображали человѣка, удрученнаго горестію и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока . . .
 Среди общей радости всѣхъ сословій, одинъ Александръ былъ печаленъ.
 видъ огорченнаго императора-сына приобрѣлъ ему сердца всѣхъ.

По окончаніи присяги всѣ разошлись.

II.

Теперь я долженъ, на нѣсколько времени, обратить вниманіе читателя на самого себя. За двѣ недѣли до кончины императора Павла, я, сжался надъ слезами жены, которая была за меня въ непрерывномъ страхѣ, слыша, что тотъ или другой офицеръ несчастливъ или исключенъ—подалъ въ отставку, не взирая ни на просьбы друзей, ни на увѣщаніе начальства. По восшествіи же на престолъ Императора Александра, всѣ совѣтовали мнѣ просить о возвращеніи просьбы, мною поданной; но мнѣ казалось это не деликатнымъ. Что скажетъ государь?—думалъ я; не хотѣлъ служить отцу, а теперь просится въ службу. Ничто, а я менѣе всѣхъ, не могъ выбить эту глупую идею изъ головы моей, молодой и неопытной. На второй недѣлѣ послѣ восшествія на престолъ, я былъ отставленъ. Теперь только пришло мнѣ въ голову спросить самого себя: что дѣлать? Въ Петербургѣ оставаться было невозможно, и рѣшительно средствъ не было никакихъ. По долгомъ размышленіи, которое могло-бы быть и короче, рѣшился продавать мебель, все нужное, но во время путешествія бесполезное, и потомъ уѣхать; но куда? Въ Нижегородской губер-

нин была у меня пустошь, десятинъ 300. „Поѣдемъ, сказалъ я женѣ, заведемся тамъ хозяйствомъ, сдѣлаемся пахарями“. Сосчитали деньги; нашли, что на дорогу денегъ не хватаетъ. Къ счастью, хорошій знакомый и пріятель А. П., вышедшій тоже, какъ и я, въ отставку, ѣхалъ въ свои Нижегородскія помѣстья. Онъ предложилъ ѣхать съ нимъ водою. Что думать? Куплена была большая разшива, которую мы раздѣлили на двѣ половины, и мы, съ женою и сыномъ, помѣстились вмѣстѣ съ А. П. на расшивѣ и поѣхали, чтобы посвятить дни свои хозяйству. Здѣсь планъ разширился: А. П. предложилъ мнѣ ѣхать къ нему, въ его село; и жить тамъ, пока я не учрежусь въ моей пустоши. Предложеніе было довольно деликатное; ибо онъ утверждалъ, что я могу ему быть полезнымъ, раздѣлая его деревенскіе труды. Какъ не согласиться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ путешествіи явилась и цѣль!

Не буду докучать читателю описаніемъ продолжительнаго и скучнаго нашего путешествія. Однако Кострома обратила на себя мое вниманіе; мы здѣсь остановились отдохнуть. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побывать въ Троице-Ипатьевскомъ монастырѣ. Здѣсь послѣдовало предварительное торжественное принятіе Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ предложеннаго ему престола, московскаго царства; и какая простота! Мѣсто, на которомъ онъ стоялъ во время церемоніи, украшено дубовымъ балдахинѣмъ, на которомъ изображены рѣзной работы гербы всѣхъ тогдашнихъ воеводствъ и городовъ; на задней сторонѣ внутри этого простаго, даже неограшеннаго, памятника, натянуто красное сукно, а на немъ изъ узенькаго, золотого галуна поставлена литера *М*. Нѣтъ тутъ ни серебра, ни золота, все просто; а между тѣмъ, все возбуждаетъ почтеніе къ сему памятнику. Монахъ, меня водившій, рассказалъ мнѣ два интересные анекдота, которые я читателю передать хочу, ибо относятся къ Великой Екатеринѣ. Когда сія великая государыня посѣтила монастырь, то, вѣроятно, изъ желанія будто ей угодить, переимѣнили букву *М* на *Е*. Екатерина прогнѣвалась, вышла изъ церкви, и не прежде воротилась, какъ буква *Е* уже была замѣнена прежнею *М*, которая, по словамъ Екатерины, достойнѣе была занимать это мѣсто.

Другой анекдотъ доказываетъ, какъ умѣла Екатерина ува-

жать мнѣніе народа, даже суевѣріе его, и тѣмъ сдѣлалась Великою женою. Она уже стояла на мѣстѣ, на которомъ стоялъ ея предшественникъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ увидѣла порядочно одѣтую даму, приблизившуюся къ образу св. Богородицы; дама, помолившись, стала на колѣни и положила предъ иконою большой свертокъ бумаги. Это удивило Екатерину; она обратилась къ стоящему вблизи генераль-адъютанту и приказала спросить у неизвѣстной дамы: что это за бумаги? Онъ возвращается и докладываетъ: „барыня эта подала просьбу Богородицѣ на ваше императорское величество“. Государыня, приказавъ ее подозвать, сказала: „за что вы меня такъ жестоко наказываете?—подаете на меня просьбу Пресвятой Богородицѣ“.—„И нѣсколько разъ, отвѣчала барыня, осмѣливалась утруждать ваше величество, жалуясь на несправедливость судей, лишившихъ меня слѣдующаго мнѣ имѣнія. Не получая никакого отвѣта, я рѣшилась просить Пресвятую Богородицу“.—„Возьмите вашу просьбу назадъ, отдайте ее мнѣ; я сама разсматриваю ваше дѣло и отдамъ вамъ должную справедливость“. Дѣйствительно, государыня, разсмотрѣвъ ея дѣло, возвратила ей несправедливо отнятое у нея имѣніе и оштрафовала судей.

Подобный поступокъ привязываетъ болѣе сердца подданныхъ къ владыкамъ своимъ, нежели раздача наградъ, не всегда истинно заслуженныхъ.

Наконецъ, послѣ многихъ неудачъ, безпокойствъ и лишеній разнаго рода, мы приплыли къ мѣсту нашего назначенія, и, увы! скоро все то, о чемъ я мечталъ, все то, что мнѣ издалика казалось выгоднымъ, даже плѣнительнымъ, явилось на мѣстѣ неудобнымъ, или лучше совершенно невозможнымъ. Быстрое разрушеніе всѣхъ моихъ плановъ, и будущее, не представляющее мнѣ ничего утѣшительнаго, произвело сильное волненіе въ сердцѣ и повергло наконецъ въ болѣзнь. Жена тоже занемогла. Насъ перевозили больныхъ въ Нижній Новгородъ. Какъ насъ люди наши перетаскивали въ городъ, какимъ образомъ я, послѣ тяжелой горячки, первый началъ оправляться, потомъ жена моя,—не могу понять и доселѣ. Едва успѣлъ я встать на ноги, явились и заботы. Во время болѣзни нашей, люди, чтобы платить за квартиру, за лекарство и проч., продали почти всѣ наши позитки, серебро, часы, и т. д.; но, къ счастью, уцѣлѣлъ фракъ, въ которомъ я прилично могъ явиться въ публику. Не зная никого, я

пошелъ прямо къ г. гражданскому губернатору, рассказалъ ему откровенно свое положеніе; но онъ уже объ ономъ былъ извѣщенъ. Г. гражданскій губернаторъ, принявъ меня ласково, отерлъ мнѣ домъ свой, воскресилъ во мнѣ надежду и, наконецъ, по его вліянію, и стараніями М. Л., съ которымъ я познакомился у губернатора, дворянство выбрало меня въ засѣдатели совѣстнаго суда.

III.

Совѣстный судъ возстановленъ былъ императоромъ Александромъ послѣ кончины Павла I. Здѣсь явился случай, о которомъ рассказать почитаю обязанностію, ибо онъ имѣлъ сильное вліяніе на будущую судьбу мою. Въ Нижнемъ Новгородѣ жилъ чело-вѣкъ, извѣстный своими странностями и своимъ богатствомъ. Это былъ отставной поручикъ Нармондскій; онъ ходилъ въ длинномъ, бархатномъ, русскомъ кафтанѣ, и проводилъ дни въ совершенномъ отчужденіи отъ людей. Я объ немъ слышалъ, но никогда не видалъ. Въ одно утро рано, приходитъ ко мнѣ Нижегородскій полицеймейстеръ Кемпекъ, бывшій прапорщикъ прусской службы, слѣдовательно съ длинною по поясъ восою, и объясняетъ мнѣ слѣдующее: „г. Нармондскій въ несчастіи, а онъ мой благодѣтель. Приѣхалъ сюда отставной маіоръ Т., купившій у наслѣдниковъ Нармондскаго за 5 т. р. асс. право получить имѣніе, состоящее изъ 2 т. душъ. Нашелъ въ гражданской палатѣ покровительство; она, по иску Т. ¹⁾, требовала, чтобы Нармондскій явился и далъ отвѣтъ. Онъ ни того, ни другаго не сдѣлалъ, утверждая, что при жизни его, а еще менѣе за 5 т. р., нельзя купить имѣнія въ 2 т. душъ безъ обмана казны. Палата посадила его въ тюрьму. Нармондскій проситъ позволенія подать просьбу въ совѣстный судъ“. Судья, князь Г., былъ въ отсутствіи; а я, обрадовшись случаю защитить притѣсненнаго, сказалъ полицеймейстеру, что тутъ спрашивать нечего; пусть подаетъ. Между тѣмъ, отправилъ я эстафету къ князю съ слѣдующей запиской: „Приѣзжайте, князь, какъ можно поспѣшнѣе;

¹⁾ Фамилія здѣсь и далѣе скрыта подъ заглавныя буквы самимъ де-Сангленомъ. Ред.

здѣсь давать невиннаго; онъ подалъ въ судъ просьбу, и я уже началъ дѣйствовать. Ради Бога, прїѣзжайте скорѣе, чтобы не вырвали у насъ изъ рукъ добраго дѣла“. Князь тотчасъ прискакалъ; мы вытребовали дѣло изъ гражданской палаты и, по извѣстной статьѣ учрежденія, немедленно освободили Нармондскаго. Маіоръ Т. не желалъ судиться въ совѣстномъ судѣ; а мы, по этому самому нежеланію судиться по совѣсти, отказали Т. въ искѣ его, съ прописаніемъ всей незаконности онаго. Т. поѣхалъ въ Петербургъ и принесть жалобу г. министру юстиціи на князя и на меня; слѣдствіемъ чего было, что насъ потребовали въ Петербургъ. Краснорѣчіе наше, жаръ, съ которымъ защищали мы невинность, оскрамили маіора Т. Ему отказано было, а меня повелѣно принять въ службу, и я помѣщенъ былъ въ Москву, въ удѣльную контору, товарищемъ совѣтника.

IV.

Тогда удѣльной экспедиціи подвластны были нѣсколько губерній, что все составляло 80 т. душъ. Боже мой! съ какимъ восторгомъ спѣшилъ я въ Москву, чтобы скорѣе вступить въ должность и сдѣлаться защитникомъ и покровителемъ 80 т. душъ. Я мечталъ уже быть дѣйствительно ихъ благодѣтелемъ. Меня въ этомъ сильнѣе обрадовало то, что, при отпускѣ, г. министръ удѣловъ сказалъ мнѣ: „пишите прямо ко мнѣ: я поставилъ въ Москвѣ совѣтникомъ человѣка стараго, но почтеннаго. Вы молоды, дѣятельны; вамъ довѣряю участь значительной части людей. Я надѣюсь на васъ; пишите прямо ко мнѣ“. Чего же лучше? я этому повѣрилъ и радовался заботливости министра о человѣчествѣ. Увидимъ послѣдствія.

Начальникъ удѣльной экспедиціи, совѣтникъ К., — былъ человѣкъ добрый, мягкій, но безъ всякой энергіи и воли, довольно простоватый, старый и занимался болѣе подправкою, масляною краскою, испорченныхъ картинъ у графовъ Шереметева и Мусина-Пушкина. Это составляло его кредитъ; но его поддерживала еще хитрая его жена, находившаяся въ тѣсной связи съ извѣстной тогда Прасковьей Степановной, любимицею министра удѣловъ. Презрѣнная эта связь заставила меня презирать и совѣтника, и

жену его, пользовавшихся такимъ гнуснымъ кредитомъ, даже и всѣхъ товарищей и служащихъ въ экспедиціи, которые ползали предъ начальникомъ изъ этой подлой связи. Въ самомъ дѣлѣ, я бранился съ подчиненными, и неоднократно заставлялъ возвращать крестьянину насильно у него взятое. Спустя недѣлю послѣ вступленія моего въ должность, явилась въ судъ крестьянка села Коломенскаго, бросилась предъ совѣтникомъ на колѣна и просила защиты. „Отдають, говорила она, по мірскому приговору, мужа моего, отца пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, въ рекруты, чтобы спасти богатаго крестьянина, на которомъ очередь, отъ рекрутства“. Совѣтникъ обратился къ секретарю, который объявилъ, что дѣлать нечего, ибо это сдѣлано по мірскому приговору. „Какъ нечего? вскричалъ я; вызвать голову, и узнать отъ него, справедлива ли жалоба крестьянки, и дать ей бѣдной утѣшеніе, что просьба ея не осталась безъ вниманія“. Секретарь сказалъ совѣтнику: „это только умножить дѣла“. — „А зачѣмъ мы тутъ, сказалъ я, если не для того, чтобы подавать помощь обиженнымъ?“ Что я ни говорилъ, какъ, изъ жалости, ни заступался за эту бѣдную женщину, — все было не впопадъ. Совѣтникъ объявилъ крестьянкѣ, что въ этомъ случаѣ дѣлать нечего, ибо все учинено законно, по мірскому приговору, и экспедиція далѣе входить не можетъ. Крестьянка пошла со слезами, а я, по окончаніи присутствія, поскакалъ въ село Коломенское прямо къ головѣ; спрося его подробно обо всемъ, не состоитъ-ли этотъ крестьянинъ въ какомъ либо дурномъ замѣчаніи и, получа отъ него отвѣтъ отрицательный, я представилъ ему всю несправедливость ихъ поступка и увѣщевалъ его собрать мірскую сходку и уговорить крестьянъ перемѣнить этотъ безсѣстный приговоръ. На другой день, пріѣхалъ ко мнѣ голова съ объявленіемъ, что первый приговоръ уничтоженъ; богатый крестьянинъ, на котораго была очередь, представилъ за себя купленнаго имъ съ воли рекрута, и мужъ просительницы освобожденъ. Я очень обрадовался спасенію отца малолѣтняго семейства; а онъ, въ простотѣ сердца, сказалъ: „какой ты, батюшка, страдательный“. Немедленно послѣ сего я увѣдомилъ г. министра, согласно приказанію его, о моемъ поступкѣ, сдѣланномъ единственно изъ челоуѣколюбія.

Съ первой почтой получилъ я отъ г. министра отвѣтъ, въ которомъ сказано: „отдавая полную справедливость движеніямъ

сердца вашего, долженъ вамъ замѣтить, что успѣхи каждаго присутственнаго мѣста зависятъ отъ согласія и единодушія всѣхъ членовъ“.

Что такое? Слѣдовательно мнѣ не должно поступать по движенію сердца, которое однакоже одобряется. Воля г. министра; но я не понимаю, и, вопреки мнѣнію его превосходительства, буду дѣйствовать, какъ совѣсть и честь повелѣваютъ; а тамъ, да будетъ воля Господня! Вскорѣ явился случай, въ которомъ могъ привести въ исполненіе обнаруженные мною правила.

Полученъ былъ въ экспедиціи рапортъ о продолжающемъ бунтѣ въ Карповскомъ приказѣ, куда уже до меня отправленъ былъ второй товарищъ совѣтника, и былъ встрѣченъ крестьянами розгами, и выгнанъ изъ селенія. Генераль-губернаторъ, графъ Салтыковъ, собирался послать военную команду для усмиренія. Экспедиція дала мнѣ указъ—ѣхать въ селеніе Карпово для усмиренія бунтовщиковъ. Я явился къ графу Салтыкову, просилъ его не отправлять военный караулъ, а позволить мнѣ ѣхать одному.

— „Васъ убьютъ“, сказалъ мнѣ графъ.

„Я не думаю, ваше сіятельство!“

Графъ. „Они обѣщались убить перваго, кто пріѣдетъ изъ Москвы“.

Я: „Это ясно доказываетъ, что крестьяне имѣютъ важныя причины быть недовольными; а я не успѣлъ еще обратить на себя ихъ негодованіе“.

Графъ, улыбаясь, „Статься можетъ. Поѣзжайте съ Богомъ, и если возвратитесь, пріѣзжайте прямо ко мнѣ“.

Я немедленно нанялъ лошадей, взялъ съ собою чиновника изъ экспедиціи, и, въ сопровожденіи своего человѣка, пустился въ путь.

Къ ночи мы пріѣхали въ Брельскій (?) приказъ, откуда до Карповскаго оставалось только 8 верстъ. Голова Брельскій разсказалъ мнѣ, что въ этотъ же день была въ Карповѣ мірская сходка, на которую вышелъ священникъ со крестомъ, желая ихъ усмирить; но они, поколота его порядочно, сказали: „убирайся, въ Москвѣ убили архіерея, а тебя щелчкомъ отправимъ на тотъ свѣтъ“. Голова разсказалъ мнѣ еще и другія подробности, и окончилъ прошеніемъ не ѣхать, ибо они поклялись, если кто изъ экспедиціи пріѣдетъ, взяточника убить. Утро вечера мудренѣе, сказалъ я: выплусь и потомъ съ Богомъ, а ты, голова, выбери мнѣ че-

ловѣкъ восемь понятыхъ людей, здоровыхъ, съ веревками за пазухой, чтобы ѣхали со мною верхомъ; это только для того, чтобы проводить меня до приказа проселкомъ, и чтобы объявили тебѣ, если меня убьютъ.

На другой день, вставъ рано по утру, велѣлъ закладывать, и съ восемью понятыми отправился я въ село Карпово. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ понятыхъ вскричалъ: „вотъ и село Карпово“. Подѣхавъ къ оному, приказалъ я понятымъ скрыться въ первой избѣ, оставя одного при себѣ, а прочимъ ожидать моего приказанія. Едва успѣлъ я поровняться съ церковью, какъ ударили въ набатъ. Я послалъ понятаго на колокольню съ приказомъ, сильнѣе бить. Между тѣмъ, изъ дома, находящагося противъ церкви, вышелъ ко мнѣ священникъ, весь избитый. Онъ повторилъ мнѣ то, что я уже слышалъ въ Брелі, и совѣтовалъ мнѣ воротиться, потому что крестьяне дали другъ другу слово убить перваго пріѣзжаго изъ удѣльной экспедиціи. „Не бойтесь, отвѣчалъ я; готовьтесь отслужить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ за здравіе всемилостивѣйшаго государя нашего“; а самъ сталъ на паперти при входѣ въ церковь. Явился съ колокольни понятой съ объявленіемъ, что со всѣхъ сторонъ валитъ народъ такъ, что пыль столбомъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени прибыли тысячи, и когда подошли къ церкви: „здравствуйте, господа, сказалъ я имъ; я самъ велѣлъ бить сильнѣе въ набатъ, чтобы вы скорѣе пришли, и собрать васъ къ молебну; пойдете!“ — и самъ пошелъ впередъ. Всѣ хлынули за мною, и менѣе чѣмъ въ четверть часа, уже въ церкви мѣста не было. Началось молебствіе, и по окончаніи онаго, приказалъ я чиновнику, при мнѣ находящемуся, прочитатъ указъ, данный на мое имя изъ экспедиціи, чтобы разобрать причины неудовольствія крестьянъ. Не выходя изъ церкви, обратился я къ народу, сказавъ громко: „теперь пойдете въ приказъ“. Я шелъ бодро; подлѣ меня блѣдный, едва дышущій чиновникъ, а за нами народъ. Слишкомъ шумливый говоръ народа заставилъ меня остановиться и закричать: „смирно!“ и все смолкло. Пришли. Я вошелъ въ приказную избу; она была такъ тѣсна, что едва 20 человекъ могли въ ней помѣститься. Я велѣлъ вынести столъ въ поле, сундукъ съ бумагами, расчетами и проч., и стулъ для себя. Когда это было исполнено, потребовалъ я смѣненнаго самовольно крестьянами го-

лову, выборнаго писаря и проч. Явился высокорослый, дюжій, рыжій крестьянинъ и сказалъ: „Я выбранъ міромъ головой; всѣ прочіе, прежніе, по мірскому приговору, лежатъ скованы“.—Гдѣ?— „Подлѣ приказа“.—У кого ключи?— „А хоть-бы и у меня-ста“.— „Такъ пойдемъ, братъ, со мною; мнѣ нужно допросить стараго голову.“

Мы вошли въ избу, въ которой былъ самый тягостный духъ; ибо, уже 3 недѣли, эти несчастные лежали другъ подлѣ друга на соломѣ. „Подай мнѣ ключъ“, сказалъ я.—Онъ пріостановился. „Подавай, вскричалъ я, или худо будетъ“; и постучалъ пшпайгой по полу. Онъ подалъ ключъ. „Раскуй ихъ“.—Онъ это исполнилъ. Когда всѣ были раскованы, велѣлъ бывшему головѣ сковать новаго, и, по окончаніи сей церемоніи, вышелъ со всѣми освобожденными къ народу, сказавъ ласково: „вы поступили противузаконно, самовольно смѣнивъ начальниковъ, утвержденныхъ указомъ экспедиціи въ силу высочайшей воли. Я теперь дѣло поправилъ, а ихъ привелъ къ вамъ къ отчету“.—Мы ихъ не хотимъ, подай намъ новаго!! закричалъ народъ.— „Я вамъ ихъ и не отдаю, сказалъ я; а они нужны, чтобы ихъ счесть. Ребята! нуженъ порядокъ, дѣлайте что прикажу; новый вашъ голова скованъ;—и показалъ имъ ключъ. Въ противномъ случаѣ,—указывая на вытребованныхъ мною понятыхъ изъ Брели,—кто первый безъ моего спросу заговорить, велю связать. Станьте въ кучку по деревнямъ вокругъ стола и выбирайте изъ каждой деревни по одному человѣку, которому вы вѣрите, чтобы я могъ его спрашивать“. Они начали другъ на друга поглядывать.— „Что вы стоите? вскричалъ я; чтѣ приказано, то дѣлать!“—Спросилъ освобожденнаго голову, какъ зовутъ деревни. Онъ началъ называть, а я устанавливалъ крестьянъ вокругъ стола. Потомъ выбрали они по одному говоруну изъ каждой деревни; каждый сталъ ближе къ столу. Я сталъ спрашивать и узналъ, что неудовольствіе ихъ проистекало отъ сильныхъ сборовъ, сверхъ подушныхъ и оброчныхъ.

— Подай мнѣ, сказалъ я головѣ, отчетность въ деньгахъ.

— Вотъ это дѣло!! закричалъ народъ.

— Молчать! — закричалъ я въ свою очередь, и началъ считать; громко читалъ каждую издержку. Тому-то столько, за это столько; самъ я записывалъ каждую издержку, вывелъ итогъ, и ужаснулся! Въ три года, сверхъ подушныхъ и оброчныхъ, дорож-

ныхъ и прочихъ узаконенныхъ (сборовъ), собрано было и издержано 36 т. руб. асс.! Если что оправдывало бывшаго голову, это то, что онъ раздавалъ чиновникамъ деньги при избранномъ отъ міра особомъ счетчикѣ и волостномъ писарѣ. Окончивъ это, я собралъ всѣ эти документы грабежа и объявилъ народу, что я представляю ихъ въ экспедицію. Тутъ приступилъ я, вслѣдствіе даннаго мнѣ указа, къ тому, чтобъ узнать о зачинщикахъ этого безпорядка. Это продолжалось очень долго и безъ успѣха. Наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, бросился я на одного, который больше всѣхъ кричалъ. — Это ты, сказалъ я, и велѣлъ его связать. — Какъ это онъ узналъ? — огласилось въ народѣ. Для удостовѣренія болѣе не нужно было. Я взялъ его къ допросу, и онъ назвалъ 8 человѣкъ зачинщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и скованный мною голова. Всѣхъ ихъ велѣлъ я, немедленно, отправить въ экспедицію въ Москву. Прочій народъ пригласилъ въ село, выкатилъ имъ, на знакомство, бочку вина, и пошло празднество.

Не дождавшись окончанія онаго, я уѣхалъ въ Москву, подалъ въ экспедицію подробный рапортъ о моихъ дѣйствіяхъ, съ приложеніемъ всѣхъ документовъ, и старался, въ огражденіе бѣдныхъ крестьянъ, выставить, что единственно тяжкіе и незаконные сборы заставили выйти изъ терпѣнія, а не своеволие или желаніе быть бунтовщиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ г. министра о происшедшемъ, съ приложеніемъ копій, за скрѣпой, со всѣхъ документовъ, представленныхъ въ экспедицію, и просилъ, сколь возможно, смягчить участь бѣдныхъ, угнетенныхъ крестьянъ.

Явилось все иначе, и неожиданно, — какъ будто моей поѣздки не бывало. Указомъ департамента удѣловъ предписано было г. совѣтнику ѣхать со мною на мѣсто, чтобы удостовѣриться вполнѣ о дѣйствіяхъ бунтовщиковъ, и предать зачинщиковъ всей строгости законовъ. Симъ указомъ бездѣйствіе совѣтника, и всѣ виновники неудовольствія крестьянъ были отстранены (отъ отвѣта).

V.

Возвратясь въ Москву, я подалъ въ отставку. Цѣлый годъ меня не отставляли; наконецъ явился ко мнѣ на квартиру Московскій почтъ-директоръ К., служащій подъ вѣдѣніемъ того-же министерства, и, отъ имени г. министра, предложилъ мнѣ перейти

въ почтамтъ, гдѣ я получать буду то же жалованье, которое получалъ въ экспедиціи, и что экспедиція мнѣ выдастъ годовое жалованье; сверхъ того обѣщалъ мнѣ въ почтамтъ квартиру и дрова, чего я впрочемъ не получилъ. Не подозрѣвая никакого обмана, я не согласился,—какъ вдругъ узналъ, что я нахожусь въ спискѣ чиновниковъ, служащихъ въ почтамтѣ. Къ счастью, по знакомству съ ректоромъ Московскаго университета, Ч., услышалъ я, что велѣно, по высочайшему повелѣнію, отыскать чиновника, который бы могъ читать публично тактическія лекціи, и что уже одинъ майоръ, К. д'А., явился, и ему назначено въ такой-то день читать пробную лекцію. Я просилъ Ч. назначить мнѣ такую же пробную лекцію послѣ майора К. д'А. По извѣщенію ректора, явился я въ назначенный день. Присутствовали всѣ профессора; изъ постороннихъ слушателей были И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, кн. А. И. Вяземскій, оберъ-полицеймейстеръ Балашовъ, нѣсколько военныхъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, и гг. студентовъ.

Кураторомъ московскаго университета былъ тогда М. Н. Муравьевъ. Обѣ лекціи были къ нему отправлены; мои удостоились утвержденія, и приказано было, каждую мою лекцію, хорошо переписанную, отправлять въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени былъ и самъ вызванъ въ Петербургъ, и опредѣленъ къ генераль-адъютанту князю П. М. Волконскому, который тогда съ графомъ Ливеномъ дѣлилъ портфель военный, ибо военного министра еще не было. Это продолжалось не долго. Графа Ливена отправили посланникомъ въ Лондонъ, а князя Петра Михайловича послали путешествовать по Европѣ. Мнѣ велѣно быть его спутникомъ. Здѣсь большая для меня непріятность была та, что вездѣ, куда князь ни представлялся, всѣ почитали меня даннымъ ему для совѣтовъ. Это произвело нѣкоторое охлажденіе со стороны князя. Наконецъ, въ Берлинѣ явился случай, который уже озлобилъ князя противъ меня. Французы тогда господствовали въ Берлинѣ. Князь и я приглашены были къ коменданту Берлина Сентъ-Гиллеру. За обѣдомъ зашла рѣчь объ Аустерлицкомъ сраженіи; князь не осторожно началъ утверждать будто Аустерлицкое сраженіе не было проиграно. Всѣ французскіе генералы, бывшіе за столомъ, опровергали мнѣніе князя, который не могъ подкрѣпить никакимъ доказательствомъ высказанное имъ, но стоялъ крѣпко на своемъ.

Это взбѣсило французскаго гусарскаго генерала Ruffin, который сказалъ слѣдующую нескромную фразу:

— „Dans le bulletin sur la journée d'Austerlitz il est dit: l'empereur de Russie était entouré de trente sots, étiez vous, mon prince, du nombre?“

Къ крайнему моему удивленію, князь молчалъ; я всталъ изъ-за стола и сказалъ: „Chez nous, quand on invite les français à diner, ce n'est pas pour leur dire des choses désagréables“.

Тотъ же генералъ Руфинъ вскричалъ: „Bravo, m-r le major! on voit bien que le sang français coule encore dans vos veines“.

Я отвѣчалъ: „Vous vous trompez, général, je suis russe et c'est un russe, qui a l'honneur de vous parler“.

— „Ne voudriez vous pas, par hazard, vous battre avec nous tous?“ продолжалъ тотъ же генералъ.

„Pourquoi pas, messieurs, mais l'un après l'autre“.

Тогда комендантъ, который во все время чѣмъ-то занималъ князя, подлѣ него сидящаго, закричалъ: „Du champagne! Buвons à la santé du major russe et la paix sera faite. Nos empereurs sont amis, leurs sujets doivent l'être aussi!“

Переводъ. „Въ бюллетенѣ объ Аустерлицкомъ сраженіи сказано, что императоръ Россіи былъ окруженъ тридцатью дураками; не были ли и вы въ числѣ ихъ, князь?“ (Къ крайнему моему удивленію князь молчалъ: я всталъ изъ-за стола и сказалъ: „Если у насъ приглашаютъ французовъ къ обѣду, то отнюдь не съ тѣмъ, чтобы говорить имъ непріятности“). (Тотъ же генералъ Руфинъ отвѣчалъ: „Браво! г. маіоръ, сейчасъ видно, что въ вашихъ жилахъ течетъ еще кровь француза“). (Я отвѣчалъ: „вы ошибаетесь генералъ, я русскій и съ вами имѣетъ честь говорить русскій“).—„Ужъ не захотите ли вы драться съ нами со всѣми“, (продолжалъ тотъ же генералъ). „Я согласенъ, господа, только по очереди“. (Тогда комендантъ, который во все время чѣмъ-то занималъ князя, подлѣ него сидящаго, закричалъ: „шампанскаго! Выпьемъ за здоровье русскаго маіора и миръ будетъ заключенъ. Наши императоры друзья и подданные ихъ должны быть тѣмъ же!“)

Веселье возстановилось, какъ будто ничего не было. Съ этого дня, я приглашаемъ былъ на всѣ парады, ученія и проч. И этого анекдота не разскажалъ бы, если бы онъ не имѣлъ важнаго послѣдствія на судьбу мою. Весьма натурально, что, послѣ сего прокшества, отношенія князя со мною становились со дня на день хуже. Ему хотѣлось, кажется, холоднымъ со мною обращеніемъ, иногда даже отрывисто грубымъ, вывести меня изъ терпѣнія, чтобы я просился обратно въ Петербургъ. Но я замѣтилъ

это, и притворился будто ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ доѣхали мы до Дрездена, гдѣ прожили съ мѣсяцъ. Черезъ недѣлю ознакомились съ лучшими домами; опять оказывали предпочтеніе мнѣ. Это पुще возбудило негодованіе князя. Однакоже мы доѣхали еще вмѣстѣ до Теплица. Здѣсь объявилъ мнѣ князь, что онъ болѣе во мнѣ нужды не имѣетъ, и спросилъ: не имѣю ли я желанія ѣхать къ семейству моему въ Петербургъ? Я изъяснилъ мою благодарность князю и готовность ѣхать обратно въ Петербургъ. Онъ снабдилъ меня письмомъ къ государю императору, объявляя, что отрекомендовалъ меня его величеству выгоднѣйшимъ образомъ. Посланный снабдилъ меня надлежащимъ видомъ, и я благополучно прибылъ къ своему семейству въ Петербургъ. На другой день, явился я къ графу Аракчееву, который теперь былъ военнымъ министромъ.

— „Я доложу, сказалъ мнѣ графъ, о прибытіи вашемъ государю, и спрошу: куда его величеству угодно будетъ васъ опредѣлить“, и взялъ у меня письмо князя къ государю.

Въ тотъ же день высочайшимъ приказомъ повелѣно было мнѣ состоять при г. военномъ министрѣ, графѣ Аракчеевѣ; а на третій день потребовалъ меня графъ къ себѣ, чтобы объявить мнѣ высочайшій выговоръ, сдѣланный по письму генераль-адъютанта князя Волконскаго, который писалъ, что, „по ненадежнымъ“ моимъ правиламъ, отправляетъ меня обратно.

Я спросилъ графа: „позволено-ли будетъ мнѣ оправдываться?“

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Эхъ, любезный другъ, совѣтую вамъ слѣдовать русской пословицѣ: съ сильнымъ не дерись, съ богатымъ не тягайся; впрочемъ вы оправданы, ибо въ семъ же письмѣ онъ высказалъ себя подлецомъ, ибо нищенски выпрашиваетъ у государя себѣ денегъ,—какъ будто у него ихъ нѣтъ! а вамъ сдѣланъ выговоръ для формы, потому что жалуется генераль-адъютантъ“.

Теперь я числился при графѣ, но никакихъ порученій не имѣлъ. Чтобы не бесполезно проводить время, началъ я издавать историческіе и тактическіе отрывки. Это изданіе подало мысль издавать военный журналъ, который порученъ былъ Рахманову. Онъ просилъ меня быть участникомъ въ журналѣ; но я отказался и по выходѣ нѣсколькихъ тетрадей моихъ отрывковъ, я, обиженный тѣмъ, что не мнѣ поручили военный журналъ, подалъ въ отставку, которую и получилъ.

Я теперь жилъ собственными трудами: переводилъ, иногда сочинялъ, и, сверхъ того, былъ поддерживаемъ, деликатнымъ образомъ, соученикомъ, съ которымъ нѣсколько лѣтъ мы были въ дружбѣ. Память этого человека мнѣ священна.

VI.

Открылась мнѣ вновь дорога на службу. А. Д. Балашовъ сдѣланъ былъ исправляющимъ должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора; я его зналъ еще въ Ревелѣ, гдѣ, въ царствованіе Павла, онъ былъ военнымъ губернаторомъ. Я явился къ нему, и онъ предложилъ мнѣ службу при немъ. Я не иначе согласился, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ сперва узналъ мнѣніе обо мнѣ государя, ибо я былъ ему оклеветанъ кн. Волконскимъ. Балашовъ сказалъ мнѣ при первомъ свиданіи: „я докладывалъ государю. Его величество изволилъ улыбнуться и сказать:—„я знаю, Волконскій приревновалъ его къ женѣ своей, и онъ на него напалъ“; и я былъ опредѣленъ при военномъ губернаторѣ, который поручилъ мнѣ иностранное отдѣленіе.

Когда учреждена была адресъ-контора, то я сдѣланъ начальникомъ иностраннаго отдѣленія оной. За труды мои при учрежденіи адресъ-конторы и установленнаго въ ней порядка, я пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Теперь открылось мнѣ новое поприще: учреждаются министерства. Сперва ихъ было четыре, потомъ начали умножаться, и наконецъ назначалось министерство полиціи. Такъ какъ напередъ извѣстно было, что государь назначалъ на это мѣсто Балашова, то Сперанскій поручилъ ему составить для себя учрежденіе этого министерства. Балашовъ поручилъ этотъ трудъ мнѣ. Я, соображаясь съ учрежденными уже министерствами и съ лучшими твореніями о полиціи, написалъ этотъ уставъ, который Балашовъ отправилъ Сперанскому на разсмотрѣніе. Я удивился, когда Балашовъ возвратилъ мнѣ мое сочиненіе безъ малѣйшаго со стороны Сперанскаго замѣчанія, и съ сей минуты Балашовъ поставленъ былъ на ряду со всѣми тогда славившимися иностранными министрами полиціи. Уставъ этотъ былъ утвержденъ государемъ. Балашовъ сдѣланъ былъ министромъ полиціи, а

я—правителемъ особенной его канцеляріи, и былъ на равныхъ правахъ съ директорами департаментовъ.

Въ этомъ званіи, я съ Балашовымъ жилъ въ добромъ согласіи, и я не могъ довольно имъ нахвалиться,—какъ вдругъ явились обстоятельства, отъ меня независяція. Натурально, что я старался, всѣ заготавливаемые для государя доклады писать сообразно тому, какъ Балашовъ мнѣ говорилъ, что государь ихъ любитъ, т. е. чтобы доклады были какъ можно болѣе сокращены, переписаны четекою красивою рукою и на хорошей бумагѣ. По словамъ Балашова, государь объявилъ ему, что особенная канцелярія имѣетъ преимущества предъ всѣми департаментами. Одинъ разъ, министръ сказалъ мнѣ съ видомъ неудовольствія: „только ваши доклады сходятъ, а прочіе, изъ другихъ департаментовъ, я привезъ“. Чрезъ нѣсколько времени объявилъ онъ мнѣ, возвратясь отъ государя: „Поздравляю васъ“, и ироническая улыбка явилась на устахъ его, „государь приказалъ вамъ исправить доклады прочихъ департаментовъ“. Хотя я и видѣлъ, что мнѣ предстоитъ бѣда, т. е. неминуемая ссора съ министромъ, но дѣлать было нечего, а самолюбіе не позволяло пренебрегать докладами. Однажды Балашовъ съ величайшимъ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ: „государь приказалъ мнѣ брать васъ съ собою въ Царское Село, чтобы вы, въ случаѣ неисправности, поправляли доклады другихъ департаментовъ“, и прибавилъ еще: „только ваши доклады и хороши“.

Съ сего времени я уже всегда ѣздилъ съ министромъ въ Царское Село.

Однажды, въ Царскомъ-же Селѣ, Балашовъ, вышедъ отъ государя, объявилъ мнѣ: „государь желаетъ васъ видѣть; пойдете въ садъ; тамъ мы его встрѣтимъ“. Такъ, дѣйствительно, и было; государь, поровнявшись съ нами, остановился и разговаривалъ съ Балашовымъ о погодѣ, перемѣнахъ, которыя желаетъ сдѣлать во дворцѣ, въ саду, и во все время разговора смотрѣлъ пристально въ лорнетъ на меня.

Когда государь удался, Балашовъ съ иронической улыбкой сказалъ мнѣ: „поздравляю васъ; вы теперь съ государемъ познакомились“.

— „Да! отвѣчалъ я, какъ статуя, на которую смотреть; ваше превосходительство забыли сказать про меня, что я, какъ статуя Мемнона, издаю звуки при появленіи солнца“.

Балашовъ кисло улыбнулся, и мы возвратились въ кавалерскія наши воннаты. Наконецъ, объявилъ мнѣ Балашовъ: „государь спрашивалъ меня, не пожелаете ли вы быть полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ,—продолжалъ Балашовъ: что это мѣсто можетъ (быть) для васъ не годится: вы добротою своею и религіозностію все можете испортить“.

Я поблагодарилъ Балашова за столь лестный для меня отзывъ. Не менѣе того, я уже готовился подать въ отставку, во избѣжаніе худшаго, — какъ внезапно слѣдующій неожиданный случай, встрѣтившійся со мною, остановилъ меня.

Иностранцу шевалье de Vernègues затруднялись выдавать билетъ для прожитія въ С.-Петербургѣ. Шевалье прибѣгнулъ ко мнѣ. Я объ этомъ доложилъ Балашову.

— „Скорѣе, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, прикажите ему выдать билетъ; это тайный дипломатическій агентъ Людовика XVIII; постарайтесь съ нимъ познакомиться поскорѣе; чрезъ него мы можемъ многое узнать“.

Vernègues сдѣлался скорѣ у меня челоѣкомъ домашнимъ. Онъ рассказывалъ мнѣ о связяхъ своихъ съ графами Толстыми и Армфельтомъ, и что послѣдній желаетъ со мною познакомиться: „Il est tout aussi enchanté, сказалъ онъ мнѣ, de votre caractère chevaleresque, que moi; allons un jour chez lui“.

Переводъ: „Онъ восхищается нашимъ рыцарскимъ характеромъ, точно также какъ и я; сходимъ когда нибудь къ нему“.

Я сообщилъ это Балашову, который поощрялъ меня вступить съ ними въ связь. На отвѣтъ мой, что я боюсь знакомиться съ людьми хитрыми, вращаемыми во всѣхъ дворцовыхъ интригахъ, Балашовъ просилъ меня убѣдительно продолжать это знакомство. Теперь посѣщали меня и графъ Армфельтъ, и Vernègues. Долго оба интригана скромничали; наконецъ графъ Армфельтъ началъ пересказывать мнѣ свои разговоры съ императоромъ, и просилъ меня быть осторожнымъ съ Балашовымъ, ему ничего не довѣрять, ибо онъ въ сильномъ подозрѣніи у императора. Я довелъ и это до свѣдѣнія Балашова.

— „Вретъ онъ, сказалъ министръ полиціи; онъ самъ въ подозрѣніи у императора, и мнѣ поручено имѣть за нимъ строгій надзоръ“.

Я испугался. Кто изъ нихъ правъ? Не оба-ли? Тогда я попадаюсь между двухъ огней,—и рѣшился отнынѣ слушать и молчать.

Бываютъ въ жизни случаи, гдѣ никакая человѣческая осторожность и предусмотрительность ничего сдѣлать не могутъ; какая-то скрытная, неизвѣстная намъ сила влечетъ насъ, и горе тому, который ей будетъ сопротивляться.

VII.

Въ декабрѣ 1811 года, по полудни въ 6 часовъ, входитъ дежурный офицеръ съ докладомъ, что Зиновьевъ желаетъ меня видѣть. Я думалъ, что это другъ Балашова, толстый, высокій ростомъ, камергеръ Зиновьевъ, который снабжалъ министерскій столъ фруктами, и велѣлъ ему отказать. Дежурный воротился съ объявленіемъ, что Зиновьевъ утверждаетъ будто имѣть крайнюю нужду до меня. Входитъ низенькій, тоненькій человѣкъ, который требуетъ говорить со мною на-единѣ. На вопросъ мой: съ кѣмъ имѣю честь говорить?—онъ отвѣчалъ: „я камердинеръ его величества“. Я ввелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ онъ вручилъ мнѣ записку, слово въ слово слѣдующаго содержанія:

— „Не имѣвъ возможности васъ видѣть сегодня, можетъ быть и завтра, я желаю, чтобы вы написали мнѣ: въ чемъ состояло повелѣніе министра, касательно извѣстной бумаги, которую выполнить вамъ было невозможно?—Вы ничего не опасайтесь, но сохраните въ тоже время надлежащую умѣренность къ министру“.

Можно вообразить мой испугъ: это была рука императора! слѣдовательно Балашовъ на меня жаловался, вѣроятно и очернилъ. Не зная, въ первую минуту, что дѣлать, я просилъ Зиновьева доложить государю, что я немедленно долженъ идти съ докладами къ министру, который уже два раза за мною присылалъ, и вручилъ ему извѣстную бумагу (циркуляръ), которая могла государю все объяснить; ибо, кромѣ ссоры за этотъ циркуляръ, я другой—съ министромъ не имѣлъ.

Идучи къ министру, думалъ я: не пересказать ли ему это происшествіе? Но казалось не благоразумнымъ довѣрять тайну тому, который меня обнесъ. Я промолчалъ. Возвращаясь домой, вручаютъ мнѣ записку отъ Vernègues:

„Monsieur le comte Armfelt me prie de vous annoncer que ce soir le valet de chambre de l'Empereur viendra vous chercher. Soyez prêt. Brûlez ce papier. Vernègues“.

Дѣйствительно, Зиновьевъ опять явился съ объявленіемъ: государь васъ ожидаетъ.

„Я только прощусь съ женою и дѣтьми“, отвѣчалъ я.

— „Сдѣлайте милость, никому о томъ не говорите; государь именно это запретилъ“, но я не послушался.

Подъ предлогомъ переодѣться, я пошелъ къ женѣ, просилъ не беспокоиться. „Вѣроятно, меня обнесли, говорилъ я ей; можетъ быть, куда нибудь ушлиютъ; но я увижу государя и буду просить объ отправленіи всѣхъ васъ ко мнѣ“, слеза навернулась, и я простился. Почему не пришла мнѣ другая мысль по-отраднѣе, не знаю; почему именно пришла эта, тоже не знаю. Не первая-ли записка, и не описаніе ли, сдѣланное мнѣ Балашовымъ о характерѣ императора, были тому причиною? Не знаю. Какъ бы то ни-было, я ничего добраго не ожидалъ, и несчастная эта мысль рѣшила будущія мои отношенія къ государю.

Мы сѣли съ камердинеромъ въ сани, и насъ подвезли къ маленькому подъѣзду. Повели меня по множеству лѣстницъ, въ самый верхъ Зимняго дворца. Зиновьевъ ввелъ меня въ небольшую комнату, въ которой стояли комоды и шифоньеры, и просилъ тутъ подождать. Нигдѣ не было свѣтъ; темнота эта наводила на меня страхъ. Это утвердило меня въ моихъ мысляхъ, что буду отправленъ. Какая несправедливость!—думалъ я. На бѣду, припелъ мнѣ на память маркизъ Поза и разговоръ его съ Филиппомъ; и я въ положеніи маркиза,—сказалъ я про себя, и рѣшился выказать въ эту роковую минуту ту же твердость и возвышенность духа, которую выказалъ маркизъ. Кромѣ самой рѣзкой правды—ничего!

Наконецъ, сквозь щель двери, въ другой комнатѣ проявился свѣтъ, зажигали свѣчи. Дверь отворилась, и императоръ стоялъ передо мною. Я поклонился.

Государь, съ удивительно милостивою улыбкою, сказалъ мнѣ: „Entrez, je vous prie“.

Я вошелъ, императоръ самъ притворилъ дверь, и, подхватя меня подъ руку, велъ по комнатѣ къ стоящему у стѣны пюльпиту, и, остановясь, сказалъ:

— „J'ai désiré faire votre connaissance, pour vous demander quelques renseignements sur des articles, que je ne puis bien concevoir, et que vous devez connaître“.

Не полагаетъ ли императоръ, по фамилии моей, что я французъ? думалъ я, и отвѣчалъ:

— „Государь! я русскій, и свободнѣе объясняюсь на отечественномъ языкѣ, нежели на французскомъ“.

Государь, какъ будто, обрадовался, засмѣялся, сказавъ: „очень радъ; вѣдь я я русскій; будемъ говорить по русски“. Погода немного, императоръ продолжалъ:

— „Вы имѣли, я думаю, случай замѣтить, что я вашими трудами доволенъ. Писанные вами доклады не задерживались“.

Я поклонился.

— „Мнѣ нужно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія. Балашовъ жаловался на васъ, но я хорошенько не понялъ, въ чемъ дѣло состояло?“

— „По долгу моему, я часто дѣлаю представленія г. министру, которыя не всегда принимаются съ тою благосклонностью, каковой бы требовала чистота моихъ намѣреній. Впрочемъ мнѣ неизвѣстно, въ чемъ состояла жалоба г. министра“.

— „Изъ присланной вами бумаги я вижу, что вы догадались. Вы, кажется, не хотѣли, вопреки желанію министра, контрасигнировать бумаги, имъ подписанныя?“

„Дѣйствительно, г. министръ приказалъ мнѣ заготовить циркуляры ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобы составить ревизскія свазки всѣмъ раскольникамъ, находящимся въ ихъ губерніяхъ. Я осмѣлился представить, что подобная мѣра можетъ раскольниковъ испугать, возжечь фанатизмъ, который пробуждать всегда опасно; можетъ даже породить въ нихъ мысль, что расколъ получаетъ законную силу; и тогда число ихъ значительно умножится. Наконецъ, полагалъ, что подобнаго циркуляра безъ высочайшаго повелѣнія отправить невозможно. Министръ съ негодованіемъ объявилъ мнѣ: „я не совѣта у васъ просилъ, а требовалъ исполненія“. Циркуляры были заготовлены, но я воспользовался статьею учрежденія министерствъ, въ силу которой я имѣлъ право не контрасигнировать.“

— Вы очень хорошо сдѣлали. Балашовъ все желаетъ болѣе и болѣе пространства для своего министерства; онъ хочетъ завладѣть всѣмъ и всѣми. Это мнѣ нравиться не можетъ.

Я молчалъ.

— Вы не имѣете причины бояться; можете говорить прямо. Что мы говорить будемъ, останется между нами.

„Не страхъ, государь, меня удерживаетъ; я не осмѣлюсь говорить о томъ, чего не знаю и чего доказать не могу“.

— Такъ отзывался объ васъ Армфельтъ, а прежде и самъ Балашовъ, который становится мнѣ крайне подозрителенъ. Вы знаете Сперанскаго?

„Нѣтъ, государь, я съ нимъ незнакомъ“.

— Вы можете познакомиться.

„Это, государь, не такъ легко. Какой предлогъ могу я имѣть для знакомства съ человѣкомъ, стоящимъ на столь возвышенномъ постѣ? Развѣ только подъ предлогомъ искать его покровительства, обманывать и сдѣлаться презрительнымъ въ собственныхъ своихъ глазахъ“.

— Почему же? Я поручилъ то же самое (Балашову) и имѣю отъ него донесеніе.

„Я предоставляю каждому поступать и рассчитывать съ своею совѣстію, какъ ему угодно; но я примѣнять своей къ обязательствамъ не умѣю“.

— А если бы польза отечества того требовала?

„Я прямо пошелъ бы противъ того, который только задумалъ бы причинить оному вредъ; но, подъ личиною снисканія себѣ покровительства, вонзить другому кинжалъ въ сердце я не способенъ. Рано или поздно, откровенность моя взяла бы верхъ, и я бы все испортилъ“.

Императоръ поцѣловалъ меня въ лобъ, сказавъ:

— Балашовъ не такъ думаетъ. Вотъ его донесеніе; читайте громко.

Я началъ читать; содержаніе донесенія было слѣдующее: „Балашовъ, по высочайшему повелѣнію, пріѣхалъ знакомиться къ Сперанскому“. Я замолчалъ.

Государь спросилъ:

— Что вы остановились?

Я повторилъ „знакомится“. Государь улыбнулся и приказалъ продолжать:

„Балашовъ пишетъ: пріѣхавъ наканунѣ, вечеромъ въ 7 часовъ, къ Сперанскому, былъ онъ объятъ ужасомъ. Въ передней

тускло горѣла сальная свѣча, во второй большой комнатѣ тоже; отсюда ввели его въ кабинетъ; гдѣ догорали два восковые огарка; огонь въ каминѣ погасалъ. При входѣ въ кабинетъ, почувствовалъ онъ, что полъ подъ ногами его трясся, какъ будто на пружинахъ, а въ шкафахъ, вмѣсто книгъ, стояли стѣлки, наполненныя какими-то веществами. Сперанскій сидѣлъ въ креслахъ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько старинныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ читалъ одну, и увидя Балашова, немедленно ее закрылъ. Сперанскій, принявъ его ласково, спросилъ: „какъ вздумалось вамъ меня посѣтить?“ и просилъ сѣсть на стоящее противъ его кресло, такъ что столъ оставался между ними. Балашовъ взялъ предлогомъ желаніе посоветоваться: нельзя ли дать министерству полиціи болѣе пространства? Оно слишкомъ сжато; даже въ нѣкоторой зависимости отъ другихъ министерствъ; такъ что для общей пользы трудно дѣйствовать свободно. Много говорили о тогдашней полиціи Фуше; и наконецъ Сперанскій, при вторичной просьбѣ Балашова о расширеніи круга дѣйствій министерства, сказалъ ему: „развѣ со временемъ можно будетъ сдѣлать это“—прибавя: „вы знаете мнительный характеръ императора. *Tout ce qu'il fait, il le fait à demi*“. Потомъ, говоря далѣе объ императорѣ, замѣтилъ: „*il est trop faible pour régir et trop fort pour être régi*“.

Переводъ: «Все что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается имъ въ половину». «Онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ».

Балашовъ заключилъ свое донесеніе просьбой, къ Сперанскому болѣе не ѣздить.

Пока я читалъ, государь какъ будто всматривался въ меня, прислонясь къ стоящему пюльпитру, подлѣ котораго находился я. Государь спросилъ: „какъ вы это находите?“

Я молчалъ.

— Говорите откровенно.

„Ваше величество! я въ комнатахъ Сперанскаго не бывалъ, и занимается-ли онъ, какъ министръ (Балашовъ), кажется, подозрѣваетъ, черновнижествомъ, — не знаю. Но вотъ, что меня удивляетъ: говорятъ, Сперанскій человекъ умный; какъ рѣшился онъ, при первомъ знакомствѣ, и съ кѣмъ? — съ министромъ полиціи, такъ откровенно объясняться? Впрочемъ, та же фраза была сказана прежде

о Людовикѣ XV:—это повтореніе“. Я довольствовался сими намереніями, не желая явно повредить ни Балашову, ни Сперанскому, тѣмъ болѣе, что я во всемъ этомъ полагалъ мелкую дворцовую интригу, которая сама собой распадется. Однако внутренно негодовалъ на Балашова, который не посоветился представить такое пошлое, но вмѣстѣ съ тѣмъ злобное донесеніе на благодѣтеля своего; ибо Сперанскій помогъ возвести его на степень министра полиціи, далъ ему даже право начертать учрежденіе министерства полиціи, которое писалъ я; и даже безъ поправки, Сперанскій представилъ этотъ проектъ на утвержденіе государя.

— Балашовъ и Сперанскій ошибаются, сказалъ государь; меня обмануть можно,—я человѣкъ, но не надолго, и для нихъ есть дорога въ Сибирь.

Кажется государь высказалъ это съ горяча, ибо, улыбаясь, прибавилъ:

— Мы рассмотримъ это съ вами. Я рѣшительно никому не вѣрю.

Испуганный этимъ отзывомъ, я молчалъ.

— Однако же не мѣшаетъ вамъ смотрѣть поближе за Балашовымъ; что узнаете, скажите мнѣ.

„Государь! Онъ мой начальникъ“.

— Я беру это на себя.

„Государь! не прогнѣвайтесь, если вѣрноподанный осмѣлится умолять васъ, не доводить его до презрѣнія къ самому себѣ. Нѣтъ тайны, которая не была бы явна. Если злой умыселъ скрывается въ Балашовѣ или Сперанскомъ, то онъ противъ истины не устоитъ; все развернется само изъ себя“.

Государь отступилъ на шагъ отъ меня, потомъ подошелъ, и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „прекрасно! но Армфельтъ ошибся; вы—не на своемъ мѣстѣ“.

„Нужда, государь! семейство, мѣста не избираютъ, повинуются обстоятельствамъ, случаю, но на всякомъ мѣстѣ можно благородно поступать“.

— Ваши правила, ваша откровенность, мнѣ нравятся, и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онѣ мнѣ необходимы; смотрите не перемѣняйтесь; мы часто будемъ видѣться!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, подошелъ я къ государю и сказалъ: „прискорбно мнѣ будетъ утаить отъ министра

тотъ важный часъ, въ который я имѣлъ счастье предстать предъ моимъ государемъ. Осмѣливаюсь испросить на то приказанія вашего императорскаго величества“.

— Вы болѣе знать должны Балашова, нежели я; но вы меня компрометируете; я въ свое время это ему самъ скажу.

„Воля вашего величества будетъ исполнена“.

И поклонился; государь, улыбаясь, сдѣлалъ прощальный знакъ, прибавя: „мы скоро увидимся“.

VIII.

Ровно въ 12 часовъ ночи возвратился я домой, и признаюсь, какъ будто, отуманенный всѣмъ слышаннымъ мною. Къ чему все это? Не серьезнѣе-ли все, чѣмъ я прежде предполагалъ? Чѣмъ этотъ узелъ развяжется? И что, и чѣмъ я тутъ? Однако сплетеніе этихъ интригъ меня пугало? Какъ противъ нихъ устоять? Ну! пусть будетъ, что судьбѣ угодно, сказалъ я, и успокоился.

На другой день пріѣхалъ графъ Армфельтъ прямо изъ дворца, и едва вошелъ въ комнату, какъ вскричалъ: „qu'avez vous fait, mon cher?“

„Moi, m-r le comte?“

— Oui, vous.

„Veuillez bien me l'expliquer?“

— Sa Majesté vous a manifesté le désir pour que vous fassiez connaissance avec Speransky et que vous surveillez cet autre coquin Balacheff et vous avez osé refuser net!!

„Il faut qu'il y ait un mésentendu, m-r le comte. Un sujet russe ne peut rien refuser à son empereur, mais vu la clémence et la justice de son souverain, il lui est permis d'exposer les raisons qui l'empêchent de faire ce que la conscience lui défend“.

— D'un seul coup vous avez renversé ce que vos amis et la fortune vous avaient préparé!

„Mais les amis auraient dû se convaincre auparavant si j'ai, les qualités requises pour remplir des fonctions contraires à mes principes et à ma religion“.

— Ah, mon cher, avec ces bêtises on ne fait pas fortune, mais on la perd!

„Il est à savoir si je ne préférerais pas cette perte à tous les hochets d'une fortune qui m'avilierait à mes propres yeux“.

— Tout ceci est bel et bon dans les romans, mais détestable dans la vie telle, qu'elle est, où le mal remporte sur le bien. Est ce à force de vertus, que Speransky et Balacheff sont devenus ce qu'ils sont? Ecoutez moi tranquillement. L'empereur ne peut vouloir que le bien et pour y parvenir, il faut qu'il sache tout et qu'il connaisse les gens qui l'entourent. Quel autre moyen a-t-il que celui de les surveiller?

„D'accord, je trouve cependant plus juste de les surveiller avant de les élever si haut et puis chercher les surveillants dans la foule où il en plait, mais ne point proposer ces moyens d'existence à des gens qui ont le courage de vivre pour une idée et de mourir pour un mot“.

— Vous êtes incorrigible, pensez-y. Vous avez femme et enfants, et avec ces belles idées vous n'irez pas loin; voyez le resultat, l'empereur ne vous n'appelera plus, et la fortune vous tourne le dos.

„M-r le comte, terminons une conversation qui ne peut être agréable à aucun de nous deux, d'autant plus que je suis comme vous venez de le dire incorrigible“.

— Oui, vous l'êtes et un jour vous vous en repentirez, car les souverains aiment l'élévation, mais pas les sujets aux idées trop élevées. Remarquez cela.

„Si je ne gagnerai pas l'amour de mon souverain, a u moins je garderai, comme homme, son estime et l'un vaut bien l'autre“.

— Adieu! je vous enverrai Vernègues. Peut être parviendra-t-il a vous faire entendre raison et vous faire comprendre le mal que vous faites à votre famille.

Переводъ:—«Что вы надѣлали, мой другъ?»

„Я, графъ?“

— Да, вы.

„Потрудитесь объяснить!“

— Е. В. высказалъ вамъ свое желаніе, чтобы вы познакомились со Сперанскимъ и наблюдали бы за другимъ негодлемъ, Балашовымъ, и вы осмѣлились отказать на-отрѣзъ.

„Тутъ кроется недоразумѣніе, графъ. Русскій подданный ни въ чемъ не можетъ отказать своему государю, но зная великодушіе и милосердіе своего монарха, онъ имѣетъ право высказать причины, препятствующія ему дѣлать то, что запрещаетъ ему совѣсть“.

— Вы разом разрушили все то, что подготовили вамъ друзья и сама судьба ваша.

„Но друзья должны были бы сперва убѣдиться въ томъ, имѣю ли я необходимыя качества для исполненія обязанностей, противныхъ моимъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ“.

— Полноте, другъ мой, съ этими глупостями не составишь карьеры, но погубишь ее.

„Дѣло въ томъ, что я предпочту, можетъ быть, отказаться отъ всѣхъ прелестей такой карьеры, которая уронитъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ“.

— Все это прекрасно въ романахъ, но непригодно въ жизни таковой, какъ она есть на дѣлѣ, гдѣ зло всегда торжествуетъ надъ добромъ. Развѣ Сперанскій и Балашовъ достигли своего настоящаго положенія благодаря своей добродѣтели? Выслушайте меня хладнокровно. Императоръ можетъ желать только добра, а для того, чтобы достигнуть этого, онъ долженъ знать все и знать также людей, окружающихъ его. Какимъ же путемъ онъ можетъ достигнуть этого, какъ не слѣдя за ними?

„Согласенъ; однако я нахожу болѣе справедливымъ наблюдать за ними прежде, нежели они будутъ поставлены на столь высокій постъ; наконецъ слѣдуетъ набирать надсмотрщиковъ изъ толпы, гдѣ ихъ можно набрать массу, но не предлагать подобное средство къ существованію людямъ, которые имѣютъ храбрость жить для идеи и могутъ умереть за одно слово“.

— Вы несправимы! подумайте объ этомъ. У васъ есть жена и дѣти, а съ подобными убѣжденіями не уйдешь далеко; вотъ вамъ результатъ: императоръ болѣе не пригласитъ васъ и счастье отворачивается отъ васъ!

„Прекратимъ этотъ разговоръ, графъ, который не можетъ быть приятенъ для насъ обоимъ, тѣмъ болѣе что, какъ вы сказали, я несправимъ“.

— Да, вы несправимы, и со временемъ раскаетесь въ этомъ, такъ какъ монархи любятъ все возвышенное, но не любятъ поданныхъ со слишкомъ возвышенными идеями, замѣйте это.

„Если я не заслужу любви моего государя, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, буду пользоваться его уваженіемъ; а одно стоитъ другого“.

— Прощайте, я пришло къ вамъ Вернега. Можетъ быть онъ скорѣе убѣдитъ васъ и лучше разъяснитъ вамъ какое зло вы дѣлаете своей семьѣ.

Изъ этого разговора понять можно, какого рода было участіе Армфельта въ этомъ дѣлѣ, и ошибку его отрекомендовать меня, кажется, государю, какъ человѣка способнаго на подлое шпіонство за Сперанскимъ и Балашовымъ. Теперь понялъ я вполнѣ и слова государя: „Армфельтъ ошибся“. Наконецъ, изъ этого разговора я понять могъ, что Армфельтъ и Балашовъ оба играютъ прежалкую роль и, желая подслужиться, запутываютъ только самихъ себя.

Вечеромъ поздно, явился Vernègues. Вѣроятно, зная неудачу Армфельта, далъ всему другой оборотъ. Утверждалъ, будто государь восхищенъ моею откровенностью. На вопросъ мой: отъ кого онъ слышалъ? отвѣчалъ: „отъ Армфельта“.

„Странно, сказалъ я, что графъ мнѣ этого не сообщилъ“.

Vernègues: Le comte vous aime beaucoup et a le désir le plus vif de vous servir, mais il gâte un peu par sa vivacité. Attaché de coeur et d'âme à la personne de l'empereur il voudrait l'entourer de gens comme vous, et s'il ne réussit pas tout de suite, le voilà qui s'emporte.

Я: Je vous dirai franchement, mon cher Vernègues, le comte devrait mettre moins d'empressement à me servir, car le parquet glissant de la cour n'est pas fait pour moi.

Vernègues. Allons, ne vous découragez pas. Suivez seulement les conseils du comte; c'est un vieux routinier, qui connaît parfaitement le parquet sur lequel il danse. Et il possède complètement la confiance de l'empereur.

Я: Je n'en doute pas, mais cela ne m'arrange nullement de jouer un rôle équivoque, sans savoir où cela peut mener.

Vernègues. Asperate, encore quelques jours et nous saurons à quoi nous en tenir.

Я: Grand merci! Vous et le comte vous me faites jouer à colin-maillard sans qu'il y ait quelqu'un qui crie: feu, gare, et je me trouve près d'un précipice.

Vernègues. Mon Dieu, prenez patience! Je vais vous confier un secret: il y aura un grand changement. La Russie sera sauvée, et c'est nous qui auront la gloire d'y avoir contribué.

Я: La Russie sera sauvée, mais où est le péril?

Vernègues. Attendez le dénoûment. Deux ennemis de la Russie tomberont et avec eux Napoléon. L'année 1812 sera une année mémorable dans les fastes de la Russie.

Я: Vous me lancez là une quantité d'idées qui m'embronillent et je ne sais comment m'y retrouver. Au reste dans la carrière que vous m'avez ouverte, je me suis mis dès le premier pas hors du drame, car le comte m'a dit affirmativement que l'empereur ne m'appellera plus.

Vernègues. Comment! il vous a dit cela? Онъ задумался, потомуъ прибавилъ: pas un mot, à qui que soit, du secret, que je vous ai confié.

Я: Vous pouvez être sûr qu'il sera scrupuleusement gardé, car je serais très embarrassé de communiquer un secret que je ne comprend pas.

Переводъ. Вернегъ: Графъ чрезвычайно любитъ васъ и какъ нельзя болѣе желаетъ быть вамъ полезнымъ, но онъ не много портитъ дѣло своею горячностью. Преданный душою и тѣломъ государю, онъ хотѣлъ бы окружить его людьми, подобными вамъ, и если это не удастся ему сразу, то онъ выходитъ изъ себя.

Я: Скажу вамъ откровенно, любезный Вернегъ, что графу не слѣдовало бы такъ усердно заботиться обо мнѣ, такъ какъ скользкій дворцовый паркетъ созданъ не для меня.

Вернегъ: Полно, не теряйте бодрости. Слѣдуйте только совѣтамъ графа. Это старый рутинеръ, прекрасно знающій атмосферу, въ которой сизъ вращается, въ тому же онъ пользуется полнымъ довѣріемъ государя.

Я: Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но мнѣ совсѣмъ не охота играть двусмысленную роль, не зная въ чему это можетъ привести.

Вернегъ: Asperate, еще нѣсколько дней и мы будемъ знать въ чемъ дѣло.

Я: Благодарю покорно! вы съ графомъ заставляете меня играть въ жмурки и никто не закричитъ мнѣ берегись! а у меня подъ ногами пропасть.

Вернегъ: Боже мой, имѣйте терпѣнье. Я сообщу вамъ секретъ; намъ предстоитъ большая перемѣна. Россія будетъ спасена и намъ будетъ принадлежать слава, что мы этому способствовали.

Я: Россія будетъ спасена, но какая же ей грозитъ опасность?

Вернегъ: Подождите развязки. Два противника Россія падутъ, а вмѣстѣ съ ними падетъ и Наполеонъ. 1812 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Россіи.

Я: Вы подали мнѣ множество мыслей, среди которыхъ я теряюсь, не находя правильнаго исхода. Впрочемъ въ карьерѣ, которую вы подготовили мнѣ, я съ перваго шага сталъ въ борьбу, такъ какъ графъ сказалъ мнѣ положительно, что государь болѣе не призоветъ меня.

Вернегъ: Какъ, онъ сказалъ вамъ это? Прошу васъ никому не говорить ни слова о томъ секретѣ, который я вамъ довѣрилъ.

Я: Можете быть увѣрены, что я сохранию его добросовѣстно, такъ какъ мнѣ было бы трудно передать секретъ, котораго я не понимаю.

Мы разстались; но разговоръ этотъ приподнималъ немного тайную завѣсу, скрывающую будущее; но кто эти два врага Россіи? Сперанскій и Балашовъ что-ли? И какъ это все похоже на комplotъ! И противъ кого? Наполеонъ, такъ и быть. Но Сперанскій и Балашовъ для чего? Потому и дипломатика тутъ замѣшалась; а дипломатика и интрига есть поле, на которомъ Армфельтъ отличался при разныхъ Европейскихъ дворахъ. Vergès и Армфельтъ работали, слѣдовательно, для Бурбоновъ.

На другой день вечеромъ, я былъ съ докладомъ у министра; я замѣтилъ, что онъ слушалъ безъ вниманія. Я хотѣлъ уже удалиться, но министръ приказалъ мнѣ подождать, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ мнѣ:

— Я въ странномъ положеніи; Сперанскій впалъ у императора въ подозрѣніе. Государь, который мнѣ вѣбруетъ всѣ тайны свои, приказалъ мнѣ имѣть надъ нимъ бдительный надзоръ. Наконецъ, желалъ, чтобы я съ нимъ познакомился поближе и старался бы вывѣдать его мнѣніе на счетъ государя и прочаго. Я исполнилъ его волю, былъ у Сперанскаго, и доложилъ словесно, что видѣлъ и слышалъ. Императоръ былъ очень доволенъ, и приказалъ все изложить на бумагѣ.

Тутъ разсказалъ мнѣ Балашовъ всѣ ужасы, претерпѣнные имъ въ комнатахъ Сперанскаго, и слово въ слово все то, что я уже зналъ.

— Теперь, продолжалъ министръ, кажется, государь сомнѣвается въ истинѣ словъ моихъ. Не довольствуется моими показаніями, и требуетъ все доказательствъ. Я, право, не знаю, что дѣлать? Мнѣ хочется васъ на это употребить.

„Меня, ваше превосходительство? Вы знаете, какъ мало я на это способенъ, не ловокъ. Идти прямо — я смѣло пойду; но идти кривыми путями — это лабиринтъ, въ которомъ я растеряюсь. Да и войдетъ ли Сперанскій въ такую со мною откровенность, какъ съ вами. Вы оба находитесь на такомъ постѣ, что можете другъ съ другомъ откровенно объясняться; а я Сперанскаго только одинъ разъ видѣлъ, и то издалека“.

— Я могъ бы дать вамъ къ нему письмо, чтобы представить ему нѣкоторыя затрудненія по министерству полиціи, и просилъ бы отъ моего имени, какъ бы все лучше устроить.

„Что-же будетъ, ваше превосходительство? Сперанскій станетъ ли со мною говорить? Вѣрно, скажетъ: хорошо, я самъ съ министромъ переговорю; слѣдовательно, все останется по прежнему“.

— Вы не хотите? я скажу Бологовскому, онъ друженъ съ Магницкимъ, а этотъ съ Сперанскимъ.

„Вотъ это ближе къ дѣлу, если Бологовской на это согласится“.

— Онъ меня любитъ, и сомнѣнія нѣтъ; прощайте!

Что дальше, то хуже,—думалъ я, выходя отъ министра полиціи; *me voilà entre deux feux!* просто хотѣлъ бѣжать. Однако мнѣ жалъ было Балашова. Вотъ, что значить хитрить и поставить себя по произволу своему въ фальшивое положеніе! Вынуждену быть лгать, и, можетъ быть, такъ запутаться, что и выхода не будетъ.

IX.

Является Зиновьевъ, съ приказаніемъ прибыть къ государю, который принялъ меня въ тѣхъ же комнатахъ.

— Я былъ такъ занятъ эти дни, что не могъ васъ видѣть. Съ Балашовымъ у васъ дурно?

„Правда, государь! я не пользуюсь болѣе прежнимъ расположеніемъ министра“.

— Какая тому причина? сказалъ государь, улыбаясь.

„Навѣрно этого сказать не могу“.

— Не знаетъ-ли онъ, что вы у меня бываете?

„Онъ мнѣ даже о томъ не намекнулъ“.

— Я считалъ Балашова умнѣе; хочетъ служить и мнѣ, и себѣ, и спотенулся. Всѣ его донесенія самыя пошлыя, и это заставляетъ меня болѣе и болѣе его подозрѣвать.

Я молчалъ.

— Вездѣ ловлю Балашова во лжи. Онъ говорилъ мнѣ, что употребляетъ доктора Эллизена, какъ франкъ-масона, для присмотра за Сперанскимъ; между тѣмъ слышно, что Бологовской непрерывно ѣдитъ отъ Балашова къ Магницкому, а отъ этого къ Сперанскому и Балашову.

„Государь! Эллизенъ мой докторъ; я его хорошо знаю. Защищать невиннаго — есть долгъ всякаго честнаго человѣка, особенно предъ августѣйшимъ лицомъ императора. Эллизенъ не рѣшится на подобный поступокъ“.

— А какъ вы думаете о Бологовскомъ?

„Я зналъ его въ Москвѣ, по дому князя Козловскаго, который женатъ на его сестрѣ; вижу здѣсь у министра, съ которымъ онъ съ малолѣтства друженъ“.

— Вы знаете, что такое Бологовской? (Государь объяснилъ, что Бологовской одинъ изъ злодѣевъ и что этотъ человѣкъ называлъ его отца): voilà le tyran..... Каково-же мнѣ теперь знать связь между министромъ полиціи, Магницкимъ, и Сперанскимъ и Бологовскимъ, qui n'a ni foi, ni loi, donc est capable de tout!!

Государь началъ ходить по комнатѣ, остановился и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вы франкъ-масонъ, или нѣтъ?

„Я въ молодости былъ принятъ въ Ревелѣ; здѣсь, по приказанію министра, носѣщаль ложу Астрея“.

— Знаю; это ложа Бебера. Онъ честный человѣкъ; братъ Константинъ бываетъ въ ложѣ его. Вамъ извѣстны всѣ петербургскія ложи?

„Кромѣ ложи Астреи, есть ложа Жеребцова, Шарьера и Лабзина“.

— А Сперанскаго ложу вы забыли?

„Я объ ней, государь, никакого понятія не имѣю“.

— Можетъ быть; по мнѣнію Армфельта, эта ложа иллюминатовъ, и Балашовъ утверждаетъ, что они лѣтомъ собираются въ саду у Розенкампа, а зимою у того и другаго въ домѣ. Нельзя-ли вамъ поступить въ эту ложу?

„Государь! Если это въ самомъ дѣлѣ орденъ иллюминатовъ, то онъ совершенно различенъ отъ франкъ-масонскаго; здѣсь каждая ложа доступна каждому франкъ-масону; но надобно быть иллюминату, чтобы вступить въ ихъ собраніе“.

— Балашовъ самъ вступилъ въ ложу Жеребцова.

„Знаю, государь, отъ самаго министра, и удивляюсь, какимъ образомъ министръ полиціи принятъ въ сотрудники и собраты“.

Государь засмѣялся.

— Я думаю, не трудно будетъ на почтѣ перехватить переписку иллюминатовъ съ головою ихъ Вейс-Гауптомъ? Балашовъ говоритъ, что Сперанскій регентомъ у иллюминатовъ.

„Я сомнѣваюсь, государь, какъ могъ онъ узнать тайну, которая такъ строго соблюдается между иллюминатами“.

— Почему не вступили вы въ ложу Жеребцова?

„Я предпочелъ ритуаль нѣмецкій. Онъ проще; французскій слишкомъ сложенъ, театраленъ и несоотвѣтствуетъ настоящей цѣли франкъ-масонской“.

— Я не постигаю: въ чемъ состоитъ эта цѣль?

„Слова: иллюминатъ, франкъ-масонъ обратились, какъ будто, въ брань; но въ корнѣ своемъ, ложи не иное что, какъ школа духовнаго развитія и возвышенія человѣка. О злоупотребленіяхъ молчу; гдѣ ихъ нѣтъ?“

— А для этого и надобно, чтобы тайныхъ ложъ отъ прави-

тельства не было; а ложа Сперанскаго или Розенкамппа должна обратить на себя вниманіе полиціи.

„Если бы вашему императорскому величеству угодно было спросить обо всемъ самаго Сперанскаго: я почти увѣренъ, что онъ во всемъ открылся бы вашему величеству“.

— Это еще вопросъ. Онъ человѣкъ чрезвычайно тонкій и хитрый; долженъ бы самъ мнѣ въ томъ сознаться. Однако вы его порядочно отстаиваете.

„Государь! я Сперанскаго не знаю; и самъ онъ то подтвердить можетъ. Я не думаю отстаивать Сперанскаго, а человѣка, который оклеветанъ быть можетъ. Нужны ясныя, неоспоримыя доказательства. И предъ кѣмъ клеветать? Предъ государемъ, владыкою всѣхъ насъ, предъ которымъ, какъ передъ Богомъ, ничего скрытаго быть не должно“.

Государь поцѣловалъ меня въ лобъ, сказавъ: „а за себя вы еще лучше заступаетесь“.

Но я уже вошелъ въ жаръ, и прибавилъ: „я могу Сперанскаго обвинить въ томъ, что онъ взялся не за свое дѣло; ибо нововведенныя министерства, à la Française, à l'anglaise, à la Suisse, не пустили и долго не пустятъ корней на землѣ русской; но опутать его клеветой, я нахожу не приличнымъ, не благороднымъ, низкимъ“.

Государь, взявъ меня за руку, отвѣчалъ:

— Ваши правила дѣлаютъ вамъ честь, и для того прощаю вамъ эту благородную вспышку. Aussi vous ai-je attaqué ¹⁾! Но вы людей не знаете; не знаете, какъ они черны, неблагодарны, и какъ они умѣютъ во зло употреблять нашу довѣренность. Къ чему было Сперанскому вступать въ связь съ министромъ полиціи? Онъ былъ у меня въ такой довѣренности, до которой Балашову никогда не достигнуть, а можетъ быть никому. Одинъ—пошлый интриганъ, какъ я теперь вижу; другой уменъ; но умъ, какъ интрига, могутъ сдѣлаться вредными.

Я молчалъ. Государь приказалъ подать чаю и подчивалъ меня. Много шутилъ; сказалъ про Армфельта:

— „Онъ хлопочетъ, прислуживается, чтобы урвать у меня на приданое побочной дочери своей“.—Про Балашова: „вышелъ го-

¹⁾ (Переводъ): За это я и нападаю на васъ.

лубчикъ изъ нечистенькаго домика, притворился пьянымъ и будничникъ поволотилъ“. Про Vernègues: „c'est l'amant déclaré de madame la comtesse T.....“ Наконецъ прибавилъ: „Il faut employer Бологовской pour les exterminer tous“.

Переводъ. Про Vernègues: „это известный любовникъ графини Т.....
„Нужно воспользоваться Бологовскимъ для того, чтобы всѣхъ ихъ уничтожить“.

Отпуская, государь приказалъ мнѣ прислать въ запечатанномъ пакетѣ полученное отъ Груннера, берлинскаго оберъ-полицеймейстера, учрежденіе франкъ-масонскихъ ложъ.

— „Зиновьевъ—человѣкъ вѣрный и живетъ въ Михайловскомъ дворцѣ; вы присылайте мнѣ, коли что нужно будетъ, краткую записку чрезъ него“.

X.

Чрезъ нѣсколько дней является Бологовской, и просить у меня совѣта: продолжать-ли ему быть посредникомъ между Балашовымъ, Магницкимъ и Сперанскимъ, ибо это ему кажется опаснымъ?

Я: Да развѣ ты ихъводишь?

Бологовской. Балашовъ меня просилъ; какъ отказаться?

Я: Такъ что же! Я думаю, и та и другая партія тобою довольны?

Бологовской. Да! Да мнѣ даютъ такія вещи переносить, которыя меня пугаютъ. Какъ бы не попасть въ бѣду?

Я: Вотъ это дѣло другое; по моему, лучше бы было вовсе съ ними не связываться.

Бологовской. Неужели Балашовъ меня выдастъ?

Я: А почему же бы и не такъ? Вѣдь онъ министръ полиціи.

Бологовской. Ну! такъ тѣ меня поддержать.

Я: А какъ никто?

Бологовской. Ты меня пугаешь.

Я: Совсѣмъ нѣтъ! а говорю только то, что случиться можетъ. Такъ, по моему, лучше бы не связываться съ хитрецами. Пусть сами дѣлаютъ, какъ хотятъ.

Мы разстались. Чрезъ нѣсколько часовъ Бологовской возвращается и говоритъ мнѣ: „Сперанскій и Магницкій велѣли тебѣ сказать: если ты еще будешь такъ дурно отзываться о Балашовѣ, то они доведутъ это до (его) свѣдѣнія, и тебѣ будетъ дурно“.

„Спасибо! сказалъ я; можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ ошибся. Имъ лучше все знать должно“.

Вотъ новое доказательство, сказалъ я самому себѣ, что никто остановить не можетъ быстрого натиска колеса судьбы, и горе тому, кто, желая остановить это стремленіе, ухватится за спицы! Будетъ безъ рукъ, безъ ногъ, пожалуй, безъ головы.

Этотъ день былъ предшественникомъ бурь. Балашовъ разсказалъ мнѣ:

— Государь прогнѣвался на жену Н. З. Хитрово, которая, бывъ у Коленкура на вечеринкѣ, принесла ему при всѣхъ скамейку, чтобы онъ уложилъ на нее свою больную ногу. Вѣлѣно имѣть за Хитрово бдительный надзоръ. Не знаю: кто донесъ объ этомъ государю. Государь думаетъ, что это имѣетъ связь со Сперанскимъ; ибо Воейковъ, правитель канцеляріи военнаго министра, въ связи съ Магницкимъ.

Относительно меня, я подозрѣвалъ самаго Балашова въ этомъ доносѣ. Онъ имѣлъ привычку, подобныя услуги приписывать неизвѣстному, или тому, на кого былъ сердить. Но я молчалъ; потомъ сказалъ: „жаль, что государя тревожатъ подобными разсказами, часто не очень вѣрными, но всегда производящими непріятное впечатлѣніе“.

Балашовъ. Что дѣлать? Безъ этого обойтись нельзя.

Я: Могу ошибаться, но, по моему мнѣнію, право, не стоить того, чтобы присматривать за русскими; поболтаютъ, покривуютъ; можетъ быть, и побранятъ; а дойдетъ до дѣла, всѣ: „падамъ до ногъ“. Просто, послать такихъ говоруновъ на экзекуцію розгами къ Лаврову и дѣло съ концомъ.

Балашовъ. Такъ вы полагаете, что шпіонство не нужно?

Я: За иностранцами, — согласенъ; но за русскими, — нѣтъ! Вообще замѣтилъ я, что у насъ шпіонство дѣлается *argès cour*; тутъ и надзоръ; а я полагаю, лучше предупредить зло, нежели вѣрить однимъ доносамъ, которые подвергать надобно изслѣдованію, строгому разсмотрѣнію, а кто донесетъ лживо, того наказывать.

Балашовъ. Вы, кажется, берете на себя слишкомъ много; не хотите ли свои законы издать? Что вы такъ смѣло говорите? Между нами не можетъ быть ни пріязни, ни дружбы; разстояніе слишкомъ велико.

Я: Я почелъ долгомъ отвѣчать на вопросъ вашего превосход-

дательства, не мечтая ни о дружбѣ, ни о пріязни; впредь буду молчать.—И вышелъ.

Пріѣхали ко мнѣ Армфельтъ съ Vernègue'омъ.

— Vous avez gagné du terrain dans l'esprit de Sa Majesté, mais il y a du mauvais. Sa Majesté en me parlant de vous, m'a dit: je ne puis jamais avoir raison avec lui.

Я: J'espère que c'est un simple badinage de la part de Sa Majesté, car il n'a qu'à trancher le mot à ordonner, et je dois exécuter.

Vernègues. Oui, mais vous êtes un peu récalcitrant, vous avez toujours des objections.

Я: Apparemment parce qu'on me permet de les faire et qu'il les trouve fondées sur le vrai.

Армфельтъ. Mais, mon cher, il est question de faire un chemin, et je vous annonce que vous resterez comme vous êtes. Vous avez un exemple: Каразинъ qu'a-t-il gagné? Il a aussi voulu faire le moraliste, il est vrai, dans d'autres circonstances; il a voulu changer, c'était trop tard. Je vous prie de me dire: pourquoi prendre si chaudement le parti de Speransky et de Balachoff?

Я: M-r le comte! Est ce qui c'est prendre le parti d'un quelqu'un, que de ne point accepter les calomnies les plus sottes et les plus extravagantes. Ne vaut il pas mieux attaquer de front? Pour ce qui regarde Balachoff, il est mon chef; quel besoin ai-je d'accabler un homme qui se condamne lui même par les plus plattes dénonciations? Que diriez vous si l'on vous calomniait et que j'aïlle souffler les étincelles qui tomberaient sur vous?

Армфельтъ. Vous voulez sauver quelqu'un sans penser que cela tombera sur vous. Vous ne sauvez personne, et vous coupez votre carrière.

Я: Je ne veux qu'une chose, d'aller droit conformément à mes principes. Le résultat ne me regarde pas, car il ne dépend pas de moi.

Армфельтъ къ Vernègue'y: Vous voyez, il n'y a rien à faire!

Vernègues. M-r le comte, il ne peut plus changer de conduite; changer serait se perdre aux yeux de l'Empereur.

Армфельтъ ко мнѣ: Je crois que Sa Majesté vous appellera

ce soir ou demain. Balachoff lui à présenté un document incontestable de la felonie de Speransky, et vous n'aurez plus rien à dire. Adieu.

Vernègues. Remarquez bien, mon chère! Pour faire fortune auprès des rois, il faut leur cacher qu'on a plus de vertu qu'eux et même leur exposer un côté faible pour leur faire croire, qu'ils nous surpassent.

Переводъ.—Вы выиграли во мнѣніи монарха, но ваши дѣла не очень хороши; Е. В., говоря о васъ, сказалъ мнѣ: съ нимъ я никогда не могу сдѣлать по своему.

Я: Надѣюсь, что это не болѣе какъ шутка со стороны Е. В., такъ какъ ему стоить только сказать рѣшительно, приказать, и я долженъ исполнить.

Вернегъ. Да, но вы немного упрямы и на все имѣете возраженія.

Я: Безъ сомнѣнія, потому, что мнѣ дозволяютъ высказывать ихъ и находить, что онѣ основаны на истинѣ.

Армфельтъ. Но, другъ мой, вамъ необходимо сдѣлать карьеру и я предсказываю вамъ, что вы не пойдете далеко. Вы имѣете примѣръ въ Каразинѣ: что онъ выигралъ? Онъ также хотѣлъ читать правоученія, правда при другихъ обстоятельствахъ, хотѣлъ передѣлать, но было уже поздно. Скажите мнѣ, пожалуйста, почему вы такъ горячо принимаете сторону Сперанскаго и Балашова?

Я: Ваше сіятельство, развѣ не вѣрить самой глупой, самой невѣроятной клеветѣ значить брать чью либо сторону? Не лучше ли напасть на человѣка открыто? Что же касается Балашова, то онъ мнѣ начальникъ; какая мнѣ надобность обвинять человѣка, который осуждаетъ самъ себя самыми гнусными доносами? Что бы сказали, если бы васъ оклеветали, а я бы еще болѣе сталъ раздувать пламя?

Армфельтъ. Вы хотите кого нибудь спасти, не думая, что это надейся на васъ же. Вы никого не спасете и испортите себѣ карьеру.

Я: Я желаю только одного: дѣйствовать согласно моимъ убѣжденіямъ. Результировать меня не касается, такъ какъ онъ не зависитъ отъ меня.

Армфельтъ къ Вернегу. Видите, что тутъ ничего не подѣлаешь.

Вернегъ. Ваше сіятельство, онъ не можетъ измѣнить своего образа дѣйствій; измѣнить его значило бы уронить себя въ глазахъ императора.

Армфельтъ ко мнѣ. Я думаю, что Е. В. пригласитъ насъ къ себѣ сегодня вечеромъ или завтра. Балашовъ представилъ ему несомнѣнное доказательство вѣроломства Сперанскаго и вамъ не останется болѣе ничего сказать. Прощайте!

Вернегъ. Замѣтьте, мой другъ, для того, чтобы выиграть во мнѣніи монарховъ, слѣдуетъ скрывать отъ нихъ, что мы добродѣтельнѣе ихъ и даже слѣдуетъ выказать имъ свои слабыя стороны, чтобы они могли думать, что сами они превосходятъ насъ.

Боже мой! думалъ я, если эти хитрецы правы, то справедлива русская пословица: „близъ царя—близъ огня“.

Вечеромъ принесены были мнѣ всѣ бумаги, захваченныя у Хитрово, въ минуту его отправленія. Какъ я ни рылся, но нигдѣ

и тѣни того не было, о чемъ мнѣ Балашовъ объявлялъ. Однѣ только письма Константина Павловича, которыя компрометировали не Хитрово, а супругу его,—не говоря о многочисленныхъ другихъ интригахъ. Я почелъ долгомъ, чрезъ Зиновьева, довести это обстоятельство до свѣдѣнія государя. Велѣно было, чрезъ Зиновьева, ихъ представить. Я получилъ нѣкоторые обратно, съ приказаніемъ вручить ихъ г. министру, для доклада. Я представилъ ихъ, при реэстрѣ всѣхъ прочихъ бумагъ, г. министру.

— Есть-ли тутъ записки Воейкова? спросилъ Балашовъ.

„Есть, отвѣчалъ я, но все пустяки, относящіяся болѣе, какъ и прочія, къ Аннѣ Михайловнѣ Хитрово“.

— Не было карты Россіи? спросилъ министръ.

„Въ числѣ присланныхъ ко мнѣ бумагъ ея нѣтъ“.

— Да! я и забылъ, прибавилъ Балашовъ.—Я ее представилъ государю. Слава Богу, сказалъ онъ, кажется, сомнѣнія государя на мой счетъ исчезли. Жаль, очень жаль, что изъ Кіева получено съ контрактовъ письмо на имя Сперанскаго, которое его сильно компрометируетъ.

Я: Бѣднаго Сперанскаго тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, вся эта штука государю надоесть, и его, какъ Хитрово, отправятъ. Любопытно было бы узнать: догадывается-ли Сперанскій, что за спиной его дѣлается?

Балашовъ. Не думаю; все что нибудь да проскользнуло-бы, но онъ хорошъ съ Кочубеемъ и Мордвиновымъ. Они его поддержать.

Я: Неужели онъ на нихъ надѣется? Въ роковую минуту всѣ откажутся.

Балашовъ. Какъ вы рѣшаетесь судить о людяхъ, стоящихъ на столь возвышенныхъ постахъ? Въ нихъ, вѣрно, болѣе возвышенія, нежели въ людяхъ, стоящихъ на среднихъ или низкихъ ступеняхъ службы.

Я догадался, хотя и поздно, что Балашовъ завелъ весь этотъ разговоръ, чтобы меня какъ нибудь кольнуть, и отвѣчалъ:

„Виновать, ваше превосходительство! Правда, трудно нашему брату судить о людяхъ, стоящихъ такъ высоко“.

Балашовъ, обрадовавшись, сказалъ:—тутъ нужно знать всѣ обстоятельства подробно, быть въ связи съ людьми, которые на высотѣ, быть въ довѣріи у государя, а не быть подчинену частному лицу.

Я промолчалъ и откланялся.

Возвратясь домой, я крайне на себя досадовалъ, увидя, что выхожу совершенно изъ своего характера; прежде не скрывалъ ничего, говорилъ всегда правду, какъ она мнѣ казалась и какъ ее чувствовалъ. Теперь притворялся, соглашался съ безразсудствомъ. Это меня до такой степени беспокоило, что я рѣшился проситься въ отставку.

На другой день, въ 6 часовъ по полудни, я призванъ былъ къ государю.

XI.

— „Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, сказать императоръ, сколько происшествій! Кто могъ бы подумать, что русскій Хитрово могъ сдѣлаться прислужникомъ Коленкура? Хорошъ и Воейковъ! Какъ выпустить изъ рукъ карту съ означеніемъ маршрута арміи въ Вильну“.

„Я, государь, этой карты не видалъ“.

— „Она у меня, сказать государь“.

„Не выкрадена-ли эта карта у Воейкова?“ отвѣчалъ я.

— „Нѣтъ! она прислана къ Магницкому, который ее передалъ Хитрово. Спасибо Балашову, который перехватилъ“.

„Государь! я Воейкова не знаю; но удивляюсь, какъ на это рѣшиться“.

— „Странно, что не только Воейковъ, но и самъ военный министръ, утверждаютъ, что на посланной въ Магницкому картѣ никакихъ знаковъ карандашемъ не было; слѣдовательно, Хитрово чертилъ самъ. Но всё, Воейковъ виноватъ“.

„Конечно. Хитрово могъ бы ее купить у книгопродавца и чертить по своей волѣ“.

— „Вы военнаго министра не знаете? я хочу васъ съ нимъ сблизить. Онъ человѣкъ честный и отличный генералъ“.

Я поклонился.

— „Вотъ еще новость“; и, съ сими словами, подалъ государь мнѣ распечатанное письмо. Я прочиталъ надпись: „его высокопревосходительству м. г. Михаилу Михайловичу Сперанскому. Въ С.-Петербургъ“. — Съ боку приписано: „со вложеніемъ 80 т. руб. ассигн.“

Пока я разсматривалъ конвертъ, государь смотрѣлъ на меня пристально.

— „Что вы такъ разсматриваете“?

„Это получено не по почтѣ, печатей казенныхъ нѣтъ“.

— „Балашовъ мнѣ письмо представилъ; прочтите“.

Это письмо было изъ Кіева съ контрактовъ, въ которомъ поляки благодарили за всѣ доставленные имъ выгоды, и въ знакъ благодарности просили принять посылаемые 80 т. р. асс.

— „Что скажете“?

— Судя по конверту, не знаю: могли-ли тутъ уложиться 80 т. Но если могли, представлены-ли вашему величеству?

Государь ударилъ себя въ лобъ, сказавъ: „какъ мнѣ это на умъ не пришло? Письмо было уже распечатано“.

„Слѣдовательно, и деньги у него“.

— „Прекрасно! Я ихъ потребую; а вамъ легко съ Сперанскимъ познакомиться; вы важную оказали ему услугу“.

Я видѣлъ, что не столько относилось ко мнѣ, какъ съ досады на неудачу, и отвѣчалъ:

„Мнѣ хотѣлось бы, государь! хоть счесть эту сумму, ибо я никогда такой огромной въ рукахъ не имѣлъ“.

Государь улыбнулся.

— „Я доставлю вамъ это удовольствіе, если Балашовъ мнѣ деньги принесетъ, въ чемъ, однако, сомнѣваюсь, — онъ самъ до нихъ охотникъ“.

Я молчалъ.

Государь взялъ листокъ бумаги, что-то написалъ, свернулъ и, запечатавъ, сказалъ мнѣ: „отдайте это завтра Гурьеву. Кстати, купите мнѣ „Походы эрцъ-герцога Карла“; — это большое изданіе съ картами. — Прощайте“.

Едва успѣлъ дойти до дверей, какъ государь меня воротилъ.

— „Я было и забылъ вамъ возвратить франкмасонскія бумаги. Завтра вы будете разѣзжать по моимъ дѣламъ“.

И возвращая бумаги, вручилъ мнѣ не запечатанную записку съ сими словами: „Покажите эту записку Беберу, а въ первый разъ предложите сами въ ложѣ, чтобы онъ выбранъ былъ грессмейстеромъ. Беберъ и вы мнѣ отвѣчать будете во всемъ томъ, что въ ложѣ происходить будетъ; но чтобы моего имени въ ложахъ не было. Относительно протоколовъ ложъ, представляйте

ихъ мнѣ чрезъ министра полиціи. Показавъ записку Беберу, вы мнѣ ее возвратите“.

Вотъ слово въ слово содержаніе записки: „Je suppose que le but de la loge est noble et tend à la vertu, que les moyens à y parvenir sont fondés sur la stricte morale et que toute tendance politique en est proscrite. En ce cas la loge jouira de la bienveillance générale, avec laquelle, d'après le sentiment de mon coeur, je protège tous les braves et fideles sujets, dévoués à son Dieu, à l'état et à moi. Mais pour savoir si la société maçonnique est conforme au but que je lui suppose, j'ordonne que les travaux et protocols de chaque loge me soient exposés afin de me procurer les éclaircissements nécessaires sur la législation, le maintien du bon ordre et la direction des affaires. En cas de désordre il faut que je sache à qui m'en prendre“.

Переводъ. Я полагаю, что цѣль ложи благородная и стремится къ добру, что средства къ достиженію ея основаны на строгой нравственности и что ложи исключаютъ всякую политическую тенденцію. Въ такомъ случаѣ она будетъ пользоваться общей благосклонностью, съ которою я по моимъ чувствамъ покровительствую всѣмъ вѣрнымъ и честнымъ подданнымъ, преданнымъ Богу, государству и Мнѣ. Но чтобы знать согласуется ли масонское общество съ той цѣлью, которую я въ немъ предполагаю, я повѣляю, чтобы мнѣ представлялись труды и протоколы всякой ложи, которые доставятъ мнѣ надлежащіе разъясненія относительно законодательства, поддержанія порядка и управленія дѣлами. Въ случаѣ безпорядковъ мнѣ необходимо знать кого слѣдуетъ въ нихъ винить.

XII.

На другой день, поѣхалъ я къ Беберу, который крайне испугался, но утѣшился, узнавъ, что я съ нимъ вмѣстѣ буду. Отъ него былъ у военного министра, который сказалъ мнѣ по нѣмцки:

— „Это все глупости; сердятъ государя, а въ этомъ вашъ Балашовъ великій мастеръ. Разстаться съ Воейковымъ мнѣ при-
сжорбно будетъ: я къ нему такъ привыкъ“.

Отсюда поѣхалъ я къ министру финансовъ. Тотчасъ ввели меня въ кабинетъ, и я вручилъ ему императорскую записку. Гурьевъ спросилъ у меня: „когда угодно вамъ получить деньги“? Этотъ вопросъ меня ошеломилъ. Но я спохватился, сказавъ:

„Государю угодно, чтобы я ихъ нынѣ получилъ“.

— Вѣроятно это вамъ?

„Мнѣ приказано ихъ представить государю“.

Тотчасъ велѣно было одному чиновнику ѣхать со мною въ казначейство, гдѣ мнѣ немедленно выдали 5 т. р. асс. Я просто ничего не понималъ. Отправить-ли мнѣ деньги чрезъ Зиновьева? Но приказа не было. Рѣшился дожидаться призванія.

Вдругъ пришла мысль: не дано-ли это мнѣ, и не ованчивается-ли тѣмъ моя придворная служба? Признаюсь: мысль это меня радовала; но денегъ безъ приказа оставить у себя нельзя. Дождусь: если не пришлетъ государь за мною, отправлю чрезъ Зиновьева.

Отношенія мои къ Балашову становились со дня на день хуже и затруднительнѣе. Онъ ко всему придирался и негодование свое обнаруживалъ такъ не ловко, что я могъ догадываться: вѣрно онъ узналъ объ отлучкахъ моихъ.

Здѣсь нужно, для поясненія, обратиться къ самому себѣ. Положено было, чтобы я вручалъ министру доклады, представляемые государю, всякій вечеръ въ 7 часовъ. Теперь, въ этотъ часъ сталъ меня требовать къ себѣ государь; какую причину я могъ поставить на видъ министру? Незадолго предъ тѣмъ, выпросилъ я себѣ въ товарищи Фока. Онъ женатъ былъ на дочери доктора Фреза въ Москвѣ. Фрезъ былъ докторомъ покойной моей матери, которая была крайне имъ довольна. Какъ будто въ память усопшей матери, я предложилъ Фоку быть при мнѣ, а онъ занималъ незначительное мѣсто дежурнаго офицера, для записки получаемыхъ и отправляемыхъ министромъ писемъ. Я уповалъ, что онъ, изъ благодарности, меня не выдастъ. Частыя мои отлучки заставили меня открыться Фоку, и я предоставилъ ему, во время моихъ отлучекъ, ходить къ министру съ докладами, которые особенной важности не заключали ¹⁾.

¹⁾ Съ Фокомъ читатели „Русской Старины“ хорошо знакомы. Этотъ весьма образованный, тонкій и весьма хитрый человекъ. владѣвшій отлично иностранными языками, приобщенъ, съ легкой руки Я. И. де-Санглена, многими годами къ службѣ по секретной полиціи, былъ впоследствии правою рукою шефа жандармовъ, гр. А. Х. Бенкендорфа. Обширныя донесенія Фока своему начальнику въ 1826 г. напечатаны, въ переводѣ съ французскаго, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г., томъ XXXII, стр. 161—194, 303—336, 519—560.

Вечеромъ въ 7 часовъ, я былъ призванъ въ государю. У маленькаго подъязда, принялъ меня Зиновьевъ съ сими словами: „Государь приказалъ предъ вами извиниться; неожиданно пріѣхалъ военный министръ съ нужными дѣлами. Государь проситъ васъ здѣсь подождать“. Онъ ввелъ меня въ маленькую уборную государя, гдѣ онъ изволилъ ежедневно переодѣваться послѣ прогулки. „Государь приказалъ васъ подчивать“, сказалъ Зиновьевъ, и, дѣйствительно, подали чаю, сухарей, и проч., даже царскую трубку, которую я преисправно выкурилъ.

Въ 9 часовъ провелъ меня Зиновьевъ въ первый разъ въ большой кабинетъ императора.

— Мнѣ нельзя было, сказалъ государь, не принять военнаго министра, но впрочемъ я, какъ хозяинъ, велѣлъ васъ угощать. Я поклонился.

— Намъ болѣе прятаться нечего. Балашовъ, видно, догадался, хотя явно не говорить, а очень хвалить Фока. Что это за человѣкъ?

„Онъ человѣкъ, государь, не дурной; но вѣроятно, обольщенный важными выгодами въ будущемъ, онъ меня, своего благодѣтеля, выдалъ“.

— Это не рекомендація, однако доказываетъ человѣка способнаго. Интриганы въ государствѣ также полезны, какъ и честные люди; а иногда первые полезнѣе послѣднихъ.

Развязывая пакеты, думалъ я: не очень же выгодно быть честнымъ человѣкомъ и, правду сказать, немного испугался этого отзыва.—Во первыхъ, вручилъ я государю „Походы принца Карла“, и, при книгѣ, росписку Клостермана, что заплатилъ 200 р. ас.

— У меня примѣта: я никогда при себѣ денегъ не держу, но я прикажу вамъ ихъ отдать, сказалъ государь.

Во вторыхъ, возвратилъ обратно данную записку Беберу и доложилъ, что Беберъ выбранъ грессъ-мейстеромъ, а я его товарищемъ.

— Поздравляю, сказалъ государь, улыбаясь.

Наконецъ подаль запечатанный пакетъ съ деньгами.

— Это что?

„Полученные по приказанію вашего величества деньги отъ министра финансовъ“.

— Эти деньги слѣдуютъ не мнѣ, отдайте ихъ супругѣ вашей, она будетъ умѣть съ ними распорядиться.

Я принесъ государю мою благодарность за себя, за жену и дѣтей. Государь, взявъ меня за руку, сказалъ:

— *Les petits cadeaux entretiennent l'amitié.*

„Если это такъ, государь, то съ моей стороны, для поддержки милостиваго вашего императорскаго величества расположенія, уже никакихъ средствъ нѣтъ.

Государь засмѣялся.

— Я вами доволенъ, сказалъ онъ, этого достаточно; жаль, что у васъ все испортилось съ Балашовымъ, это вамъ повредить можетъ.

„Я поступалъ, государь, согласно съ повелѣніемъ совѣсти и чести, а въ доказательство, что я ничего не ищу, кромѣ ихъ удовольствіенія, осмѣливаюсь просить позволенія подать въ отставку“.

— Пока я живъ этого не будетъ; но все бы лучше, еслибы вы умѣли сохранить и расположеніе Балашова. Впрочемъ, вамъ бояться нечего.

„Государь! я давно желалъ прибѣгнуть къ вашему величеству съ этой просьбой, теперь осмѣливаюсь повторить вамъ оную“.

Государь нахмурилъ чело и отвѣчалъ:

— Я этого не люблю; что разъ рѣшилъ, того не переменяю.

Я замолчалъ. Государь сѣлъ въ кресло и началъ чинить перо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ: „сидитесь“, указывая на мѣсто подлѣ себя. Я поклонился. Онъ повторилъ:

— Сидитесь сюда. Я немного крѣпокъ на ухо.

Я сѣлъ.

— Изъ донесенія графа Растопчина о толкахъ московскихъ, я вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго, полагаютъ, что онъ, въ учрежденіяхъ министерствъ и совѣта, хитро подкопался подъ самодержавіе“. Государь остановился, потомъ продолжалъ: „графъ Марковъ отзывается о немъ дерзко, и предсказываетъ ужасную будущность, которую нанесетъ Наполеонъ Россіи. Здѣсь, въ Петербургѣ, Сперанскій пользуется общею ненавистью, и вездѣ въ народѣ проявляется желаніе ниспровергнуть его учрежденія. Слѣдовательно, учрежденіе министерствъ есть ошибка. Кажется, Сперанскій не совсѣмъ понялъ Ла-Гарпа, моего наставника, котораго люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно. Я дамъ вамъ этотъ планъ. Сравните оный съ учрежде-

ніемъ, и скажите ваше мнѣніе о министерствахъ. Ла-Гарпъ писалъ по французски, и вы пишете на томъ же языкѣ.

Пока я завертывалъ сочиненіе Ла-Гарпа въ бумагу, государь позвонилъ и вошедшему камеръ-лакею приказалъ дать что-нибудь ужинать. Подали, государь выкупалъ рюмку шамбертенъ, отвѣдалъ жареныхъ рябчиковъ, леща, желе, и подчивалъ меня. Мы во все время стояли, государь былъ очень веселъ и шутилъ на счетъ своихъ приближенныхъ.

— Хорошо я окруженъ, говорилъ онъ: — Козадавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашовъ мнѣ 80 тысячъ рубл. не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т..... твердитъ уроки Армфельта и Вернега, который живетъ съ его женой. Волконскій безпрестанно проситъ займы 50 тыс. на 50 лѣтъ безъ процентовъ. На силу я съ нимъ сошелся на 15 тыс. безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники! ¹⁾).

„Я смѣнилъ бы ихъ“.

— Развѣ новые лучше будутъ? Эти уже сыты, а новые затѣмъ же все пойдутъ.

Я воротился около двухъ часовъ по полуночи домой, и весь разговоръ этого вечера палъ мнѣ тяжело на душу. И такъ, говорилъ я самъ себѣ, Армфельтъ правъ... съ справедливостію не далеко уѣдешь: передай я Балашову первое мое свиданіе съ государемъ, что мнѣ было имъ запрещено, путь къ такъ называемому возвышенію, хоть и безсовѣстному, былъ бы открытъ. Больно мнѣ было подумать, что Александръ Павловичъ предпочиталъ интригу

На другой день (ко мнѣ) пріѣхалъ Армфельтъ.

Я. И. де-Сангленъ.

[Продолженіе въ слѣдующей книгѣ].

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. генер.-лейтен. М. И. Богдановичъ.

¹⁾ Напомнимъ по этому поводу, что горькія жалобы императора Александра Павловича на его приближенныхъ, за время гораздо ранѣе описываемыхъ событій, приведены въ извѣстной книгѣ гр. М. А. Корфа: „Восшествіе на престолъ императора Николая“.

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I.

ХІІІ ¹⁾).

— Eh bien, mon cher, сказалъ мнѣ Армфельтъ. Je vous l'ai predit et vous n'avez pas voulu écouter ni moi ni Vernègues. Ce coquin de Balachoff, justement parce qu'il est coquin, s'est dressé et est inébranlable sur son poste. On le craint et je commence à croire que Speransky est un honnête homme, parceque c'est lui et vous qui payerez les pôts cassés.

Я: Qu'y a-t-il à faire? Mais je puis vous assurer que, si la chose était à recommencer, je n'agirais pas autrement.

Армфельтъ. Monsieur, votre mère aurait du vous mettre au monde du temps des chevaliers de la table ronde.

Я: C'est du sarcasme, je vois très bien le gouffre devant moi; tombons s'il le faut, mais n'abandonnons pas nos principes.

Армфельтъ. Tout n'est pas perdu encore. L'empereur vous a commandé un papier snr les ministères, arrangez bien Speransky, cela plaira.

¹⁾ См. первая двѣ части Записокъ де-Санглена: «Екатерина II» и «Павелъ I» въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь, стр. 443—498, и часть третью: «Александръ I и его министры», главы I—XII, въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 1—46.

Я: Vous me faisiez l'honneur de me nommer chevalier de l'ancienne roche et maintenant vous me recommandez les bassesses de notre temps simplement pour parvenir. Est ce que cela vaut bien la peine, quand la vie et tout ce qui l'entoure ne vaut pas le sou.

Армфельтъ. Je voudrais comprendre la philosophie qui vous a inculqué ces principes. Encore si vous pouviez sauver quelqu'un, d'accord, mais je vous dis, c'est impossible; et vous allez vous perdre, et pour qui?

Я: Pour la bonne cause, pour l'auguste vérité.

Армфельтъ. Pa-per-la-pap! Sachez que Speransky, fautif ou non, doit être immolé, c'est indispensable pour rallier la nation au chef de l'état et pour une guerre qu'il faut rendre nationale?!

Я: C'est possible, mais pourquoi avoir recours à des moyens méprisables. Supposons qu'on me le propose et de grand coeur je me donne en holocauste. Mourir pour une bonne cause est un sort digne d'envie.

Армфельтъ. Et ceux aux quels vous avez à faire, sont ils à la même hauteur? Compréhendent-ils l'élan généreux du devouement chevaleresque? Donc quels sont les autres moyens que les souverains peuvent avoir si non la dénonciation, la calomnie etc. etc. Faites moi l'amitié de jeter votre philosophie au diable et vivre comme nous.

Я: Avec plaisir, car je suis décidé à prendre congé.

Армфельтъ. Encore une bêtise. Adieu.

(Переводъ). „Ну что, любезный другъ, я предсказываю вамъ, а вы не хотѣли слушать ни меня, ни Вернега. Негодяй Базашовъ, потому именно, что онъ негодай, утвердился на своемъ посту и сталъ песокрушимымъ. Его боятся и я начинаю думать, что Сперанскій честный человѣкъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ вами за все поплатится.“

Я: Что дѣлать! Но увѣряю васъ, что я не дѣйствовалъ бы иначе, если бы дѣло это можно было передѣлать сначала.

Армфельтъ. Ваша матушка, милостивый государь, должна была про- извести васъ на свѣтъ въ эпоху рыцарей „Круглаго стола“.

Я: Это злая насмѣшка; я отлично вижу пропасть, раскрывающуюся подо мною; упадемъ въ нее, если нужно, но не откажемся отъ своихъ убѣждений.

Армфельтъ. Не все еще потеряно. Императоръ приказалъ вамъ составить докладъ о министерствахъ; отдохайте хорошенько Сперанскаго, это поправится.

Я: Вы сдѣлали мнѣ честь, назвавъ меня рыцаремъ, человѣкомъ прямымъ и честнымъ, а теперь совѣтуете мнѣ дѣйствовать съ подлостью, свойственно нашему вѣку, только для того, чтобы составить себѣ карьеру. Стоитъ ли это тогда, когда жизнь и все окружающее не стоитъ гроша.

Армфельтъ. Я хотѣлъ бы постичь философію, внушившую вамъ подобныя убѣжденія. Не говорю, если бы вы еще могли спасти кого нибудь, но повторяю: вамъ это невозможно, изъ-за кого же вы себя погубите?

Я: За правое дѣло, за святую истину.

Армфельтъ. Тра-та-та! Знайте, что Сперанскій, виновенъ ли онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву; это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства и ради войны, которая должна быть національною.

Я: Можетъ быть; но къ чему же прибѣгать къ недостойнымъ средствамъ. Предположимъ, что мнѣ это предложить, тогда я съ радостью принесу себя въ жертву. Умереть за правое дѣло—участь достойная зависти.

Армфельтъ. Но люди, съ коими вы имѣете дѣло, стоятъ ли они на такой же высотѣ? Понимаютъ ли великодушный порывъ рыцарскаго самоотверженія? И такъ, какія же нынѣ средства могутъ быть у монарховъ, какъ не доносы, клеветы и т. п. Сдѣлайте милость, бросьте вашу философію къ чорту и живите такъ, какъ мы живемъ.

Я: Съ удовольствіемъ, такъ какъ я рѣшилъ выйти въ отставку.

Армфельтъ. Новая глупость. Прощайте.

Этотъ разговоръ открылъ мнѣ тайну, что Сперанскій назначенъ неминуемо быть жертвою, которая, подъ предлогомъ измѣны, и по питаемой къ нему ненависти, должна соединить всѣ сословія и обратить, въ предстоящей войнѣ, всѣхъ къ патриотизму.

Публика, подстрекаемая тайною, ибо явнаго преступленія не было, толковала все по своему, называла Сперанскаго измѣнникомъ, а меня открывшимъ его небывалое преступленіе.

Балашовъ уже не требовалъ меня къ себѣ, какъ только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Фоку найтись не умѣлъ. Я, увидя это, сдалъ Фоку, какъ товарищу, всѣ текущія дѣла, а себѣ предоставилъ доклады государю. Балашовъ теперь распространялъ, не знаю—по повѣленію-ли, или отъ себя, чрезъ своихъ агентовъ, самые нелѣпые слухи о связяхъ моихъ съ Коленкуромъ, съ сосланнымъ Хитрово и проч., а между тѣмъ выказывалъ себя другомъ Магницкаго и Сперанскаго.

XIV.

11 числа марта 1812 года, призванъ я былъ неожиданно утромъ къ Государю.

—„Кончено! сказалъ государь,—и какъ мнѣ это ни больно, но съ Сперанскимъ разстаться долженъ. Я уже поручилъ это

Балашову, но я ему не вѣрю, и потому велѣлъ ему взять васъ съ собою. Вы мнѣ расскажете всѣ подробности отправления“.

„Я въ подобныхъ отправленияхъ никогда не участвовалъ“.

— „Въ нынѣшнемъ случаѣ это такъ должно быть“.

„Позвольте, государь, просить у васъ милости“.

— „Что такое?“

„Балашовъ такъ связанъ съ Сперанскимъ и Магницкимъ, что вынужденъ будетъ имъ дѣлать снисхожденіе, которое, по моимъ правиламъ, имъ оказывать не слѣдуетъ. Это обстоятельство навсегда меня поссоритъ съ Балашовымъ, и я навлеку себѣ сильнаго врага“.

— „Вамъ до этого дѣла нѣтъ. Я вамъ приказываю: это нужно для меня, ибо я увѣренъ, что вы отъ меня ничего не скроете. Впрочемъ, предоставьте Балашову дѣлать, что онъ хочетъ; а мнѣ скажете, что сдѣлано будетъ“.

„Повинуюсь волѣ вашего величества“.

— „Такъ и должно! Я вами доволенъ и, въ доказательство моего довѣрія къ вамъ, скажу, что я спрашивалъ Сперанскаго— участвовать ли мнѣ лично въ предстоящей войнѣ? Онъ имѣлъ дерзость, описать всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать мнѣ собрать боярскую думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль! Изъ этого я вижу, что онъ подкапывался подъ самодержавіе, которое я обязанъ исполнѣ передать наслѣдникамъ моимъ. Балашовъ васъ извѣститъ, когда ѣхать. Смотрите, чтобъ я все зналъ. Прощайте“.

Едва успѣлъ я дойти до двери, какъ государь меня воротилъ:

— „Чтобы никто этого не зналъ! ибо Сперанскій и Магницкій ничего не знаютъ“.

XV.

17 марта, въ 5 часовъ вечера, потребовалъ (меня) къ себѣ министръ, и съ улыбкой, выказывающею неудовольствіе, сказалъ мнѣ:

— „Мы нынче вечеромъ ѣдемъ съ вами путешествовать“.

Я: Куда это, ваше превосходительство?

Балашовъ: Отправлять кое-какихъ пріятелей.

Я: Моихъ?

Балашовъ: Ну, нѣтъ!

Я: Кого же?

Балашовъ: Сперанскаго, Магницкаго и Бологовскаго!

Я: Ваше превосходительство никогда меня въ подобныхъ случаяхъ не употребляли.

Балашовъ (съ горькой улыбкой): Государю такъ угодно! Я докладывалъ, что вы на это не способны; предлагалъ Лаврова, графа Васильева и даже П. В. Кутузова, но государю, кромѣ васъ, никого не угодно.

Я: Позвольте рапортоваться болѣннымъ.

Балашовъ: Нельзя!

При семъ словѣ вбѣгаетъ, безъ доклада, Магницкій, весь не свой. Увидя меня, онъ быстро взглянулъ, какъ будто испугался, и кивнулъ на меня Балашову головою; но Балашовъ сказалъ: „ничего, что вамъ угодно?“

Магницкій: Вы обѣщали мнѣ маршрутъ.

Балашовъ: Да, вотъ онъ!

Магницкій (поблагодаря поклономъ): Сдѣлайте одолженіе...

Балашовъ (не давъ ему договорить): Все будетъ сдѣлано, не беспокойтесь, съ вами ѣдетъ избранный мною отличный офицеръ.

Магницкій: А маршрутъ женѣ моей?

Балашовъ: Вы не должны съѣзжаться. Ей другой маршрутъ данъ будетъ.

Магницкій: Покорно васъ благодарю.

Магницкій вышелъ, поклонясь одному Балашову, который сказалъ мнѣ: „въ 7 часовъ будьте здѣсь. Мы вмѣстѣ ѣдемъ“.

„Вотъ какъ исполняются приказанія государя“, сказалъ я про себя. Они ничего знать не должны, и предупреждены. Балашовъ самъ себя поставилъ въ такое положеніе, что не можетъ не высказать благодѣтелямъ своимъ готовности имъ услужить, и показывая себя ихъ другомъ, умножаетъ преступленіе свое противъ государя! Что-бы ни было, у меня съ Балашовымъ кончено. Кто съ порокомъ ужиться и ему служить можетъ, тотъ самъ долженъ быть пороченъ. Развѣ нельзя было Сперанскаго отставить? На что было придавать видъ преступленія, когда виновность ясно не доказана? Въ нововведеніяхъ Сперанскій повиновался высшей волѣ; хотя скрытно, онъ, можетъ быть, имѣлъ европейскую

цѣль, какъ и Лагарпъ. Что же будетъ со мною, которому объявлено, что интригантъ нужнѣе честнаго человѣка!

До 7 часовъ, приводилъ я въ порядокъ всѣ бумаги по канцеляріи: секретныя государевы заперъ у себя, обошелъ всѣ отдѣленія, столы и, приведя все въ порядокъ, заготовилъ, по обыкновенію, дневной отчетъ; рапортъ министру подписалъ, заставилъ подписать Фока, и въ 7 часовъ пошелъ къ министру.

Аккуратно въ 7 часовъ вступилъ я въ кабинетъ министра.

XVI.

— „Пора! сказалъ онъ, я думаю насъ давно ожидаютъ“.

Мы сѣли въ большія, запряженные тройкой, сани, подлѣ санинѣй скакали полицейской команды унтеръ-офицеръ и два драгуна. Всѣ скакали во весь опоръ. Сперва пріѣхали мы къ Магницкому.

Онъ встрѣтилъ насъ въ передней, ввелъ насъ во вторую комнату, и, указавъ на дверь, сказалъ: „не угодно-ли? тутъ кабинетъ“. Мы вошли.

Здѣсь все прибрано было какъ для торжества.

— „Не нужно-ли вамъ чего нибудь взять съ собою?“ спросилъ министръ.

— „Право, не знаю, отвѣчалъ Магницкій, развѣ этотъ пакетъ съ нѣкоторыми письмами“.

— „Возьмите“, сказалъ министръ.

Магницкій посмотрѣлъ на меня; я молчалъ. Онъ взялъ порядочную связку и уложилъ въ дорожный портфель, а Балашовъ прибавилъ: „посмотрите, не нужно-ли что еще?“

— „Нѣтъ! возразилъ Магницкій, это все текуція дѣла и черновыя бумаги, которыя мнѣ ни на что не нужны“.

Мы вышли.

Балашовъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „сдѣлайте одолженіе, эту дверь запечатать“, и подалъ мнѣ сургучъ и печать.

Принесли свѣчку, и я исполнилъ приказаніе министра.

У меня тряслись руки, вся кровь кипѣла во мнѣ; Магницкій и Балашовъ это замѣтили, посмотрѣли другъ на друга, и потомъ съ негодованіемъ на меня. Магницкій просилъ насъ въ гостиную, гдѣ находилась жена его и дѣти. Всѣ усѣлись; обо мнѣ никто

не думалъ. Я сталъ къ печкѣ, посреди комнаты, похожей болѣе на большую залу, нежели на гостиную.

Балашовъ разсказывалъ что-то, но такъ тихо, что я ничего слышать не могъ. Магницкій горячился; движеніями, жестами выказывалъ негодованіе и посматривалъ на меня, но ни единого слова до меня не доходило. Наконецъ, встали.

Магницкій просилъ Балашова доложить государю, что ему ѣсть нечего, прибавя: „Ему стыдно будетъ, когда человѣкъ съ звѣздой станетъ, какъ поденщикъ, рубить дрова для прокормленія своего семейства“.

Балашовъ отвѣчалъ: „все доложено будетъ, успокойтесь“.

Магницкій продолжалъ: „у меня нѣтъ ни денегъ, ни шапки, ни теплыхъ сапогъ“.

— „Я вамъ привезу шапку, сапоги, а сколько вамъ нужно денегъ?“

— Сдѣлайте милость, привезите хоть тысячи три; нужно оставить женѣ, взять на дорогу, да и пріѣхавши въ Вологду, пужны деньги. Кто мнѣ ихъ тамъ дастъ?

— „Все будетъ; я тотчасъ возвращусь“.

Балашовъ хотѣлъ ѣхать. Магницкій собирался провожать, а я оставался у печки.

Возвратясь, Магницкій сказалъ громко женѣ своей: *Quel bonheur, ma chère amie, d'avoir un ami, comme Balachoff! Que ferions nous dans ces circonstances desastreuses?*

Жена тоже благодарила Бога за такого вѣрнаго друга. „C'est, comme vous l'avez entendu, ce diable d'Armfeld, qui nous à préparé cet abime et encore un monsieur, au quel nous n'avons rien fait et que je ne veux pas nommer.“

Это меня взорвало.

— „Je suis très étonné, m-r Магницкій, сказалъ я, que vivant presque à la cour, vous avez eu si peu de perspicacité et que vous vous êtes endormi avec complaisance, surtout les faux rapports et les fausses assurances d'amitié qu'on vous a prodigué“.

Магницкій стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— Au nom du ciel, dites-mois un mot seulement, est-ce Воейковъ, qui exile avec nous?

Я молчалъ и смотрѣлъ на него съ негодованіемъ.

— Ayez-pitié de nous, monsieur, de cet enfant, воскликнула жена его, проливая слезы, dites-nous: est-ce Воейковъ?

— „A quoi peut cela vous servir maintenant?“ отвѣчалъ я.

— Peut-être cela nous sauvera, возразилъ Магницкій.

Жена его при сихъ словахъ готова была пасть на колѣна предо мною. Я поддержалъ ее и, растроганный, отвѣчалъ:

— „Бологовской part avec vous“.

Магницкій сильно ударилъ себя въ лобъ: Ah, les traitres! j'y suis, вскричалъ Магницкій, Dieu, quelle infamie!!

Онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, приговаривая: le coquin, l'infame et sot de Бологовской qui a encore donné dans le panneau.

(Переводъ): „Какое счастье, другъ мой, имѣть друга, подобнаго Балашову. Что бы мы стали дѣлать при этихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ?“ Жена тоже благодарила Бога за такого вѣрнаго друга. „Эту горькую участь (abime) уготовалъ намъ, какъ вы слышали, проклятыи Армыфельтъ и еще одинъ господинъ, которому мы ничего не сдѣлали и котораго я не хочу назвать“. Это меня взорвало. „Меня крайне удивляетъ, г. Магницкій, сказалъ я, что живя почти при дворѣ, вы были столь недалековидны и благодушно довѣряли всѣмъ ложнымъ донесеніямъ и всѣмъ живымъ увѣреніямъ дружбы, которыя вамъ расточали“. Магницкій стоялъ, какъ громомъ пораженный. „Ради Бога, скажите мнѣ одно только слово, Воейковъ отправляется въ ссылку съ нами?“ Я молчалъ и смотрѣлъ на него съ негодованіемъ. „Сжальтесь надъ нами, надъ этимъ ребенкомъ, воскликнула жена его, проливая слезы, скажите намъ: Воейковъ-ли?“ „Какая вамъ будетъ отъ этого польза теперь“, отвѣчалъ я. „Можетъ быть это спасетъ насъ“, возразилъ Магницкій. Жена его при сихъ словахъ готова была пасть на колѣна предо мною. Я поддержалъ ее и растроганный отвѣчалъ: „Бологовской ѣдетъ съ вами“. Магницкій сильно ударилъ себя въ лобъ. „Ахъ измѣнники! Теперь я догадался, вскричалъ Магницкій, Боже, какая низость“. Онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, приговаривая: „негодяй, подлецъ, а дуракъ Бологовской еще поддался обману“.

Потомъ, подбѣжалъ ко мнѣ, сказавъ: „Сперанскій еще не входилъ къ государю, позвольте мнѣ написать ему двѣ строчки“.

— Могу-ли это вамъ запретить? отвѣчалъ я. Вы выйдите въ другую комнату, куда я, изъ приличія, за вами не пойду, и безъ позволенія моего, можете дать знать Сперанскому, что вамъ угодно.

Онъ выбѣжалъ въ боковую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ воротился, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Quel malheur pour nous, monsieur, que nous n'avons pu faire votre connaissance plutôt!

(Переводъ): Какое несчастіе для насъ, что мы не могли познакомиться съ вами раньше.

Я молчалъ.

Теперь свободно говорили при мнѣ мужъ и жена о постигшемъ ихъ несчастіи.—Онъ упранивалъ жену скорѣе пріѣхать въ Вологду, а продажу ихъ вещей поручить кому либо, и вырученными деньгами заплатить Балашову. Наконецъ, утѣшались скорымъ свиданіемъ.

Вотъ пріѣхалъ и Балашовъ, и привезъ съ собою все обѣщанное. Магницкій вырвалъ у него шапку изъ рукъ, надѣлъ ее на голову, сталъ передъ зеркаломъ, сказавъ женѣ:

— *Voyez, ma chère amie, suis-je bien coiffé par la police?*

— *Eh! On ne peut plus admirablement,*—отвѣчала жена, улыбаясь сквозь слезы.

(Переводъ): Взгляните, мой другъ, хорошо ли приварили меня полиція?—О, какъ нельзя лучше...

Балашовъ вручилъ ему деньги, сказавъ: „вы мнѣ ихъ отдадите, когда можно будетъ“.

Магницкій отвѣчалъ: „жена прикажетъ продать наши вещи; что выручится, то вамъ доставлено будетъ; коли не вся сумма выйдетъ, отвѣчаю я“.

Балашовъ, кажется, удивился сухости отвѣтовъ; началъ прощаться; потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „отправьте Михаила Леонтьевича, я вамъ оставляю сани; а самъ долженъ ѣхать къ Сперанскому, чтобы тамъ чего не было; по отправкѣ Магницкаго, тотчасъ пріѣзжайте къ Сперанскому“.

Я поклонился, но понялъ, что онъ спѣшилъ для того, чтобы отправить Сперанскаго безъ меня.

Кибитка и квартирный были готовы, начали укладывать; все это было медленно, и не мудрено: жена старалась удержать мужа хотя нѣсколько минутъ долѣе; я не торопился.

— *Vous verrez: ce coquin de Balachoff,* сказалъ мнѣ Магницкій, *est allé encore tromper Speransky*“.

(Переводъ): „Вы увидите, что негодяй Балашовъ, сказалъ мнѣ Магницкій, еще пошелъ обманывать Сперанскаго“.

Наконецъ настала минута прощанія.

У меня слеза навернулась, я вышелъ въ другую комнату.

Магницкій выбѣжалъ, бросился мнѣ на шею, сказавъ: „Боже мой! зачѣмъ я васъ не прежде узналъ? И въ этомъ онъ,

злодѣй, виновать". Прижалъ меня въ послѣдній разъ къ груди и поспѣшно побѣжалъ съ лѣстницы. Ни жена, ни сынъ, его не провожали; я одинъ шелъ за нимъ. По просьбѣ его, сказалъ я квартальному, чтобы онъ не забылъ кого везетъ; „и если получу отъ его превосходительства малѣйшую жалобу, то по ней строго взыскано будетъ“.

Обнялись еще разъ съ Магницкимъ.

— „Вы, въ несчастіи, уладили послѣднія мои минуты, въ Петербургѣ, сказалъ онъ мнѣ; прощайте, да вознаградить васъ Богъ“!

Я скорѣе сѣлъ въ сани и въ 11 часовъ ночи подѣхалъ къ дому Сперанскаго. Въ передней увидѣлъ я двухъ лакеевъ, одѣтыхъ по дорожному, въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и проч.

На вопросъ мой: „что вы за люди“? (они отвѣчали:)

— Мы ѣдемъ съ бариномъ въ Нижній Новгородъ.

Я вошелъ въ комнату, — родъ залы, гдѣ на диванѣ сидѣлъ Балашовъ; передъ нимъ столикъ, на которомъ догорала сальная свѣча. Я отпартовалъ ему объ отправленіи Магницкаго. „Жена, сынъ Магницкаго, приказали всѣмъ кланяться“.

Балашовъ: Признаюсь, я отъ того уѣхалъ, что не могъ быть свидѣтелемъ такой трогательной сцены.

Я притворился, будто повѣрилъ. „Да! сказалъ я, быть свидѣтелемъ подобной сцены не очень пріятно, но поучительно, если, какъ отцу семейства, примѣнить видимое къ самому себѣ. Впрочемъ, за исключеніемъ разлуки, какое спокойствіе, хладнокровіе, твердость духа! Неужели преступникъ можетъ на себя надѣть такую благородную маску“?

Балашовъ всталъ, началъ ходить, вдругъ остановился, сказавъ: „Странно, что Сперанскій все еще не возвращается отъ Государя“.

Я: Мнѣ приходитъ на умъ смѣшная мысль, а съ тѣмъ вмѣстѣ — не очень утѣшительная. Ну! если онъ оправдается и, вмѣсто Сперанскаго, отправлены будутъ ваше превосходительство и я, вашъ усердный слуга?

Балашовъ: Признаюсь: эта мысль, пока я одинъ былъ, тревожила и меня. Чего добраго? Ни на что полагаться нельзя.

Я: Если это случится, ваше превосходительство, то вы будете во мнѣ имѣть вѣрнаго и веселаго спутника.

Балашовъ: Какъ таеъ?

И: Ничего не было бы забавнѣе подобной траги-комической развязки сей продолжительной драмы. Намъ велятъ отправлять, вѣдугъ отправать насъ!

Балашовъ старался прикрыть смѣхомъ свое смущеніе. Но весьма замѣтно было, что ему не до смѣха. Въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ, какъ въѣхала на дворъ карета.

— „Это онъ“!—сказалъ Балашовъ; взялъ шляпу въ руки и сталъ подлѣ меня.

Сперанскій вошелъ; на лицѣ его ничего не было примѣтно; онъ держалъ въ рукахъ портфейль и съ спокойнымъ духомъ сказалъ:

— „Извините, господа! меня государь задержалъ“. Потомъ, обратясь къ Балашову, спросилъ:

— „C'est apparemment M-r de Sanglin“?

(Переводъ). „По всей вѣроятности это г. де-Сангленъ“?

На отвѣтъ Балашова, что это такъ, Сперанскій подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, сказавъ: „Je suis bien fâché, monsieur, de n'avoir pu faire votre connaissance plutôt“.

(Переводъ). „Весьма сожалею, милостивый государь, что мнѣ не удалось познакомиться съ вами раньше“.

Балашовъ на меня покосился; а я отвѣсилъ Сперанскому поклонъ.

Сперанскій прибавилъ: „Au reste, j'emporterai avec moi un bon souvenir de vous“.

(Переводъ). „Впрочемъ я всегда сохраню о васъ пріятное воспоминаніе“.

Балашовъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

Сперанскій обратился къ Балашову и сказалъ: „Не угодно ли войти въ мой кабинетъ?“ и пошелъ впередъ. Балашовъ, крайне смущенный, сказалъ мнѣ тихо: „дайте мнѣ съ нимъ переговорить наединѣ, только на 1/2 часа, потомъ васъ призову“.

Мнѣ Балашовъ сталъ жалокъ и презрителенъ. „Какъ вамъ угодно“,—отвѣчалъ я сухо. Балашовъ пошелъ за Сперанскимъ, а я сѣлъ на канане противъ дверей кабинета. Натурально, Балашовъ меня не призывалъ; двери кабинета часто растворялись людьми, которые выносили чемоданы и проч., а потомъ видно было, что жгли въ каминѣ бумаги.

Тогда, какъ и теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могу понять, какъ Сперанскій на это рѣшился. Положимъ, что всѣ сожженные и отложенныя бумаги были невинны; но этимъ поступкомъ онѣ обращались, по крайней мѣрѣ, въ подозрительныя. Если онѣ были невинны, то Сперанскому должно было непременно меня пригласить; ибо уже вѣрно Балашовъ ему сказалъ, что, по приказанію государя, я избранъ быть свидѣтелемъ всего. Какъ бы то ни было, Сперанскому собственно для себя должно было требовать, чтобы я былъ при томъ. Одинъ разъ, даже слишкомъ растворили дверь; я не удержался и сказалъ:

— „Попросите Михаила Михайловича, чтобы поменѣе бумагъ жгли. Здѣсь становится невыносимо жарко“. Что скажетъ, думалъ я, коли не государь, такъ публика? И не долженъ ли самый приверженный Сперанскому человѣкъ, нехотя, получить подозрѣніе, которое, по отъѣздѣ Сперанскаго, обратится у всѣхъ въ убѣжденіе, что сожженные и увезенныя бумаги содержали преступныя замыслы? Поневолѣ скажешь: „это какъ-то не такъ“. Относительно меня, признаюсь, я радъ, что Балашовымъ не былъ призванъ, ибо я не удержался бы и была бы непріятная сцена.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго времени, Сперанскій и Балашовъ вышли изъ кабинета. Первый взялъ свѣчку, и пригласилъ Балашова и меня въ домовую контору. Я поклонился и не трогался съ мѣста.

— „Пойдемте“, сказалъ мнѣ Сперанскій ласково.

Я отвѣчалъ: „Я, ваше превосходительство, отъ нечего дѣлать обошелъ всѣ комнаты, и, кромѣ столовъ и запертыхъ шкафовъ, ничего не видалъ“.

— Нѣтъ, ничего, сказалъ Сперанскій, пойдемте вмѣстѣ.

Сперанскій намъ описывалъ, какія именно хранятся дѣла въ каждомъ шкафѣ; и обойдя три или четыре комнаты, мы возвратились опять въ прежнюю залу.

Сперанскій и Балашовъ ходили взадъ и впередъ по этой залѣ; первый съ хладнокровіемъ, спокойствіемъ и твердостью духа, которыя внушили мнѣ къ нему уваженіе. Балашовъ ходилъ подлѣ него, какъ мальчикъ, который труситъ: не знаетъ-ли учитель, сколько онъ напроказничалъ!

Первыя слова Сперанскаго были: „Дай Богъ, чтобы отъѣздъ

мой обратился государю и Отечеству въ пользу! Прошу довести до свѣдѣнія его величества, что уѣзжаю съ пламеннымъ желаніемъ счастья ему и Россіи.

Балашовъ: Кто будетъ у насъ государственнымъ секретаремъ?

Сперанскій: Желая, чтобы выборъ палъ на достойнаго и знающаго человѣка.

Балашовъ: Кажется, Оленинъ назначенъ.

Сперанскій (пожавъ плечами): Для меня интереснѣе бы знать: кто будетъ главнокомандующій въ эту отечественную войну?

Балашовъ: Доселѣ еще ничего неизвѣстно.

Сперанскій: Надобно молить Бога, чтобы все кончилось ко благу Россіи.

Разговоръ какъ-то не клеился; все было отрывисто. Балашову хотѣлось, кажется, что-то вывѣдать; а Сперанскій стоялъ, какъ будто, на-стражѣ.

Балашовъ: Неудобно ли вамъ проститься съ дочерью вашею?

Сперанскій: Нѣтъ! это слишкомъ меня растрогало бы. Я просилъ государя, завтра ихъ отправить ко мнѣ.

Балашовъ: Не нужно ли вамъ еще чего либо?

Сперанскій: Благодарю васъ, я все поручилъ Цеймерну, онъ управляетъ всѣми моими дѣлами. Однако не пора-ли мнѣ ѣхать и дать вамъ, господа, покой?

Балашовъ: Яковъ Ивановичъ! запечатайте кабинетъ; вотъ вамъ и печать.

Я подозвалъ частнаго пристава Шипулинскаго; онъ принесъ свѣчку и веревочку завязать замокъ, а я приложилъ печать.

Сперанскій и Балашовъ молча ходили по комнатѣ. Вдругъ Сперанскій остановился, сказавъ: „Мы забыли, Александръ Дмитриевичъ, взять изъ кабинета другой портфѣль?“

Балашовъ: Распечатайте, Яковъ Ивановичъ!

Я стоялъ неподвижно.

Балашовъ: Что же? я васъ просилъ распечатать.

Я: Два раза запечатать и распечатать я права не имѣю.

Балашовъ указалъ Шипулинскому жестомъ, и этотъ, по-смотря на меня, распечаталъ. Балашовъ и Сперанскій вошли въ кабинетъ и притворили дверь. Черезъ нѣсколько время воротились оба, а Сперанскій съ еще больше и ту же перваго набитымъ

портфелемъ. Балашовъ, обратясь ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою, сказалъ: „извольте запечатать“.

— Во второй разъ, отвѣчалъ я, не смѣю.

Балашовъ приказалъ опять Шипулинскому: а самъ держалъ свѣчку, и кабинетъ вторично былъ запечатанъ.

Балашовъ (съ сердцемъ): Вы забываетесь!

Я: Вы правы, ваше превосходительство, кто-то изъ насъ забывается, не исполняя свято своихъ обязанностей; жалѣю, что Михаилъ Михайловичъ далъ Государю и Россіи поводъ подозрѣвать, что эти портфѣли содержатъ въ себѣ такіе предметы, которые скрывать нужно.

Сперанскій, вѣроятно, не желая быть свидѣтелемъ распри, обратился къ Балашову: „прощайте, Александръ Дмитріевичъ, благодарю васъ“; и оба обнялись: „прощайте, Яковъ Ивановичъ“, сказалъ Сперанскій.

Я поклонился.

Балашовъ пошелъ провожать Сперанскаго, а я остался въ залѣ. Балашовъ возвратился назадъ, и съ гнѣвнымъ тономъ сказалъ мнѣ: „на что это похоже? Что подумаетъ объ васъ Сперанскій?“

Я: Я этого не знаю, ибо никогда не забочусь о томъ, что скажутъ люди, а что скажетъ моя совѣсть.

Балашовъ: Это что значитъ?

Я: То, что, если-бы Сперанскій былъ отцемъ моимъ, я поцѣловалъ-бы у него руку, поплакалъ-бы о разлуцѣ съ нимъ, о его несчастіи, но тотчасъ-бы запечаталъ его кабинетъ, и не далъ-бы вынести ни одного листочка.

Балашовъ: Не понимаю, что вы хотите сказать? Но прошу не забываться.

Я: Между нами все кончено. Я съ вами не служу; слѣдовательно, вы мнѣ болѣе не начальникъ, а я не подчиненный.

Балашовъ: Хорошо! Но сперва поѣдьте къ Бологовскому.

Я: У Бологовскаго печатать нечего; его просто велѣно такъ отправить. Позвольте предоставить вамъ одному удовольствіе отправить сына благодѣтельницы вашей, Мироніи Петровны Бологовской.

Балашовъ: Знайте, что вы имѣете во мнѣ, и на всегда, непримиримаго врага!

Я: Очень знаю, и очень благодаренъ.

Балашовъ: Увидимъ, когда ни одинъ изъ моихъ товарищей не захочетъ имѣть васъ при себѣ, и, кромѣ гоненія, вы ничего не увидите!

Я: Это-то мнѣ и нужно; вы выкажете себя въ настоящемъ видѣ; а рано или поздно, правда восторжествуетъ.

Балашовъ сѣлъ въ карету, а я въ сани.

Пріѣхавъ домой, тотчасъ послалъ за Фокомъ, чтобы онъ немедленно принялъ всѣ дѣла, согласно рапорту, заготовленному министру и имъ подписанному, о которомъ говорено прежде.

XVII.

На другой день, въ 12 часовъ утра, былъ я потребованъ къ Государю, и принять былъ въ большомъ кабинетѣ.

— „Балашовъ сказалъ мнѣ, что онъ крайне вами не доволенъ, и что даже ни онъ съ вами, ни вы съ нимъ служить не хотите. Я догадываюсь“..... Государь засмѣялся. „Донесеніе его какъ-то не ясно, сбивчиво, а сваливаетъ вину на васъ, что вы не умѣли быть ему помощникомъ“.

„Я первый отказался съ нимъ служить, ваше величество! Я горжусь тѣмъ, что не умѣлъ быть помощникомъ ему. Онъ дѣйствовалъ одинъ; а я былъ, и то иногда только, зрителемъ.“

— „Вы не можете себѣ представить какой былъ вчера тяжкій день для меня! Я Сперанскаго приблизилъ къ себѣ, возвелъ его, и имѣлъ къ нему полную довѣренность, и вынужденъ былъ его сослать. Я плакалъ“. И въ сію минуту, дѣйствительно, слеза навернулась на глазахъ его величества.

Я молчалъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ Государь сказалъ: „Расскажите мнѣ подробно, что и какъ все было“.

Я началъ свое повѣствованіе, какъ уже подробно мною сказано. Когда я дошелъ до того, что Балашовъ поѣхалъ за шапкою, теплыми сапогами и деньгами для Магницкаго, Государь подхватилъ:

— „Этого мнѣ Балашовъ не сказывалъ, вѣрно хочеть съ меня эти деньги воротить, ибо очень трогательно рассказывалъ мнѣ положеніе Магницкаго; но я будто ничего не понимаю“.

Когда я дошелъ опять до Магницкаго, который сталъ предъ зеркаломъ и, надѣвъ на голову шапку, сказалъ женѣ своей „*suis-je bien coiffé par la police? Eh?*“¹⁾ государь громко засмѣялся, прибавя: „онъ остеръ, уменъ, но ужасно вѣтренъ“. Далѣе Государь какъ будто удивился, что Балашовъ оставилъ меня одного у Магницкаго, а самъ поѣхалъ къ Сперанскому, сказавъ: „и этого мнѣ Балашовъ не говорилъ“.

При разсказѣ о томъ, что на вопросъ Магницкаго, ѣдетъ ли Воейковъ съ нами? я отвѣчалъ: не Воейковъ, а Бологовской, и что Магницкій просилъ у меня позволенія написать Сперанскому нѣсколько словъ..... Государь съ гнѣвомъ прервалъ рѣчь мою: „если это сдѣлано изъ состраданія, то оно въ нынѣшнемъ случаѣ неумѣстно, даже преступно! и привело меня въ величайшее затрудненіе, ибо когда Сперанскій вошелъ ко мнѣ и началъ раскрывать портфель, а я сказалъ ему: „не нужно, Михаилъ Михайловичъ, у меня есть другое дѣло, о которомъ съ вами переговорить хочу“, и каково же было мое удивленіе, когда онъ мнѣ хладнокровно отвѣчалъ: „Государь! я все знаю; по выходѣ моемъ отъ васъ, я буду отправленъ въ Нижній Новгородъ. Но позвольте воспользоваться послѣднею минутою, въ которую имѣю счастье быть передъ вами, и тѣмъ изъяснить вѣрноподданническую мою преданность“. Тутъ началъ онъ мнѣ описывать Балашова такими красками, которыя меня ужаснули.—Это вы открыли ему глаза“.

— Я не могъ, государь, объявлять Магницкому, чтобы онъ поѣхалъ къ Балашову просить маршрутъ; не могъ объявить и Сперанскому, что онъ поѣдетъ въ Нижній-Новгородъ, ибо я этого не зналъ и знать не могъ; я даже и тогда не зналъ, когда мнѣ Балашовъ вечеромъ объявилъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхать—отправлять пріятелей. Надобно узнать: по чьему совѣту люди Сперанскаго были одѣты по-дорожному и знали, что ихъ господинъ ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ. Сверхъ того, Балашовъ, очерняя меня Магницкому, выдумалъ сказку о Воейковѣ. Я, видя отчаяніе Магницкаго и его семейства, и что онъ окруженъ клеветою, и растроганный слезами его семейства, высказалъ правду, чтобы страхнуть съ себя клевету Балашова.

— „Какъ бы то ни было, я вамъ этого простить не могу. Что же было далѣе?“

¹⁾ Хорошо ли принарядила меня полиція?

Теперь я рассказал мой разговоръ съ Балашовымъ до приѣзда Сперанскаго.

Это крайне веселило императора.

Онъ сказалъ: „Это едва-ли не было бы лучше“.

„Но не для меня, Государь!“

Императоръ улыбнулся.

— „А все-таки нужно было Сперанскаго выслать. Доказательствомъ тому то, что весь Петербургъ обрадовался ссылке его. Меня уже поздравляли; люди—мерзавцы: тѣ, которые вчера утромъ ловили улыбку Сперанскаго, нынѣ поздравляютъ меня съ отправленіемъ его. Скажите мнѣ, въ какомъ расположеніи духа онъ поѣхалъ?“

„Въ чрезвычайно спокойномъ, Государь! Я такъ удивился его хладнокровію, что полагалъ: не будетъ-ли онъ прощенъ, или не получилъ-ли въ томъ увѣреніе отъ вашего императорскаго величества?“ .

Потомъ рассказалъ все до приглашенія Сперанскимъ въ кабинетъ и до просьбы Балашова дать ему полчаса переговорить наединѣ со Сперанскимъ.

— „Вамъ не должно было на это соглашаться“.

„Государь! Онъ былъ моимъ начальникомъ и ваше величество запретили мнѣ вмѣшиваться въ его дѣла; а приказали только довести до вашего свѣдѣнія что увижу и услышу“.

— „Это такъ! Но могъ ли я предполагать, чтобы Балашовъ рѣшился на подобный поступокъ“.

Видно было, по движеніямъ и суровому выраженію лица Государя, что онъ былъ крайне недоволенъ, —мною ли, или Балашовымъ, или обоими?—Богъ вѣсть!

Крайне меня удивило, что, во время моего донесенія, государь началъ меня опять спрашивать; старался, повидимому, сбить меня съ толку; добивался, кажется, что-то узнать, мнѣ неизвѣстное. Чтобы это было? думалъ я. Натуральная и обыкновенная мнительность государя, или не пригаль-ли чего-либо Балашовъ, по злобѣ на меня, и тѣмъ поколебалъ мнѣніе государя обо мнѣ? Не знаю, но что-то похожее на то и другое. Но когда я рассказалъ, что послѣ запечатанія дверей, они были вновь распечатаны, чтобы вынести оттуда толсто набитый портфель, Государь, какъ будто, вышелъ изъ себя:

— „Какой бездѣльникъ! Петръ I отрубилъ бы ему голову свое-

ручно; а я попозже произведу его изъ поповъ въ діаконы! Мнѣ Паленъ не нуженъ!!“

Здѣсь я объявилъ его величеству послѣднія слова Сперанскаго, т. е. желаніе его императору и отечеству благополучія и успѣховъ, прибавя, что, судя по тону, слова эти происходили отъ сердца, ибо сказаны были съ чувствомъ.

— „Вѣрю, сказалъ государь, въ немъ нѣтъ злобы, онъ способенъ къ добру, религіозенъ; и я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, а еще менѣе вражды къ кому-либо“.

Государь любопытствовалъ знать: какова была минута прощанія Сперанскаго съ Балашовымъ. Я разсказалъ подробно то, что уже было объяснено мною выше. Наконецъ, разсказалъ и мое прощаніе съ Балашовымъ.

— „Это вспышка—благородная, но не умная и не осторожная; а что вы самовольно сдали дѣла Фоку, вы только себѣ причинили вредъ, и этимъ возбудили непримиримаго врага“.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, государь милостиво сказалъ мнѣ:

— „Завтра вечеромъ въ 7 часовъ придите въ секретарскую и ожидайте моего призыва“.

Разсказавъ все это подробно, по долгу совѣсти и чести, обязанъ я, сверхъ сценическаго моего представленія: замѣтить, что 1) Балашовъ, кажется, никакъ не рѣшился бы, не имѣя отъ государя приказанія, истребить собственноручныя записки его величества къ Сперанскому. Симъ, вѣроятно, воспользовался Балашовъ, чтобы выручить и свои записочки къ Сперанскому, а чтобы это осталось скрытно, не нужно было призывать меня въ кабинетъ.

2) Я не могу не упомянуть для исторической вѣрности объ одномъ слухѣ, за достовѣрность котораго не отвѣчаю, но упомянуть долженъ потому, что это пересказывалось на ухо въ большихъ кругахъ: будто Барклай-де-Толли отправилъ Воейкова къ государю съ маршрутомъ всей арміи въ Вильну и съ означеніемъ порядка марша каждаго корпуса. Сперанскій зналъ, что императоръ этого ожидалъ, и былъ съ докладомъ у Государя, когда объявили о Воейковѣ. Сперанскій выходитъ изъ кабинета, и увидя Воейкова, отвѣчалъ: вотъ онъ!—„Пожалуйте“! сказалъ Сперанскій, и пошелъ съ этой бумагой обратно въ кабинетъ. Воейковъ, возвратясь домой, нашель у себя замшевую кису, наполненную червонцами. Онъ представилъ оную Барклаю, который довелъ

все до свѣдѣнія императора. Если что-нибудь изъ этой исторіи справедливо, за исключеніемъ червонцевъ, то этимъ можетъ изъясниться причина, за которую Воейковъ лишился мѣста и за его связь съ Николаемъ Захаровичемъ Хитрово.

Теперь, когда эта драма разыграна до конца, прояснилось, не знаю—всѣмъ ли, играющимъ тутъ роль, или только мнѣ,—слѣдующее:

Государь, вынужденный натискомъ политическихъ обстоятельствъ вести войну съ Наполеономъ на отечественной землѣ, желалъ найти точку, которая, возбудивъ патріотизмъ, соединила бы всѣ сословія вокругъ его. Для достиженія сего, нельзя было ничего лучше придумать измѣны противъ государя и отечества. Публика,—правильно или неправильно—все равно, давно провозгласила по всей Россіи измѣнникомъ Сперанскаго. На кого могъ выборъ лучше пасть, какъ не на него. Нужно только было раздуть эту искру, чтобы произвести пожаръ. Государь довѣрилъ эту тайну графу Армфельту, величайшему интриганту, который въ разныхъ дворахъ никогда самъ лично себя не выставлялъ, а всегда дѣйствовалъ косвенно чрезъ другихъ. Онъ, какъ мы видѣли, дѣйствовалъ чрезъ Вернега; оба имѣли въ виду дѣйствовать за бурбоновъ. Армфельтъ сперва отрекомендовалъ государю Балашова, какъ министра полиціи и честолюбиваго хитреца, которому польстить эта довѣренность, и которому настоящей цѣли высказывать не должно. Балашовъ ошибся, получивъ отъ государя повелѣніе имѣть за Сперанскимъ строгій надзоръ; принявъ за истину мнимую измѣну Сперанскаго и, оберегая себя, почелъ нужнымъ скрыть связь свою съ Сперанскимъ. Армфельтъ, ненавидѣвшій Балашова, про котораго говаривалъ: „ce petit lieutenant de police veut être un homme d'Etat; quel ridicule!“ хотѣлъ, при сей вѣрной okazji, свергнуть и его, но ошибся; отрекомендовалъ государю меня, полагая, что я, изъ желанія возвышенія, готовъ буду обнаруживать всѣ шашни Балашова и изъ личныхъ выгодъ напасть на Сперанскаго.—Балашовъ вторично ошибся, выбравъ, для мнимаго знакомства съ Сперанскимъ и Магницкимъ, Бологовскаго. Бологовской, разѣзжая по Петербургу отъ одного къ другому и къ Сперанскому, возбудилъ въ государѣ недовѣрчивость, который натурально все провѣдывалъ чрезъ своихъ шпионовъ, въ которыхъ, увѣ, недостатка у него не было. Когда я выступилъ на сцену, Балашовъ уже такъ запутался, что государь ему болѣе

не довѣрялъ; и Армфельтъ заготовилъ уже для него un exil temporaire. Государь, найдя во мнѣ откровенность, которую я почиталъ необходимою предъ императоромъ, кажется, обрадовался. Государь получилъ письма отъ графовъ Маркова и Растопчина, въ которыхъ припутали Вейсгаупта, Розенкампа и другихъ. Все это поколебало сильнѣе государя противъ Сперанскаго. Это путало и запутало все, и чѣмъ болѣе насъ было въ движеніи, тѣмъ болѣе въ публикѣ было толковъ, догадокъ и сязокъ на счетъ насъ и Сперанскаго, которому уже другаго имени не было, какъ—измѣнникъ! слѣдовательно цѣль достигнута.

Моя ошибка была, что не вникая въ характеръ государя, я не видѣлъ въ немъ человѣка, а одного императора, передъ которымъ, какъ предъ Богомъ, ничего скрывать не должно и которому никакихъ выгодъ нѣтъ обманывать своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ всѣ актеры, кромѣ царя, который былъ одинъ дѣятеленъ, и который одинъ съ Армфельтомъ направлялъ тайно и весь ходъ драмы, остались въ дуракахъ. Мы дѣйствовали, какъ телеграфы, нити которыхъ были въ рукахъ императора. Изъ чего хлопотали!?!—О томъ, что давно рѣшено было въ умѣ государя и чего они не знали и не догадались.

Всѣ наши ссоры, развѣзды помогли только болѣе раздуть ненависть публики къ Сперанскому!

Сперанскаго, Магницкаго и Бологовскаго сослали.—Балашовъ лишился министерства, но остался генералъ-адъютантомъ.—Армфельтъ остался при Финляндіи. Морально пострадали я и Воейковъ; ибо Армфельтъ и Балашовъ и накопецъ самъ государь называли меня будто избличившимъ Сперанскаго въ измѣнѣ, которой поистинѣ не было; но насъ не сослали, не отставили, а, лиша мѣстъ, отправили въ армію, и тѣмъ набросили на насъ пасмурную тѣнь.

Государь приказалъ мнѣ, 26 марта 1812 г., ѣхать въ Вильну къ военному министру Барклаю де-Толли. Все шло такъ поспѣшно, что уже 27 марта я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и пріѣхалъ въ Вильну 14 апрѣля 1812 года.

Я. И. де-Сангленъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. М. И. Богдановичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ.]

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I.

XVIII ¹⁾).

14 апрѣля 1812 г. явился я къ военному министру Барклаю де-Толли, который принялъ меня ласково, и приказалъ заняться устройствомъ будущей моей должности директора военной полиціи 1-й арміи, при военномъ министрѣ.

Пока я этимъ занимался, старался я оглядѣться и ознакомиться какъ съ начальствомъ, такъ и съ окружающими его, такъ называемыми дѣловыми. Барклай де-Толли былъ, въ совершенномъ смыслѣ слова, стариннаго покроя честный нѣмецъ, не возвышеннаго образованія, но съ чистымъ разсудкомъ и не имѣющій фундаментальной основы для поддержанія своего званія; былъ въ рукахъ и хитраго, и дурака, которые, изъ выгодъ своихъ, не пренебрегали овладѣть слабостью его. Во время служенія моего при немъ, и когда онъ узналъ меня покороче, жаловался онъ мнѣ на нихъ, но не имѣлъ духу, или не смѣлъ ни смѣнить ихъ, ни дать имъ почувствовать силу начальника; даже подписывалъ ча-

¹⁾ См. первыя двѣ части Записокъ де-Санглена въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г. томъ XXXVI, декабрь, стр. 443—498; третьей части семнадцать главъ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г. т. XXXVII, январь, стр. 1—46, и февраль, стр. 375—394.

сто то, чего бы не хотѣлъ, и противъ чего внутренно сопротивлялся. Могучій слонъ боится мыши. Барклай боялся жены своей и всѣхъ нѣмцевъ-адъютантовъ, а отчасти и русскихъ, ею выведенныхъ и подъ ея покровительствомъ находящихся, помѣщалъ при себѣ. Изъ благодарности къ покойному графу Каменскому, вывелъ и возвысилъ Закревскаго, сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи, и, не умѣя самъ писать по русски и не зная порядочно языка, долженъ былъ (ему) ввѣриться, и даже боялся его, какъ человѣка, одареннаго женскою хитростью, съ которой Барклай де-Толли, какъ честный и слабый человѣкъ, сладить не могъ.

Начальникомъ штаба былъ спера отличный, умный человѣкъ, давнишній служака, но чрезъ чуръ старый, Лавровъ, котораго я давно зналъ; начальникомъ артилеріи—графъ Кутайсовъ, человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ; дежурнымъ генераломъ—Кикинъ; генераль-интендантомъ Канкринъ, человѣкъ умный, образованный, ученый; съ послѣдними ладить было не мудрено. Но въ канцеляріи министра, кромѣ Чуйкевича, благороднаго, умнѣйшаго человѣка, стѣсненнаго Закревскимъ, все было ниже обыкновеннаго; слѣдовательно тутъ, кромѣ интригъ, ничего ожидать было нельзя. Вскорѣ догадались они, что я ихъ понялъ, и за то смотрѣли на меня, какъ на весьма непріятнаго пришлеца.

До пріѣзда государя, старался я учредить свою канцелярію, нахватать писарей; не зная никого, могъ ли я дѣлать выборъ? Кое-какъ все это учредилось, и я занялся особенно городскою полиціею, которая поступала тоже подъ мое начальство. Сдѣланъ былъ списокъ всѣмъ жителямъ; обозначены тѣ, которымъ не слишкомъ можно было довѣряться. Наконецъ, пріѣхалъ государь.

Хотя я призванъ былъ къ его величеству, но не могъ не замѣтить большую перемѣну какъ въ пріемѣ, такъ и въ обращеніи со мною. Отъ него самаго догадался я, что, вѣроятно, причиною тому былъ Балашовъ, который, по словамъ его величества, поднялъ противъ меня всю бывшую мою при министерствѣ полиціи канцелярію, и самъ вездѣ клеветалъ на меня, будто я всѣхъ очернилъ предъ Государемъ, и будто не онъ, а я былъ причиною ссылки Хитрово, Сперанскаго и друг.

— „Но ты видишь, прибавилъ Государь, что я не измѣненъ, и не взирая на все это, попрежнему тебя призвалъ“.

И осмѣлился Государю сказать, что всякое оправданіе про-

тивъ клеветы ни къ чему не послужить: это было-бы только ее раздувать; но надѣюсь моими поступками въ будущемъ заставить ее умолкнуть, а сочинителей сплетней пристыдить.

Симъ кончилась моя первая аудіенція, которая не слишкомъ меня ободрила. Правъ гр. Армфельтъ, говоря:
(il) fait lui même tous les clabodages“.

Прибыль и Балашовъ; остановился у гражданскаго губернатора Лавинскаго. Мы тутъ увидѣлись, и онъ обошелся со мною очень ласково. Чтобы тутъ не предполагать какой-либо хитрости, онъ приглашалъ меня къ себѣ; и я притворился, будто ничего не подозреваю. Но какъ удивился я, когда вдругъ призвалъ меня Барклай и объявилъ мнѣ:

— „Государь очень не доволенъ, что вы часто бываете у Балашова, и приказалъ вамъ сказать, чтобы вы никакого сношенія съ нимъ не имѣли, подъ опасеніемъ гнѣва его“.

Я такъ и ахнулъ, ибо тутъ раскрылась вся картина.

Государь не хотѣлъ, чтобы мы съ Балашовымъ объяснились относительно прошедшаго; это-бы насъ примирило, и желая скрыть какъ и Балашовъ былъ обманутъ, запретилъ мнѣ свиданіе съ нимъ. Дѣлать было нечего; я повиновался, и слѣдовательно еще болѣе обратилъ на себя вражду Балашова; но съ тѣмъ вмѣстѣ, рѣшилъ я быть осторожнѣе, не довѣрая ничему и никому; даже не хотѣлъ, попрежнему, докладывать государю, а чрезъ военнаго министра, дабы какъ можно болѣе себя отстранить отъ новыхъ интригъ и не заставить во мнѣ сомнѣваться министра.

Чрезъ нѣсколько дней, Государь, призвавъ меня, сказалъ:

— „Я получилъ отъ Берлинскаго оберъ-полиціймейстера Грунера увѣдомленіе, что здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ скрываются французскіе офицеры, шпіоны; ихъ должно отыскать“.

Я спросилъ Государя неизвѣстны-ли имена ихъ, или не означены-ли какія-либо ихъ примѣты.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ государь; но ихъ отыскать должно; ты знаешь, я тебѣ одному вѣрю; веди дѣло такъ, чтобы никто объ немъ не зналъ“.

Я поручилъ тремъ моимъ чиновникамъ ходить каждый день по разнымъ трактирамъ, тамъ обѣдать, все разсматривать, выглядывать и мнѣ о томъ докладывать; виленскому-же полицеймейстеру Вейсу поручилъ строгое должное наблюденіе за приѣз-

жими изъ Польши. Здѣсь узнали мои отраженные, что и у Балашова чиновникъ о томъ же хлопочетъ; слѣдовательно не одному мнѣ довѣрено дѣло. Я разсердился и сталъ самъ ходить въ знаменитѣйшій тогда трактиръ Кришкевича. Здѣсь я замѣтилъ одного крайне развязнаго поляка, со всею наружностію фронтовика, который не щадилъ шампанскаго, и бранилъ Наполеона напропалую. Возвратясь домой, я приказалъ полиціймейстеру Вейсу попросить его ко мнѣ. Я подчивалъ его чаемъ; узналъ, что ему хотѣлось бы возвратиться съ двумя товарищами въ Варшаву, но что, вѣроятно, теперь никого не выпускать. Я воспользовался этимъ случаемъ, предложилъ ему мои услуги, призвалъ начальника моей канцеляріи Протопопова, чтобы записать ихъ имена и заготовить имъ паспорта. Между тѣмъ, приказалъ полиціймейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы; въ случаѣ нужды трубы и печи; а гостя своего задержалъ разными разговорами; онъ назвалъ себя шляхтичемъ Дранженевскимъ, никогда не служившимъ въ военной службѣ.

Является полиціймейстеръ, вызываетъ меня; я вышелъ, приказавъ караулу гостя не выпускать. Вейсомъ были привезены, найденныя въ трубѣ печи и подъ поломъ, слѣдующія бумаги: 1) Инструкція генерала Рожнецкаго, данная поручику Дранженевскому; 2) Патентъ на чинъ поручика, подписанный Наполеономъ; 3) Замшевый поясъ, со вложенными въ немъ червонцами 5 т. 4) Записки самаго Дранженевскаго о нашей арміи, и нашихъ генералахъ. Дѣло было ясно; недолго продолжался его допросъ; онъ вынужденъ былъ къ признанію. Пока я посылалъ за двумя его товарищами, потребовалъ меня къ себѣ Государь.

— „Ты не отыскалъ, сказалъ онъ мнѣ; а Балашовъ уже представилъ мнѣ трехъ шпионовъ, французскихъ офицеровъ, имъ открытыхъ, которыхъ я велѣлъ остановить“.

„Документы о французскихъ шпионахъ представлены-ли вашему величеству?“

— „Нѣтъ! Вѣроятно, все сдѣлано въ порядкѣ“.

„Такъ позвольте мнѣ, завтра утромъ, представить вашему величеству трехъ французскихъ шпионовъ съ документами: одного поручика и двухъ статскихъ чиновниковъ“.

— „Какъ же это?“ — сказалъ императоръ.

„Государь! это обыкновенная полицейская штука: схватить

первыхъ бродягъ, выдать ихъ за шпионовъ и отправить подалѣе, чтобы молчали; такъ поступалъ и графъ Паленъ при императорѣ Павлѣ I“.

— „Быть не можетъ!“—отвѣчалъ государь.

„Мои шпионы съ документами; ибо я безъ ясныхъ доказательствъ никого, а еще менѣе невинныхъ, представить не осмѣлюсь“.

— „Я велю къ тебѣ прислать Балашовскихъ, допроси ихъ, и скажи мнѣ: что это за люди?“

Я до второго часу бился съ мовми двумя шпионами, за исключеніемъ уже признавагося Дранжевскаго. Остальные эти два, статскіе чиновники, были отправлены въ Вильну французскимъ резидентомъ Бильономъ изъ Варшавы, тоже съ инструкціями; всѣ трое содержались у меня подъ карауломъ.

На другое утро, представилъ я всѣ эти документы Барклаю для представленія его величеству,—чтобы имѣть посредника между императоромъ и мною. Я (никому) болѣе не довѣрялъ. Шпионовъ вѣрно было отправить въ Шлиссельбургъ, за исключеніемъ одного статскаго, рассказывагося, котораго оставилъ при себѣ.

По моему представленію, полиціймейстеру данъ былъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, мой правитель канцеляріи былъ произведенъ; я одинъ остался ни съ чѣмъ и довольствовался тѣмъ, что достались награды за мои труды и за исполненіе моихъ приказаній.

— „Васъ обошли, сказалъ Барклай-де-Толли, чтобы Балашовъ не обидѣлся“.

Между тѣмъ, присланные ко мнѣ его шпионы были бѣдные шляхтичи, не имѣвшіе пропитанія, ходящіе по домамъ просить милостыню. Я отпустилъ ихъ на свободу; Государь приказалъ имъ выдать по сту рублей ассигн. Можно себѣ представить злобу Балашова, когда онъ узналъ все отъ Тавинскаго.

Я свелъ связи съ кагаломъ виленскихъ евреевъ, и за ихъ ручательствомъ отправилъ жида въ Варшаву, который ѣхалъ съ товаромъ; онъ первый извѣстилъ меня о будущемъ пріѣздѣ Нарбона въ Вильну, и прислалъ прокламацію Наполеона къ его солдатамъ, которую я представилъ Барклаю, не желая пользоваться позволеніемъ являться самому къ Государю, опасаясь новыхъ (недоумѣній).

Министръ доложилъ императору, и я получилъ благодарность.

Въ сіе же время удалось мнѣ отыскать украденные у нашего комисіонера 27 т. р. ас. казенныхъ денегъ, которыя найдены у шляхтичей въ уѣздахъ зарытыми въ землю.

Въ то же время открыта была связь герцогства Варшавскаго съ виленскимъ купцомъ Менцелемъ.

Нарбонъ отъ императора Наполеона присланъ былъ къ императору російскому съ поздравленіемъ съ счастливымъ его пріѣздомъ въ Вильну. Отъ поставленнаго мною полиціймейстера въ Ковнѣ, маіора Бистрома, получилъ я чрезъ эстафету увѣдомленіе о пріѣздѣ Нарбона проселками, дабы онъ не видѣлъ нашихъ артиллерійскихъ парковъ и проч., что и было исполнено.

По пріѣздѣ Нарбона въ Вильну, приказано мнѣ было Государемъ имѣть за нимъ бдительный надзоръ.

Я поручилъ Вейсу дать ему кучеровъ и лакеевъ изъ служащихъ въ полиціи офицеровъ. Когда Нарбонъ, по приглашенію императора, былъ въ театрѣ въ его ложѣ, перепонили пріѣхавшихъ съ нимъ французовъ, увезли его шкатулку, открыли ее въ присутствіи императора, списали инструкцію, данную самимъ Наполеономъ, и представили Государю. Инструкція содержала вкратцѣ слѣдующее: узнать число войскъ, артиллеріи и пр., кто командующіе генералы? каковы они? каковъ духъ въ войскахъ, и каково расположеніе жителей? Кто при Государѣ пользуется большою довѣренностью? Нѣтъ-ли кого-либо изъ женщинъ въ особенномъ кредитѣ у императора? Въ особенности, узнать о расположеніи духа самаго императора, и нельзя-ли будетъ свести знакомство съ окружающими его?

Государь такъ этимъ былъ доволенъ, что спросилъ меня: не имѣю ли я какого-либо желанія?

Я отвѣчалъ, что: „я такъ благодѣтельствованъ милостями вашего императорскаго величества, что ничего просить не осмѣлюсь“.

Государь не отставалъ, напомнилъ мнѣ, что у меня жена и дѣти, и требовалъ, чтобы я чего-нибудь пожелалъ.

Вынужденный говорить, сказалъ я:—„прикажите, Государь, возвратить мнѣ двѣсти руб. ассигн., издержанные мною на покупку книги: Походы принца Карла“.

— „Я было и забылъ, отвѣчалъ Государь, прикажу Толстому тебѣ ихъ отдать“;—отъ котораго я ихъ и получилъ.

Вдругъ позванъ я былъ въ Государю. Когда я вошелъ къ нему, онъ ходилъ быстрыми шагами по комнатѣ и, замѣтивъ меня, сказалъ:

— „Мои генералъ- и флигель-адъютанты просили у меня позволенія дать мнѣ балъ на дачѣ Бенигсена, и для того выстроили тамъ большую залу со сводами, украшенными зеленью. Съ полчаса тому назадъ, получилъ я отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что зала эта не надежная и должна рушиться во время танцевъ. Поѣзжай, осмотри подробно“.

Я немедленно приказалъ осѣдлать лошадь, и тотчасъ поскакалъ на дачу.

У подъѣзда дома встрѣтилъ я Бенигсена, который, вѣроятно полагалъ, что я посланъ Государемъ съ какимъ-либо къ нему приказаніемъ, ибо спросилъ: „что вы мнѣ привезли?“

„Я пріѣхалъ засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству мое почтеніе и посмотреть на строющуюся залу“.

— „Пойдемте ко мнѣ; жена наливаетъ чай; напьемся, а потомъ пойдемъ вмѣстѣ“. Отказаться было неловко. Супруга его налила мнѣ чаю; но едва я взялъ чашку въ руки, какъ что-то рухнулось съ ужаснымъ трескомъ.

Я поставилъ чашку на столъ, и вмѣстѣ съ Бенигсеномъ побѣжали въ садъ.

Здѣсь увидѣли мы разрушившуюся до срока залу. Всѣ арки, обвитыя зеленью, лежали на полу. По разсмотрѣніи причинъ сего разрушенія, увидѣли мы, что всѣ арки между собою и къ полу прикрѣплены были штукатурными гвоздями.

„Гдѣ архитекторъ?“ спросилъ я.

— Онъ недавно здѣсь былъ,—отвѣчали мнѣ.

„Отыскать его!“ сказалъ я.

Черезъ нѣсколько времени, посланные возвратились и принесли выловленный изъ воды фразъ и шляпу архитектора.

— Видно утопился,—сказали посланные.

Я сѣлъ на лошадь, и во весь галопъ поскакалъ къ государю.

— „Что?“ спросилъ онъ.

— Зданіе рушилось, отвѣчалъ я, одинъ полъ остался.

Государь потребовалъ подробностей.

Я рассказалъ, и что по осмотру оказалось.

— „Такъ это правда!“,—сказалъ государь, „поѣзжайте и при-

кажете полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“.

Я зашелъ домой, приказалъ заложить коляску, а меня ожидала эстафета изъ Ковно, съ извѣщеніемъ, что Наполеонъ въ этомъ мѣстѣ началъ переправляться съ своею арміею.

Я воротился съ докладомъ къ государю.

— „Я этого ожидалъ, отвѣчалъ государь; но балъ все-таки будетъ“.

Я поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Бенигсену.

Дѣйствительно, когда всѣ танцовали, Наполеонъ переправлялся и вступалъ въ наши владѣнія.

XIX.

Описывать войну 1812 года не мое дѣло; сверхъ того, она уже описана многими, и по императорскому повелѣнію; это было бы только повтореніе.

Я ограничусь тѣмъ, что относится до моей части—военной полиціи.

Здѣсь нахожу нужнымъ разсказать разговоръ мой съ Барклаемъ. Еще до бала онъ сказалъ мнѣ:

— „Государь предлагалъ Бенигсену командовать арміею; но онъ отказался. Государь требуетъ непремѣнно, чтобы я командовалъ войскомъ; какъ вы думаете?“

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, Бенигсенъ поступилъ благо-разумно. Командовать русскими войсками на отечественномъ языкѣ и съ иностраннымъ именемъ—не выгодно. Бенигсенъ это испыталъ; я думалъ-бы, и вашему высокопревосходительству не худо послѣдовать его примѣру.

— „Но государь того требуетъ; какъ отказаться?“—отвѣчалъ Барклай.

„Бенигсенъ то сдѣлалъ, слѣдовательно и вашему высокопревосходительству можно тоже сдѣлать; впрочемъ это воля ваша“.

Не знаю, угодилъ-ли я этою откровенностью; хотя Барклай повидимому колебался, но всѣ окружающіе его мудрецы, которые ожидали отъ него великихъ благъ, поощряли его на этотъ подвигъ.

Съ 14-го іюня 1812 г. окрестности Вильны принимали видъ

воинственный: со всѣхъ сторонъ стекались войска, и высочайшимъ манифестомъ объявлена война съ Наполеономъ. Манифестъ этотъ всѣмъ извѣстенъ; онъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, и не мудрено ¹⁾. Онъ возвышенностію чувствъ нашего императора превозвышалъ надменный и нахальный манифестъ императора французовъ къ своимъ солдатамъ.

16-го іюня, съ разсвѣтомъ, тронулись наши войска, оставя въ Вильнѣ нѣсколько экземпляровъ Россійскаго манифеста на французскомъ языкѣ, и мы начали отступать, хотя въ маленькомъ уныніи, ибо всѣ желали сразиться съ непріателемъ. Симъ расположеніемъ духа объаты были всѣ генералы и солдаты. „Слово „ретирада“, говаривалъ Суворовъ, не сродно русскому солдату“.

Армія ретировалась по проселочной, неровной дорогѣ, но въ совершенномъ порядкѣ. 20-го іюня, пришли мы въ Свенцяны, гдѣ была главная квартира государя императора. Присутствіе государя среди войска всѣхъ обрадовало. Сколько помнится, здѣсь маркизъ Паулуччи сдѣланъ былъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Я хотѣлъ воспользоваться хорошимъ расположеніемъ государя ко мнѣ, и, имѣя кучу непріятностей, осмѣлился просить его о позволеніи выѣхать изъ арміи.

— „Этого не будетъ, сказалъ государь, ты мнѣ нуженъ здѣсь“.

Я получилъ извѣстіе, что итальянская армія, подъ командою вице-короля, на пути своемъ до Троя, потерпѣла большіе недостатки въ провіантѣ и фуражѣ: лошади падали, фуры оставались на дорогѣ, и число больныхъ чрезмѣрно умножилось. Король Вестфальскій, послѣ ссоры съ братомъ своимъ Наполеономъ, отправился въ свое королевство; и прислана была мнѣ прокламація Наполеона къ полякамъ, въ которой онъ поощрялъ ихъ къ возстанію противъ Россіи. Государь былъ очень доволенъ этими извѣстіями, и оставилъ ихъ у себя, сказавъ:

— „Этого всѣмъ знать не нужно; а о недостаткахъ французской арміи объявить словесно. Началась ихъ бѣда, увидимъ чѣмъ это все кончится“.

¹⁾ Не манифестъ, а приказъ 13-го іюня по арміи и рескриптъ Н. И. Салтыкову. Проектъ манифеста, приготовленный въ рукописи, не былъ обнародованъ предъ войною въ 1812 г. и впервые явился въ печати лишь въ 1870 г., именно въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. изд. первое, томъ I, стр. 49 и 405; изд. второе, т. I, стр. 407; изд. третье, томъ I, стр. 454—462. Ред.

Здѣсь явился странный случай. Привели ко мнѣ взятаго въ плѣнъ казаками французскаго штабъ-офицера, къ допросу, съ планами, снятыми имъ во время марша. Онъ отвѣчалъ на мои вопросы довольно откровенно, и наконецъ спросилъ: „долго ли вы будете играть эту комедію?“

— Какую комедію?—спросилъ я.

— „Будто вы не знаете? Такъ я вамъ скажу по секрету: вся эта война съ Россіею притворная, скрывается отъ англичанъ. Мы вмѣстѣ съ Россіею идемъ въ Индію, выгнать оттуда англичанъ“.

Я рассказалъ это Барклаю, который отвѣчалъ: „еще новая выдумка Наполеона“.

Однако, другіе плѣнные тоже подтверждали это до самаго Смоленска. Здѣсь мы остановились, выжидая соединенія со второю арміею подъ командой князя Багратіона.

Барклай-де-Толли далъ мнѣ новую должность генераль-гевальдигера арміи, а начальникомъ штаба сдѣланъ былъ еще прежде генераль-маіоръ Ермоловъ. Барклай приказалъ мнѣ разстрѣлять на Облонѣ двѣнадцать человѣкъ мародеровъ. Я осмѣлился представить ему, что ихъ мародерами считать нельзя: это усталые, пришедшіе позже къ своимъ командамъ. Сверхъ того, въ первый разъ въ Россійской арміи разстрѣляны будутъ солдаты, по приказанію главнокомандующаго съ иностраннымъ именемъ, а исполнено будетъ таковымъ-же. Барклай не отставалъ; я рапортовался больнымъ. Наряженъ былъ генераль-маіоръ Фокъ и солдаты были разстрѣляны.

Ночью будятъ меня и объявляютъ, что генераль Фокъ умеръ апоплексическимъ ударомъ. Я выздоровѣлъ, являюсь къ Барклаю и доношу ему о томъ.

— „Не думаете-ли вы, что Богъ его убилъ за то, что онъ разстрѣлялъ солдатъ?“

— Не знаю, отвѣчалъ я; въ дѣла Божіи не мѣшаюсь; знаю только, что по утру Фокъ разстрѣлялъ солдатъ, а въ вечеру умеръ.

Послѣ соединенія двухъ армій, генераль-отъ-кавалеріи Раевскій оставленъ былъ въ Смоленскѣ, для защиты города отъ непріятелей; а первая армія перешла за Днѣпръ, и основала главную свою квартиру въ недалекомъ разстояніи отъ Смоленска, гдѣ Барклай остановился въ домѣ священника. Генераль Раевскій

сражался цѣлый день съ французами, и когда онъ отступилъ, повелѣно было, на смѣну его, нарядить тоже корпуснаго генерала Коновницына, а мнѣ съ эскадрономъ Ингерманландскаго драгунскаго полка содержать полицію во время бомбардированія Смоленска французами, и когда отступить Коновницынъ, слѣдовать за нимъ, вынести Смоленскую Божію Матерь, сжечь мостъ и явиться къ главнокомандующему. Коновницынъ дрался въ Малаховскихъ воротахъ цѣлый день. Здѣсь я долженъ упомянуть о случившемся обстоятельстве, которое характеризуетъ нашего солдата.

Коновницынъ сказалъ мнѣ: „Задніе ряды опустѣли; видно солдаты въ городъ пошли; прикажите ихъ отыскать и привести ко мнѣ“.

Я поѣхалъ въ городъ и узналъ, что они слышали о заготовленіи для арміи сухарей и пошли за ними. Я—въ ратушу, и нашелъ ихъ наполнявшими карманы свои сухарями.

— „Не стыдно-ли вамъ, ребята! идите къ своимъ мѣстамъ“.

— Помилуйте, отвѣчали они: вѣдь это досталось-бы все голоднымъ французамъ.

Я собралъ ихъ на дворѣ ратуши и, подъ прикрытіемъ эскадрона, представилъ къ Коновницыну; это произошло во время самаго сильнаго бомбардированія города. Къ вечеру французы прекратили огонь; Коновницынъ отретировался къ арміи; я за нимъ вынесъ Смоленскую Божію Матерь, зажегъ мостъ, и явился въ главную квартиру.

Въ сѣняхъ лежали на соломѣ Ермоловъ и Закревскій.

— Какой на завтрашній день приказъ? спросилъ я ихъ.

— „Поди къ нему, отвѣчалъ Ермоловъ, онъ намъ сказалъ по русски: „я спать хочу“; ты не счастливиѣ-ли будешь? Спроси его по нѣмецки“.

Я взошелъ къ Барклаю. Онъ былъ уже въ шлафрокъ и колпакъ на головѣ. Онъ снялъ его; я отапортовалъ ему, что все исполнено, и что Смоленскую Божію Матерь не могъ иначе вынести, какъ подъ предлогомъ отслужить молебенъ въ главной квартирѣ, потому что отстояли Смоленскъ, и сжегъ мостъ.

Онъ очень благодарилъ меня. Я, видя его въ хорошемъ расположеніи духа, спросилъ по нѣмецки о приказѣ на завтрашній день. Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Ach, mein lieber, guter Freund, ich will schlafen“¹⁾;— надѣлъ колпакъ, а я вышелъ.

— „Ну что?“ спросилъ Ермоловъ.

— Не велѣлъ вамъ говорить—отвѣчалъ я.

— „Ну, полно, продолжалъ онъ, ложись съ нами и разскажи“.

— Мнѣ не до разсказовъ, пойдемте отслужить молебенъ; я не иначе вынесъ Смоленскую Божию Матерь, какъ подъ этимъ предлогомъ. Народу пропасть вышло изъ Смоленска, не хотѣли разстаться съ образомъ.

— „А мы спать хотимъ“, отвѣчалъ Ермоловъ, и я одинъ, съ вышедшими изъ Смоленска жителями, отслужилъ молебствіе.

На другое утро, въ сѣняхъ, гдѣ мы лежали на соломѣ, произошелъ шумъ; люди бѣжали; понесли Барклаю кофе. Наконецъ, вышелъ и самъ Барклай, прошелъ, молча, мимо насъ, сталъ на крыльцѣ и закричалъ: „лошадь!“

Когда сѣлъ на нее, тогда и мы сѣли на своихъ коней, и поѣхали за нимъ къ Смоленску, въ который вступали съ музыкой французы.

Доѣхавъ до возвышенія на берегу Днѣпра, Барклай спросилъ: „а гдѣ графъ Кутайсовъ?“ Когда онъ прибылъ, Барклай сказалъ ему: „Прикажите подвести двадцать пять орудій, пошлите имъ нѣсколько шутихъ, чтобы поразстроить ихъ радость“.

Начали стрѣлять по Смоленску. Для чего это было? — неизвѣстно. Барклай, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „есть-ли у васъ телѣга?“ Я велѣлъ подать ему оную, въ которую положили соломы, и Барклай сѣлъ въ нее, спросивъ: гдѣ Толь?

„Подайте мнѣ карету“, сказалъ онъ ему. Назначилъ каждому корпусу маршрутъ и поѣхалъ; армія тронулась за нимъ и направилась къ имѣнію гг. Чашниковыхъ, гдѣ и былъ отдыхъ.

Интриги противъ Барклая доходили до высочайшей степени. Неизвѣстно, по какимъ фальшивымъ извѣстямъ, заставили Барклая отыскивать непріятеля на мызѣ Реада, гдѣ непріятеля и не бывало. Далѣе, внушили Барклаю, подъ предлогомъ ненадежности, отправить значительныхъ поляковъ, флигель-адъютантовъ государя:

¹⁾ Переводъ: Ахъ, дорогой другъ мой, я хочу спать.

графа Потоцкаго, князя Любомірскаго и другихъ, въ Петербургъ, и снабдили ихъ доносами на Барклая. Наконецъ, довели послѣдняго до того, что онъ отправилъ туда-же и самаго великаго князя Константина Павловича. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ, Барклай получилъ повелѣніе, до пріѣзда новаго главнокомандующаго, князя Кутузова, сраженія, кромѣ авангарднаго, не давать. Я предупреждалъ Барклая, старался открыть ему глаза; но все было тщетно.

Подъ деревней Пневой, когда два французскіе корпуса напали на нашъ одинъ, Барклай доказалъ, что на полѣ битвы онъ былъ у насъ единственный генералъ. Французы были отбиты, и во время ихъ отступленія, Барклай сказалъ мнѣ:

— „Was wolten die Narren haben?“

Мы форсированнымъ маршемъ ретировались до Царево-Займища, гдѣ къ намъ прибылъ князь Кутузовъ. Для пріема его былъ выстроенъ лейбъ-гренадерскій батальонъ. Когда князь вышелъ изъ коляски и увидѣлъ этихъ щеголей, сказалъ: „и съ этими солдатами ретируются!“ Слова эти произвели всеобщую радость; всѣ думали: наконецъ-то мы пойдемъ впередъ, а въ полночь получили приказаніе идти 30 верстъ назадъ. Суматоха была страшная; войско шло уже не въ старомъ порядкѣ; такъ что Ермоловъ вынужденъ былъ сказать мнѣ: „при Барклаѣ порядка было больше“. Интригантъ этотъ задумывалъ уже новыя интриги. Про него государь говаривалъ:

— „Noir comme le diable, mais tout autant de moyens“.

Въ этомъ безпорядкѣ дошли до Колоцкаго монастыря. Кутузовъ приказалъ здѣсь отыскать крѣпкую позицію, чтобы дать тутъ отпоръ непріятелю. Посланные нашли военную позицію подъ Бородинымъ. Барклай противился этому, и находилъ Колоцкій монастырь для этого удобнѣе, потому что здѣсь французы были бы отрѣзаны отъ воды; но благой совѣтъ этотъ не былъ принятъ, потому что поданъ былъ Барклаемъ. По той же ненависти, поставлена была первая армія подъ Бородинымъ на правомъ крылѣ, гдѣ она защищена была рѣкою Колочей; а вторая, слабѣе первой, поставлена на лѣвомъ крылѣ. Когда Барклай представилъ это Кутузову, утверждая, что Наполеонъ нападетъ на опасный пунктъ лѣваго фланга, Кутузовъ и слышать не хотѣлъ; но когда генералъ Раевскій былъ сбитъ съ батареи лѣваго фланга, Бар-

клай, безъ команды, повелъ корпусъ Остермана на лѣвый флангъ и взялъ батарею обратно. Еще до сраженія, сказалъ мнѣ Барклай:

— Къ чему даетъ онъ (Кутузовъ) это сраженіе? Оно Москвы не спасетъ; а мы лишимся значительнаго числа солдатъ, которыхъ беречь должно.

Чтобы ни говорили фальшивыя реляціи, — Россія обязана Барклаю: остальная армія спасена имъ; и если мы въ пухъ не разбиты непріятелемъ, то обязаны этимъ единственно ему.

Здѣсь должно упомянуть объ обстоятельстве, касающемся до меня.

25-го августа 1812 г., наканунѣ Бородинскаго сраженія, призвалъ меня Кутузовъ и приказалъ сжечь всѣ офицерскія телѣги. Я осмѣлился представить, что 7 и 8 офицеровъ сложились вмѣстѣ и завели телѣгу и лошадку, чтобы везти провіантъ и аммуницію свою; не позволить-ли его сіятельство отправить эти телѣги съ вагенбургомъ въ Можайскъ?

— „Я васъ призвалъ не для совѣта, а для исполненія моихъ приказаній; я возложу это на другого“.

Я поклонился, въ знакъ благодарности, и вышелъ. Назначенъ былъ на эту славную экспедицію уланскій полковникъ Александръ Шулгинъ, который это приказаніе и исполнилъ. Мы послѣ Бородинскаго сраженія отправились въ Можайскъ, гдѣ уже былъ нашъ вагенбургъ. Я, какъ причисленный къ военному министерству, просилъ Барклая сдать всѣ армейскія должности, которыя, съ соизволенія его, немедленно и были сданы; ибо отъ интригъ противъ Барклая и мнѣ житья не было.

Это было сдѣлано во-время; ибо когда полученъ былъ указъ о назначеніи кн. Горчакова военнымъ министромъ, я опоздалъ бы исполнить свое намѣреніе.

Въ Можайскѣ призвалъ меня Барклай и, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: „Я просилъ Закревскаго, Каменскаго и другихъ, облагодѣтельствованныхъ мною, ѣхать въ Петербургъ, дабы отвезти отъ меня депеши государю; и всѣ отказались; въ незаслуженномъ несчастіи всѣ меня оставили“.

Мнѣ жаль стало старика, и я отвѣчалъ ему: „Я вашему высокопревосходительству, по службѣ, ни чѣмъ не обязанъ; но, предполагая, сколь нужно вамъ, чтобы ваши депеши вручены были императору, готовъ исполнить ваше желаніе“.

Барклай обнялъ меня, сказавъ: „Зачѣмъ я прежде васъ не зналъ“?..

Скоро послѣ этого призванъ я былъ къ Кутузову. „Я слышу, что вы хотите выѣхать изъ арміи; именемъ императора, приказываю вамъ оставаться, ибо пріѣздъ вашъ будетъ его величеству весьма непріятенъ“.

— Я не смѣю, ваше сіятельство, послушаться начальника, къ которому я причисленъ. Если вашему сіятельству угодно дать мнѣ письменное приказаніе, то я останусь.

— „Довольно того, что приказываю вамъ не выѣзжать изъ арміи“.

Я поклонился и вышелъ; рассказалъ все Барклаю: „Боже мой! сказалъ онъ, что я сдѣлалъ, что хотятъ лишить меня и послѣдняго средства оправдаться предъ государемъ? И такъ, вы не ѣдете?“

— Я далъ слово вашему высокопревосходительству, и ему не измѣню.

— „Мы отложимъ это до Москвы“, сказалъ онъ.

Пришедши въ Москву, получилъ я предписаніе содержать полицію въ Москвѣ, ибо московская полиція вся съ пожарными инструментами отправлена была гр. Ростопчиннымъ.

Наканунѣ выступленія нашего, собранъ былъ совѣтъ о выступленіи нашемъ изъ Москвы, гдѣ Барклай сказалъ Кутузову:

— „Вамъ угодно было поставить армію на Филяхъ; здѣсь мѣстоположеніе не позволяетъ давать сраженія; слѣдовательно, сдача Москвы необходима“.

Мы съ утра тянулись по московскимъ улицамъ; я получилъ приказаніе проводить 1-ю и 2-ю арміи и слѣдовать за ними по Рязанской дорогѣ. Въ полночь пришли мы въ Люберцы и Панкы, сдѣлавъ 15 верстъ отъ Москвы, ибо безпрестанно задерживаемы были фурами, примыкающими къ арміи, и москвичами, оставляющими съ нами древнюю столицу. Въ Панкахъ далъ мнѣ Барклай лестный аттестатъ, и на первой стоянкѣ, въ деревнѣ Кулаковѣ, вручилъ мнѣ депеши къ государю, письма къ князю Горчакову и женѣ своей, сказавъ: „Я вскорѣ за вами послѣдую“.

XX.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я остановился въ домѣ семейства моего и здѣсь узналъ, что государь проживаетъ на Каменномъ островѣ. Я переодѣлся съ дороги, и, въ мундирномъ скюртуѣ, поѣхалъ на извозникѣ на Каменный островъ. Войдя въ дежурную залу гг. генераль-адъютантовъ, здѣсь стояли князь Зубовъ, графъ Шуваловъ, Павелъ В. Кутузовъ и маркизъ Паулучи, которые съ удивленіемъ смотрѣли на меня, не показывая и виду прежняго знакомства.

Я спросилъ: „кто дежурный генераль-адъютантъ?“ Камеръ-лакей назвалъ маркиза Паулучи. Подошедши къ нему, я сказалъ:

— „Прошу ваше превосходительство доложить государю, что я приѣхалъ изъ арміи съ депешами отъ Барклая“.

— *Pour rein au monde, mon chère ami. L'Empereur, d'après le rapport de maréchal, veut vous envoyer en Sibirie. Pourquoi n'êtes-vous pas resté à l'armée?*

— „Barclay m'a envoyé, M-r le Marquis! Quel que soit mon sort, je saurais me defendre. Daignez seulement m'annoncer à sa Majesté“.

— *Non! je dirai au valet de chambre de le faire, car je ne veux pas être l'instrument de votre malheur.*

(Переводъ). Ни за что въ мірѣ, любезный другъ. Императоръ, по донесенію фельдмаршала, хочетъ отправить васъ въ Сибирь. Почему вы не остались при арміи?—Меня послалъ Барклай, г. маркизъ. Какова бы ни была моя участь, я съумѣю защититься. Соболаговолите только доложить обо мнѣ его величеству.—Нѣтъ, я прикажу сдѣлать это камеръ-лакею, такъ какъ я не хочу быть орудіемъ вашего несчастія.

Неутѣшительно, подумалъ я.

Вскорѣ камердинеръ подошелъ ко мнѣ. „Государь приказалъ вамъ сказать, что, по новому положенію, никто изъ приѣзжающихъ изъ арміи не является къ государю, а долженъ явиться къ графу Аракчееву“.

— Доложите государю, что я этого приказанія не зналъ.

Явился проводникъ фельдъегерь, и мы пошли къ графу Аракчееву.

Первое его слово было: „Зачѣмъ васъ ко мнѣ прислали? Вы сами довѣренная особа у государя“?

— Видно, это не такъ, ваше сіятельство! Меня послали къ вамъ.

— „Ну, такъ отдайте мнѣ ваши депеши. Я представлю ихъ въ государю“.

— Если бы ваше сіятельство отправляли меня, какъ нынѣ Барклай, съ тѣмъ, чтобы я депеши вручилъ единственно государю, то я бы никому кромѣ его не вручилъ. Сверхъ того, имѣю отъ Барклая словесное порученіе въ государю.

— „А! Такъ пойдете къ нему“.

Дорогой сказалъ мнѣ графъ: „Государь очень огорченъ сдачею Москвы; неужели нельзя было остановить непріятеля?“

— Армія не менѣе огорчена, отвѣчалъ я; но когда Кутузовъ поставилъ насъ на Филяхъ, то дѣлать было нечего, какъ сдать Москву.

Мы пришли опять въ генераль-адъютантскую. — Аракчеевъ сказалъ мнѣ: „Подождите здѣсь“, но скорѣе возвратился и, отворяя дверь, сказалъ мнѣ: „Пожалуйте въ государю“.

Я вошелъ.

Государь стоялъ посреди комнаты, прислонясь къ своему письменному столу; увидя меня, сказалъ:

— „Вы полагаете, для васъ Сибири нѣтъ?“

„Для невиннаго Сибири нѣтъ, государь!“

Императоръ, наморщивъ брови, сказалъ: „Хороши вы, господа!“

„Виновато, быть можетъ, начальство, а мы, государь! подставляли лобъ, какъ послѣдній солдатъ“.

— „Реляція Кутузова о Бородинскомъ сраженіи мнѣ не очень понятна; не можете ли вы мнѣ кое-что объяснить?“

Я началъ рассказъ и, по окончаніи онаго, прибавилъ: — Барклай поручилъ мнѣ донести вашему величеству, что если онъ не убитъ, то онъ не виноватъ: онъ вездѣ былъ впереди.

— „Напишите мнѣ, что рассказывали о Бородинскомъ сраженіи, но черновой у себя не оставляйте... Зачѣмъ вы не остались въ арміи, когда Кутузовъ два раза увѣщевалъ васъ остаться?“

„Одинъ разъ, государь!“ — и пересказалъ ему мой отвѣтъ. — Мнѣ жалокъ былъ Барклай въ его несчастіи и оставленный всѣми, имъ облагодѣтельствованными.

Государь потрепалъ меня по плечу, сказавъ: „Ты все старый“. Позвонивъ, приказалъ позвать графа Шувалова и ска-

залъ ему: „Отвези его къ князю Горчакову; скажи, что онъ останется при немъ“.

Мы поѣхали въ придворной каретѣ. Князь Горчаковъ рассказывалъ мнѣ послѣ, что онъ испугался, думая, что меня привезли къ нему, дабы отправить въ Сибирь.

XXI.

При князѣ Горчаковѣ—по 1816 годъ.

Въ началѣ сего, т. е. 1816-го года, пригласилъ меня, по высочайшему повелѣнію, гр. Аракчеевъ. Доложили графу. Онъ встрѣтилъ меня въ адъютантской и повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

Графъ: Я думаю, вы знаете, что, по высочайшему повелѣнію, я вытребовалъ изъ Вологды Магницкаго въ Грузино?

Я: Слышалъ, ваше сіятельство; весь Петербургъ объ этомъ зналъ.

Графъ: Мнѣ нужно нѣкоторое объясненіе по нѣкоторымъ дѣламъ. Между разговорами, пришлось мнѣ спросить его: „Правда ли это, самъ государь и всѣ въ Петербургѣ говорятъ, будто де-Сангленъ былъ причиною вашей ссылки?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Нѣтъ, если-бы мы не пренебрегли его знакомствомъ, то вѣроятно ссылки бы не было“. Я сказалъ: „Самъ государь намекнулъ мнѣ на de-Sanglier“. Магницкій отвѣчалъ мнѣ: „это у насъ въ обыкновеніи“. Сколько я ни старался вывесть причину ихъ отправленія и заставить сказать откровенно: „не де-Сангленъ-ли?“ онъ подтвердилъ мнѣ то же и прибавилъ: „мы имъ обязаны“. Я спросилъ его: „въ чемъ же это одолженіе состояло?“ онъ отвѣчалъ: „Благодарность заставляетъ о томъ умолчать, чтобы де-Санглена не подвергнуть еще болѣшимъ неприятностямъ“. Теперь спрашиваю я васъ; государь желаетъ знать, въ чемъ это состояло?

Графъ посадилъ меня подлѣ себя на диванъ, и съ необыкновенною ласкою подтвердилъ свое требованіе.

Я: Полагаю, что Магницкій намекалъ на слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ генваря 1812 года, пріѣхалъ ко мнѣ Бологовской, знакомый мнѣ по Москвѣ, и, сказавъ мнѣ, что Балашовъ просить его свести поближе со Сперанскимъ и Магницкимъ, просилъ у меня совѣта: „Приступить ли ему къ этому дѣлу?“

Охота тебѣ ввязаться въ такія темненькія дѣла, сказалъ я ему. Неужели ты думаешь, что министръ полиціи не знакомъ со Сперанскимъ и Магницкимъ; берегись, какъ бы вы всѣ вмѣстѣ куданибудь не прокатились; впрочемъ, вѣдь это тебѣ въ привычку. „Ты меня пугаешь“, сказалъ онъ мнѣ. Отнюдь нѣтъ, но ужели ты думаешь, что, если только нужно будетъ, не Балашовъ, а министръ полиціи, выдастъ тебя?“ Бологовской уѣхалъ, но на другой день возвратился и сказалъ: „Магницкій и Сперанскій объявляютъ тебѣ, что если ты будешь такъ дурно отзываться о Балашовѣ и впредь, то они доведутъ это до его свѣдѣнія и тебѣ будетъ не хорошо“. Спасибо, отвѣчалъ я Бологовскому, впредь наука. Теперь поѣзжайте хоть всѣ къ чорту, заговоришь объ нихъ—я буду молчать.

Графъ: Вы поступили противъ пріятеля благородно; къ несчастію, имѣли дѣло съ подлецами, каковы Бологовской и Балашовъ. Да вы неужели не знали, что вы сами окружены были шпионами? На что же упрекнули вы Магницкаго?

Я объяснилъ графу извѣстное уже въ сихъ запискахъ.

Графъ: И эта вспышка была благородна, но не осторожна; зачѣмъ пустили вы Магницкаго въ другую комнату?

Я: Могъ-ли я ему запретить это?

Графъ: Онъ, между тѣмъ, отправилъ записку къ Сперанскому, и, вѣроятно, во зло употребилъ слова ваши.

Я: Не понимаю, какъ въ такое время онъ могъ писать, развѣ словесно велѣлъ пересказать?

Дворъ—это омутъ, въ которомъ развѣ только одинъ чортъ спастись можетъ, и просилъ графа исходатайствовать мнѣ отставку.

Графъ уговаривалъ меня остаться на службѣ.

—„Вы знаете его, нынче я, завтра вы, а послѣ опять я“.

— Это-то и заставляетъ меня просить ваше сіятельство объ отставкѣ.

Графъ: А чѣмъ же вы жить будете? Я знаю, у васъ кромѣ жалованья ничего нѣтъ?

Я: Лучше съ голоду умереть, чѣмъ жить въ подобной передрягѣ; брошу 12 т. жалованья и поѣду въ наследственную свою деревушку, состоящую изъ 84 душъ, и буду покоенъ.

Графъ: Вы давно служите; можете получить хорошее мѣсто.

Я: Благодарю ваше сіятельство, но осмѣливаюсь вторично просить исходатайствовать мнѣ отставку.

Графъ: Я уважаю васъ, Яковъ Ивановичъ, и поддержку васъ; и мнѣ давно такъ поступить надо было, но.... и онъ пожалъ плечами.

Мы разстались. Графъ сдержалъ слово; государь на отставку не соглашался, но графъ выхлопоталъ мнѣ указъ отъ 23 марта 1816 года, причислить меня къ герольдіи, съ производствомъ по 4 т. р. ежегодно.

Когда я откланивался государю, его величество сказалъ мнѣ:

— „Я тебя не отставилъ, ты на службѣ, и съ жалованьемъ; отдохни; понадобится—опять призову“. Государь милостиво отпустилъ меня, даже прибавилъ: „до свиданія“.

Я немедленно отправился въ Москву, гдѣ жилъ спокойно въ маленькомъ имѣніи, бывшемъ матери моей. Здѣсь долженъ я отдать справедливость сестрамъ моимъ: при видѣ писемъ покойной матери ко мнѣ, онѣ освободили меня отъ хлопотъ и отдали мнѣ добровольно, что по закону мнѣ слѣдовало.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

XXII.

Послѣ смерти въ Бозѣ почившаго императора Александра I и восшествія на престолъ Николая I, начали распространяться въ Москвѣ на мой счетъ разныя клеветы, и всѣ изъ дому московскаго генераль-губернатора князя Голицына.

Когда дошли до меня эти слухи, явился я къ князю Голицыну и просилъ его рассмотреть дѣла, которыя возложены были на меня императоромъ Александромъ, изъ коихъ усмотрѣть можетъ, что все разглашаемое на мой счетъ просто клевета.

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „до меня это не касается, и мнѣ нѣтъ времени“.

— Вы московскій военный генераль-губернаторъ; я московскій дворянинъ и прибѣгаю къ вамъ, какъ къ начальнику съ просьбой.

— „Я говорю вамъ: мнѣ некогда“.

— Такъ я докажу, ваше сіятельство, что самъ императоръ меня выслушаетъ;—поклонился и вышелъ вонъ.

Слѣдствіемъ сего было слѣдующее мое письмо императору Николаю I, писанное во время возстанія:

„Москва, 6-го января 1831 года.

— „Всемиловѣйшій Государь! Натискъ времени, обстоятельство и духъ современный возлагаютъ нынѣ на каждаго вѣрноподданнаго священную обязанность не таить въ душѣ своей ни единого скрытнаго слова, ни единой мысли, и изъясненіемъ ихъ предъ престоломъ вашимъ, предупреждать всякое желаніе откровенности, какъ предъ престоломъ Бога.

„Не внемлите, государь! клеветѣ, очернившей служеніе мое и характеръ. Она не сообразна ни съ собственнымъ моимъ желаніемъ оставить службу, когда въ 1816 году все поступило подъ начальство графа Аракчеева, ни съ значительностію дѣлъ, кои сдѣлать, по высочайшему повелѣнію, господину начальнику главнаго штаба, ни съ указомъ марта 23 дня 1816 г., причислить меня въ геральдию съ произвожденіемъ жалованья по 4,000 р. Предъ августѣйшимъ лицомъ вашего императорскаго величества готовъ, съ несомнѣнными, драгоцѣннѣйшими для меня, документами, доказать истинну словъ моихъ и опровергнуть возставшую на меня злобу за незапятнанную преданность; зависть за доброжелательство императора; за презрѣніе, оказываемое мною пороку. Государь! я вручаю участь мою въ руки вашего свыше земнаго величія. Справедливость ваша, государь, не отвергнетъ усердія вѣрноподданнаго, готоваго доказать на опытѣ, что трудно превзойти въ вѣрности и преданности того, который ложью никогда не осквернилъ ни устъ, ни пера, и который въ полнотѣ сердца есть и будетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемиловѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный Яковъ де-Сангленъ“.

Послѣ отправленія сего письма, 27 января въ 6 часовъ утра, входитъ мой человѣкъ и докладываетъ мнѣ, проживающему въ деревнѣ, что офицеръ, давнишній мой знакомый, желаетъ меня видѣть. „Какъ его фамилія?“ — „Я спрашивалъ; онъ не сказалъ“. — „Проси его“. Входитъ человѣкъ въ мундирномъ сюртукѣ, съ эполетами; подходитъ прямо ко мнѣ и протягиваетъ руку.

— „Я узналъ васъ; вы фельдъегерь“, сказалъ я, не давая ему руки. „Мы съ вами не знакомы; исполняйте данное вамъ порученіе“.

— Я доважу, что мы съ вами знакомы, отвѣчалъ онъ съ поспѣшностію, и, выхвативъ изъ-за пазухи письмо, вручилъ мнѣ.

Я распечаталъ. Это было собственноручное письмо князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Вотъ оно:

„Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго письма вашего къ его императорскому величеству, приказать соизволилъ, объявить вашему высочородію, чтобы вы собрали, въ присутствіи фельдъегерскаго корпуса поручика Виммерна, всѣ документы и акты, которые нужны вамъ для объясненія и доказательства того, что вы желаете объяснить государю. Въ сопровожденіи же поручика Виммерна, отправляйтесь немедленно въ С.-Петербургъ. Государь императоръ приказать соизволилъ, внушить вамъ, что поелику предоставлены вамъ средства, взять съ собою всѣ акты и документы, у васъ имѣющіеся, то уже никакія отговорки по сему предмету приняты быть не могутъ. Имѣю честь быть, милостивый государь! вашъ покорный слуга князь Дмитрій Голицынъ“.

Прочитавъ письмо, сказалъ я фельдъегерю:

— Мы все-таки съ вами незнакомы, а развѣ познакомимся дорогою. Могу-ли я взять съ собою человѣка?

— „Мнѣ не приказано, а велѣно самому вамъ служить“.

— Садитесь, сказалъ я; пойду собирать нужныя бумаги.

— „Намъ нужно скорѣе ѣхать“.

— Это уже извините; я человѣкъ семейный; мнѣ нужно успокоить свое семейство. Мы отобѣдаемъ здѣсь, и тотчасъ послѣ обѣда поѣдемъ. Вамъ велѣно мнѣ служить; такъ служите. Я здѣсь помѣщикъ, вы мой гость; дорогой буду я вашимъ гостемъ.

— „Какъ вамъ угодно“.

Мы отобѣдали, уложили вещи; все семейство мое успѣлъ я успокоить, кромѣ незабвенной дочери моей Варвары, которая, при прощаньи, упала въ обморокъ.

Мы выѣхали въ саняхъ фельдъегеря. Доѣхавъ до моей мельницы, сказалъ я ему: „что я дѣлаю? Я здѣсь помѣщикъ, а ѣду какъ какой преступникъ. Воротимся, я велю заложить кибитку, и мы спокойно доѣдемъ до станціи. Тамъ ужъ везите, какъ хотите“.

Нечего было дѣлать; и мы воротились. Я хотѣлъ этимъ поступкомъ доказать семейству моему и собравшимся крестьянамъ, что имѣю право поступать, какъ хочу. Въ Солнечной горѣ

лошади были готовы, и мы стремглавъ, по фельдъегерски, пустились въ путь.

Здѣсь долженъ я отдать полную справедливость г. Виммерну: онъ успокоилъ меня, какъ родного сына; угождалъ моимъ капризамъ, которые я нарочно выказывалъ, чтобы не пасть духомъ. Я обязанъ много его человѣколюбію и снисходительности. Мы сблизились дорогой. Онъ сообщилъ мнѣ, что графъ Чернышевъ призывалъ его, и именемъ государя приказалъ обращаться со мною съ крайнею вѣжливостію, прибавя: „де-Сангленъ — человѣкъ достойный уваженія“. Это ободрило меня, и я смягчился въ обращеніи моемъ съ Виммерномъ.

Меня везли чрезъ Ярославль, потому что Закревскій содержался въ карантинѣ, по случаю холеры, въ Вышнемъ Волоцкѣ. Въ Ярославлѣ былъ странный случай: трактирщикъ отказалъ намъ въ обѣдѣ, потому что Виммернъ не хотѣлъ меня назвать ему, для доклада Полторацкому. Виммернъ закупилъ разной провизіи и мы обѣдали на первой станціи отъ Ярославля.

На третій день пріѣхали мы въ Рыбацкую, около полудня. Здѣсь обѣдали. По окончаніи стола, сказалъ я Виммерну: „пора, кажется, ѣхать“.

— Мнѣ велѣно привезти васъ въ Петербургъ ночью.

Я задумался. Ночью,—для чего это?—спросилъ я самаго себя, и легъ на диванъ. „Я усну пока“, сказалъ я, обернувшись къ спинѣ дивана, и предался моимъ мечтаньямъ и догадкамъ, какъ будто это къ чему повести могло. Однако это укрѣпило духъ мой. „Будетъ, что Богу угодно“, сказалъ я, и попросилъ чаю съ ромомъ. Я думаю, если бы я попросилъ шампанскаго, и то бы мнѣ отказано не было.

Смерклось уже, когда мы выѣхали изъ Рыбацкой и въ половинѣ осьмага часа подъѣхали къ зданію главнаго штаба. Виммернъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ стоялъ часовой, который караулилъ бездну ящиковъ, готовыхъ къ отправленію въ разные мѣста Россіи, съ военными снарядами, и просилъ меня подождать, пока доложить о пріѣздѣ моемъ дежурному генералу Потапову. Чрезъ $\frac{1}{2}$ часа явился Виммернъ, и сказалъ мнѣ:

— „Потаповъ въ эрмитажѣ, гдѣ дается пѣса; я доложилъ ему о пріѣздѣ вашемъ; онъ поспѣшилъ къ Чернышеву, а этотъ къ государю, который приказалъ Потапову немедленно ѣхать домой, чтобы васъ принять“.

Вдругъ услышалъ я, что въ коридорѣ запираютъ двери. Виммернъ побѣжалъ одинъ и, возвратясь, сказалъ мнѣ: „пожалуйте къ генералу; но закутайтесь въ шубу и нахлобучьте шапку, чтобы никто васъ не видалъ въ лицо“.

— Это что такое? — сказалъ я.

Виммернъ закуталъ меня, надвинулъ фуражку на глаза, — и повелъ, какъ слѣпого. Долго вели меня; наконецъ остановили, сняли шубу, фуражку, и я очутился въ большой комнатѣ, похожей на столовую. Виммернъ отворилъ находящуюся предъ нами дверь, и я вошелъ въ голубую комнату, родъ гостиной, гдѣ меня встрѣтилъ Потаповъ, и сказалъ мнѣ:

— „Мнѣ очень жаль, что мы возобновляемъ знакомство въ столь неприятное время“.

— Я отнюдь не жалѣю, отвѣчалъ я; ибо честный человѣкъ выше всѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ, каковы бы они не были.

— „Я этого отъ васъ и ожидалъ, сказалъ онъ мнѣ. Сядемте; вы, я думаю, устали. Я велю подать чаю“.

Онъ подошелъ къ снурку и позвонилъ. Въ сосѣдней комнатѣ собирали чашки и все утихло. Потаповъ вышелъ, принесъ чайный приборъ, и все къ нему принадлежащее. Сдѣлалъ чай, подчивалъ меня, и сказалъ: „мы можемъ говорить свободно; никто насъ не услышитъ“.

Начался разговоръ слѣдующій: „что васъ понудило написать такое странное письмо къ императору?“

Я рассказалъ ему все вышеприведенное. „Голицынъ скверный человѣкъ; сдѣлалъ императору десять доносовъ, самыхъ нелѣпыхъ, на васъ. Императоръ хохоталъ; но вы двора не узнаете. Все то, что было при васъ, того уже нѣтъ“.

Такимъ образомъ разговоръ продолжался до ужина. Здѣсь произошло то же, что и во время чаю. Потаповъ самъ принесъ ужинъ, тарелки и прочее; выпили шампанскаго за добрый успѣхъ. Послѣ ужина, явился, по звонку, офицеръ въ гарнизонномъ сюртукѣ съ эполетами. „Онъ отведетъ вамъ квартиру, прислугу и все, что вамъ нужно будетъ; приваживайте ему, и все исполнится“.

Мы простились. — *C'est apparemment geôlier* ¹⁾? — сказалъ я Потапову, по французски.

¹⁾ „Вѣроятно это мой тюремщикъ“.

— „Non, отвѣчалъ Потаповъ, il doit remplir tout ce que vous lui ordonnerez“ ¹⁾.

Окутали меня опять, чтобы никто меня не узналъ; повели чрезъ дворъ по лѣстницѣ и ввели въ довольно большую комнату, — родъ прихожей, гдѣ стояли три человѣка въ писарскихъ сюртукахъ, съ узкимъ галуномъ по воротнику.

— Эти люди къ вашимъ услугамъ, — сказалъ тотъ же офицеръ. Два часовыхъ стояли у дверей, которыя офицеръ растворилъ. Мы вошли; среди комнаты стоялъ большой столъ, на которомъ лежали стопа бумаги, чернила и перья.

„Эта комната для вашихъ занятій“, сказалъ офицеръ; потомъ, отворивъ другую дверь, сказалъ: „а это ваша спальня“.

— Какъ, отвѣчалъ я, эта зеленая кровать съ госпитальными одѣялами должна быть моею постелью?

Офицеръ стоялъ, какъ будто пораженный. — „Прикажете ее вынести? Какъ же будете вы почивать“.

— На моей шубѣ; у меня есть и кожаная подушка, а эту прикажете вынести.

Когда это было исполнено, спросилъ я офицера: „что значать эти часовые? Что я подъ арестомъ, что-ли?“

— Такъ приказано, — отвѣчалъ онъ. — Я вышелъ въ первую комнату, взялъ бумаги и написалъ Потапову слѣдующее:

„По письму моему къ императору, я просилъ добровольно предстать предъ лицомъ его величества. Меня привезли. Со мной бумаги, писанныя рукой императора Александра I-го. Часовые стоятъ у дверей, какъ будто сторожатъ арестанта; слѣдовательно и бумаги Александра подъ арестомъ. Прошу насъ избавить отъ ареста и часовыхъ удалить. Бѣжать, или выскочить изъ окна, мнѣ не возможно; слишкомъ высоко, и я ни къ тому, ни къ другому не способенъ. Часовыхъ не нужно меня стеречь! Я ковь де-Сангленъ“.

Я простился съ офицеромъ, сказавъ: „отдайте эту записку генералу Потапову,“ — легъ, не раздѣваясь, на свою шубу, и отъ усталости вѣрно заснулъ.

На другое утро, явился офицеръ съ коробомъ, въ которомъ

¹⁾ „Нѣтъ, отвѣчалъ Потаповъ, онъ обязанъ исполнять все, что вы ему прикажете“.

лежали: чайный приборъ, фунтъ чаю, бутылка рому и булки. Разставивъ все, сказалъ мой офицеръ: „по приказанію императора, караула болѣе нѣтъ“.

— Какъ это случилось? спросилъ я.

— „Вашу записку отправилъ генералъ Потаповъ къ графу Чернышеву, а этотъ къ императору, и велѣно снять караулъ“.

Это все идетъ изрядно, сказалъ я про себя; что-то будетъ далѣе? Къ обѣду принесъ мой офицеръ, въ мѣдномъ судкѣ, подозрительнаго содержанія кушанье. Опять пошла записка къ Потапову:

„По милости въ Божѣ почивающаго императора я имѣю 4 т. р. жалованья, и сверхъ того я не совсѣмъ нищій, чтобы глотать подобный обѣдъ. Я прошу позволенія, послать въ лучшую гостиницу за приличнымъ обѣдомъ“.

Черезъ часъ получилъ я отъ Потапова: *assordé* ¹⁾). Но до этого не дошло; явились приставленные ко мнѣ люди, накрыли на столъ и подали славный обѣдъ.

— „Отъ кого?“ спросилъ я.

— Не знаемъ,—былъ отвѣтъ.

Провелъ дня два въ скучномъ одиночествѣ. На третій день явился ко мнѣ Потаповъ.

— „Наряжена комиссія для допроса; будьте готовы къ 11-ти часамъ“;—сказалъ онъ мнѣ.

— Я готовъ,—отвѣчалъ я; а что? и вы членъ комисіи? спросилъ я.

— „Не удостоенъ,—отвѣчалъ Потаповъ. Приходите ко мнѣ, васъ проведутъ съ задняго крыльца; я введу васъ въ этотъ арестъ, и самъ уйду“.

Къ 11 часамъ пришелъ я къ Потапову.

„Мы въ мелочахъ очень аккуратны,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы; еще десяти минутъ нѣтъ, лишь ударило одиннадцать“;—онъ отворилъ дверь, ввелъ въ ту же голубую комнату, гдѣ вокругъ стола сидѣли трое генераловъ, а четвертый стулъ былъ порожній.

Потаповъ ушелъ, и я сдѣлалъ три шага впередъ. Никто не трогался съ мѣста, и я тоже. Наконецъ всталъ гр. Чернышевъ

¹⁾ Разрѣшено.

и сказалъ мнѣ: „Какъ мы давно съ вами не видались, Яковъ Ивановичъ!“

— Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ я, какъ вы послѣ Бородинскаго привезли Кутузову орденъ Св. Георгія I-й степени.

— „А меня узнали-ли вы?“ спросилъ гр. Орловъ.

— Вы такъ выросли, что трудно было бы узнать того поручика, который, послѣ Бородинскаго сраженія, лежалъ въ моей бричкѣ.

— „А это молодой генералъ, котораго вы знать не можете— это Владиміръ Ѳеодоровичъ Адлербергъ“.

— Не сынъ ли того подполковника Адлерберга, который убитъ въ Шведскую кампанію?—сказалъ я.

— „Такъ точно“,—отвѣчалъ онъ.

— Je suis donc en pays de connaissance; tant mieux!

Гр. Чернышевъ просилъ меня сѣсть на четвертый стулъ, и вотъ мы всѣ усѣлись. Гр. Чернышевъ открылъ лежащій передъ нимъ портфель, вынулъ изъ него бумаги и, подавъ мнѣ, спросилъ: „вы это писали“?

Я посмотрѣлъ и сказалъ: это мое письмо къ императору.

— „По приказанію императора, растолкуйте намъ его“.

— Оно написано, кажется, по русски и если непонятно иностранцамъ, я не виноватъ.

— „Начало вашего письма странно: какія это обстоятельства?“

— Просто, польская война.

— „Да, мы этого не поняли“.

— А кажется было близко.

— „Государь приказалъ, чтобы вы намъ представили всѣ акты и документы, которые у васъ въ рукахъ“.

— Крайне сожалѣю, что не могу исполнить этого приказанія; оно противурѣчило бы письму моему, въ которомъ я изъяснилъ, что готовъ одному царю ихъ представить; царь не умираетъ, а придворные смѣняются.

— „Мы довѣренныя особы у государя“.

— Вѣрю и радуюсь; а все-таки бумагъ не отдамъ. Что касается до приказанія государя, то я уже объяснилъ; теперь прибавлю только: можетъ быть находится въ нихъ что-либо о васъ, графъ, чего вамъ знать не нужно.

— „Такъ мы требуемъ отъ васъ“.

— Доложите государю, что у меня ихъ отнять можно только у мертвого. Я пребуду вѣренъ императору Александру, который запретилъ мнѣ кому-либо показывать; и я приказаніе его исполню, хотя и улыбки отъ покойнаго императора получить болѣе не могу. Царь другое дѣло, отъ него ничего не должно быть скрыто.

— „Что же? сказалъ графъ Орловъ; Яковъ Ивановичъ правъ; мы это доложимъ государю; увидимъ, что онъ прикажетъ“.

Адлербергъ присталъ къ нему и гр. Чернышевъ, немного съ гнѣвомъ, сказалъ: „такъ засѣданіе наше кончилось.“

Тутъ вошелъ Потаповъ. Графъ Чернышевъ взялъ его подъ руку и началъ о чемъ-то съ нимъ говорить; а я разговаривалъ съ Орловымъ и Адлербергомъ.

По окончаніи секретнаго разговора съ Потаповымъ, всѣ разѣхались; остались мы двое.

— „Votre premier début à Pétersbourg est magnifique“ ¹⁾; сказалъ мнѣ Потаповъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ я; да что-то будетъ далѣе.

— „Чернышевъ объявилъ мнѣ, сказалъ Потаповъ: государь желаетъ, чтобы вы отвели де-Санглену комнату у себя, и чтобы онъ имѣлъ столъ и все прочее у васъ“.

Вслѣдствіе чего, меня вытащили изъ заточенія. Часа чрезъ два пріѣхалъ графъ Чернышевъ и объявилъ мнѣ, что государь приказалъ мнѣ запечатать всѣ документы тремя печатами, и чтобы я былъ увѣренъ, что никто, кромѣ его, ихъ не увидитъ.

Я спросилъ: могу-ли ихъ препроводить при письмѣ къ государю?

— „Онъ того ожидаетъ“.

Поселясь въ новой моей чистой квартирѣ, собралъ всѣ бумаги и отправилъ ихъ за тремя печатами къ государю при слѣдующемъ письмѣ:

„Всемиловѣйшій государь! Вѣрноподданническое мое письмо изъ Москвы, писанное въ убѣжденіи, что лично удостоюсь счастья изложить предъ августѣйшимъ лицомъ вашимъ то, чѣмъ былъ, есть и чѣмъ быть готовъ,—желаннаго для меня успѣха не имѣло. Я получилъ сію минуту, отъ гр. Чернышева, высочайшее повелѣніе, представить всѣ бумаги въ запечатанномъ тремя пе-

¹⁾ „Вашъ первый дебютъ въ Петербургѣ превосходенъ“.

чатами канвертъ къ вашему императорскому величеству. Повинуясь священной волѣ вашей, повергаю оныя къ стопамъ моего монарха; но не могу, имѣя многихъ враговъ, враговъ истины святой, утаить предъ вашимъ величествомъ, что желалъ-бы укрыть оныхъ отъ зависти и злобы. Вамъ довѣрялъ я, Государь! въ письмѣ моемъ, по собственному добровольному побужденію, участь мою. Вамъ, справедливости вашей единственно довѣряю я оную и теперь. Дерзаю изложить краткое описаніе бумагъ“.

Во второмъ отдѣленіи письма говорилъ я о службѣ и характерѣ моемъ. Бумаги, сюда принадлежащія, суть: сдача дѣлъ начальнику главнаго штаба, отданныхъ подъ росписку директора канцеляріи главнаго штаба, кн. Меншикова; засимъ, инструкція бывшаго настоящаго моего мѣста директора центральной канцеляріи, всѣ прочія мои должности были для открытія (сокрытія?) сей настоящей, которая раздѣлялась на двѣ части: 1) скрытая отъ министра принадлежала государю; 2) военнаго министра передана въ оригиналъ начальнику главнаго штаба; копія съ послѣдняго обо мнѣ указа. Всѣ аттестаты о службахъ моихъ. Краткое мое мнѣніе о высшей полиціи, коимъ государь повелѣлъ мнѣ руководствоваться; къ сему дерзнулъ я присовокупить двѣ бумаги, кои докажутъ попеченіе мое и въ деревнѣ о благѣ ближняго. Наконецъ, благодарность комитета за труды мои во время ожиданія въ уѣздѣ холеры, отъ которой онъ избавился. Всѣ сіи бумаги свидѣлствуютъ о моемъ служеніи и характерѣ. Фельдъегерскаго корпуса поручикъ Виммеръ можетъ засвидѣтельствовать о плачѣ моихъ людей, безутѣшныхъ, когда страшились лишиться своего благодѣтеля, видя меня отъѣзжающимъ съ фельдъегеремъ.

Въ третьемъ отдѣленіи моего письма дерзнулъ изъяснить желаніе, представить августѣйшему лицу моего монарха мою правоту, драгоценными для меня документами, писанными рукою моего императора. Это нѣсколько записокъ императора, оставленныхъ имъ у меня, за исключеніемъ тѣхъ, кои угодно было ему удержать у себя,—записокъ, драгоценныхъ для меня, ибо доказываютъ отчасти тѣ отношенія, въ кои я императоромъ поставленъ былъ.—Къ симъ присовокуплено мнѣніе мое о министерствахъ, сочиненное по волѣ императорской, воспослѣдовавшей послѣ продолжительнаго разговора о несвязности всего зданія сего. Всѣ замѣтки карандашемъ сдѣланы рукою императора. Вслѣдствіе сего уни-

чтожено только министерство полиціи, а передача дѣлъ гр. Аракчееву остановила извѣстныя мнѣ преднамѣренія императора. Первое отдѣленіе и заключеніе вѣрноподданническаго письма моего содержать вѣратцѣ, что въ нынѣшнія времена, каждый человѣкъ, чувствуя себя, по справедливости, способнымъ на истинную службу, долженъ, хотя и былъ бы отринуть, предложить свои способности на пользу общую, и съ откровенностію указать на то, что въ послѣдствіи времени вреднымъ быть можетъ. Здѣсь я останавливаюсь: „Есть, государь, предметы, кои суть собственность царей; объ нихъ съ другими говорить, о нихъ писать не должно. Тайное глубокомысленное взвѣшиваніе предметовъ и твердое исполненіе суть единственныя средства къ достиженію государственной безопасности. Повергая, по волѣ вашей, все къ стопамъ вашего императорскаго величества, скорблю, что бумаги лишены истолкованія причинъ, производившихъ оныя на свѣтъ. Это мертвыя буквы. Душа, жизнь оныхъ, были сужденія государя. Исполняя священную волю вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь со слезами умолять васъ, государь, приказать возвратить меня семейству, оставленному мною въ горестнѣйшемъ объ участи моей страданіи. Добрый гражданинъ и вѣрный сынъ отечества узнается по тому, хорошій ли онъ семьянинъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастье быть, всемилостивѣйшій государь! вашего императорскаго величества вѣрноподданный Яковъ де-Сангленъ“.

Два дня провелъ я у Потапова весело и пріятно. На третій день вошелъ онъ ко мнѣ съ запискою въ рукахъ отъ императора, писанною карандашемъ, слѣдующаго содержанія:

— „Пришлите мнѣ вашего гостя сегодня, въ 7 часовъ вечера. За нимъ пріѣдетъ фельдъегерь“.

— Приготовьтесь, сказалъ мнѣ Потаповъ; въ половинѣ 7-го часа, пожалуйте ко мнѣ.

Онъ вышелъ; хотя желаніе мое исполнилось, но какъ-то мнѣ было не ловко. Въ чемъ мнѣ ѣхать?—думалъ я; напялить мундиръ, ордена? Гадко! Мундиромъ, орденами не удивишь; и стянутый, менѣе свободенъ буду. Поѣду въ моемъ черномъ сюртукѣ. Спросать; я не безъ языка. Рѣшено; и я такъ пошелъ къ Потапову.

— „Что же вы безъ мундира?“ спросилъ онъ.

— На что онъ? Привезли съ фельдъегеремъ; прячутъ отъ людей; а я расфрантись. Такъ лучше, гражданинъ вселенной...

— „Ну, какъ хотите; какъ бы это не выскалось? Любить форму, вытяжку“.

— Такъ и быть; пусть спросить, отвѣчалъ я.

— „Этого не будетъ; а арестовать можно“.

Я засмѣялся: „что-жъ? и это не дурно! это только все усовершенствуется. Привезли будущимъ съ фельдъегеремъ, пратали и арестовали“.

— „А это что у васъ?“

— Портфейль съ бумагами.

— „Этотъ не въ модѣ“.

— Я съ нимъ ходилъ къ императору Александру.

— „Возьмите мой; онъ легче, и форменный“.

Я переложилъ бумаги, и мы вышли въ залу, гдѣ уже стоялъ чистенькій, гладенькій, напудренный фельдъегерь, готовый принять меня подъ свое покровительство. Онъ непрерывно смотрѣлъ на часы; еще они не ударили 7 часовъ, какъ фельдъегерь сказалъ Потапову: „Пора, ваше превосходительство!“ Съ Богомъ! сказалъ Потаповъ; мы простились, и я сѣлъ съ фельдъегеремъ въ сани. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и мы помчались во всю прыть по дворцовой площади. Я полагалъ по направленію: не остановимся-ли мы у маленькаго подѣзда императора Александра? Нѣтъ! обогнули дворецъ и полетѣли по набережной.

— Ага! думалъ я; не въ вѣрность-ли?

Вдругъ лошади остановились не подалеку отъ бывшаго Салтыковскаго подѣзда. Фельдъегерь выскочилъ изъ саней и помогъ мнѣ выйти. Мы вошли въ обширныя теплыя сѣни; предъ нами была стеклянная дверь, у которой стоялъ часовой. Фельдъегерь положилъ подлѣ него мою и свою шубы, фуражки, и отворилъ дверь. Мы входили по прекрасной мраморной лѣстницѣ, съ позолоченными перилами, окончившейся маленькою площадкой. Фельдъегерь постучался въ дверь, тремя магическими ударами, что меня крайне удивило. Зазвенѣлъ ключъ, и высунулъ изъ дверей голову человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ, съ краснымъ воротникомъ и бѣлой опушкой; онъ посмотрѣлъ и немедленно заперъ дверь на ключъ. Черезъ нѣсколько времени, дверь отворилась, и въ дверяхъ стоялъ самъ императоръ. Онъ указалъ пальцемъ фельдъегерю идти внизъ, а мнѣ махнулъ рукой войти.

Лишь я вошелъ, императоръ заперъ дверь и скорымъ боль-

шимъ шагомъ пошелъ впередъ; я за нимъ бѣжалъ съ поспѣшностію. Мы прошли нѣсколько комнатъ; наконецъ, государь остановился въ небольшой зеленой комнатѣ, гдѣ вся мебель была обита зеленымъ атласомъ, а между двумя окнами стояло большое зеркало, у рамокъ котораго стояли два канделябра, въ каждомъ по 6 свѣчъ. Императоръ остановился посреди комнаты, и рукой показалъ мнѣ стать поближе, сказавъ:

— „Вы хотѣли меня видѣть; вотъ я“.

Я поклонился.

— „Я читалъ ваши бумаги, и жалѣю, что вы мнѣ прежде не написали“.

— Я имѣлъ счастье два раза писать къ вашему императорскому величеству и получилъ отвѣтъ отъ гр. Бенкендорфа.

— „Я ничего не получалъ“.

Я взялъ изъ портфеля два письма гр. Бенкендорфа и подалъ государю.

— „Это за этими господами бываетъ; они содержатъ все въ тайнѣ, и отвѣчаютъ за меня. Я прочелъ ваше мнѣніе о жандармахъ; видѣлъ и рѣшеніе брата; это его рука; по какому случаю это было?“

— Марезъ Пиньяти изъ Вѣны прислалъ покойному государю планъ учрежденія жандармовъ въ Россіи. Государь передалъ мнѣ оный съ тѣмъ, чтобы я подалъ о томъ свое мнѣніе, которое ваше величество прочесть изволили.

— „Да, вы не охотники до этой команды. Что вы о нашихъ жандармахъ думаете?“

— Я не знаю подробностей этого учрежденія, и судить о немъ не могу.

— „Вы избѣгаете отвѣта; можете говорить прямо“.

— Если прикажете, то я, какъ вѣрноподданный, долженъ вашему величеству признаться, что мнѣ, какъ и всей Россіи, эта команда не по нутру.

— „Отчего это?“

— Оттого-ли, что вѣрноподданническая преданность подданныхъ вашего величества тѣмъ оскорбляется, когда къ ней выказывается какъ будто недовѣріе, или что вообще доносы, дѣлаемые по необходимости этого учрежденія, вынудить могутъ царскій гнѣвъ, и тѣмъ разрушаютъ тѣсную связь между любовью народа и царя.

— „Мнѣ ваша откровенность нравится. Я самъ готовъ за правду умереть“.

— Помилуйте, государь, это можетъ быть необходимо въ нашемъ положеніи, но не въ вашемъ. Всѣ мы молимся о сохраненіи дней вашихъ.

— „Это умно и ловко“, сказалъ государь улыбаясь. „Я испытую вашу откровенность; у меня есть доносъ на всю Россію кн. А. Б. Голицына; онъ ужаснулъ меня. Нѣтъ пощады никому; по мнѣнію его, я окруженъ измѣнниками, даже не пощажень кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, котораго я люблю. Ему довѣряю я жену, дѣтей, во время моихъ отъѣздовъ; епѣи поиз поиз сопвепопз, прибавилъ государь, и я долженъ въ немъ сомнѣваться. Вы были тогда сами дѣйствующимъ лицомъ; и объ васъ упомянуто. Вы можете мнѣ объяснить всѣ обстоятельства этого времени. Я вамъ отдамъ эти бумаги, объясните ихъ, и не затрудняйтесь моими замѣтками, сдѣланными карандашемъ. Когда вы это окончите, пришлите мнѣ все въ запечатанномъ тремя печатами пакетѣ“.

Съ этими словами, государь вышелъ, но скоро возвратился съ огромнымъ фоліантомъ, съ большимъ оберточнымъ листомъ, сургучемъ и печатью. Онъ приказалъ мнѣ фоліантъ завернуть въ бумагу и запечатать тремя печатами. Это была маленькая государственная печать. Когда я исполнилъ приказаніе, государь отдалъ мнѣ пакетъ, сказавъ:

— „Я буду ожидать вашего отвѣта на эту громаду. А прогроз¹⁾, прибавилъ онъ; за что Московскій Голицынъ такъ на васъ сердитъ?“

— Не понимаю, государь! Вѣроятно, былъ обнесенъ, оклеветанъ окружающими его.

— „А съ Давыдовымъ²⁾ что у васъ было?“

— Тоже ничего, государь! Мы оба были выбраны начальниками надъ округами, учрежденными для охраненія отъ холеры. Кн. Голицынъ объявилъ въ вѣдомостяхъ о славномъ учрежденіи Давыдова относительно холеры, и приказалъ всѣмъ руководствоваться его учрежденіями. Я поѣхалъ къ Давыдову; онъ оставилъ

¹⁾ Кстати.

²⁾ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ—извѣстный партизанъ въ 1812 г., военный писатель и поэтъ.

меня почевать; учреждений я никаких не нашел; а на другое утро просилъ онъ меня выслушать сочиненіе: біографію генерала отъ кавалеріи Раевского. Я откровенно замѣтилъ ему, что много либеральныхъ, не умѣстныхъ идей, печатаніе которыхъ опасно. Онъ донесъ кн. Голицыну, что я долженъ быть шпионъ; а кн. Голицынъ довелъ это до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Это было причиною моего всеподданнѣйшаго письма къ вамъ, государь!

— „Какъ могли вы подумать, чтобы я повѣрилъ Давыдову, котораго выгналъ Паскевичъ изъ арміи; а этого я уважаю, какъ только сынъ можетъ уважать отца; и тому Давыдову вѣрить, который у театра дрался съ простымъ жандармомъ“.

Я всего этого, государь, не зналъ.

— „Я читалъ и письма брата къ вамъ, а желалъ-бы ихъ оставить у себя“.

— Противиться волѣ государя я не смѣю; но не могу скрыть моего прискорбія разлучиться съ ними. Это лучшія доказательства, для дѣтей моихъ, лестныхъ отношеній императора.

— „Это похвально, если вы ими такъ дорожите“. Я удержу только тѣ, которыхъ въ партикулярныхъ рукахъ оставлять не должно, а прочія возвращу“.

— Какъ вамъ угодно, государь!

Послѣ этого, государь махнулъ мнѣ рукою въ знакъ прощанья.

Я подошелъ къ государю и сказалъ: осмѣливаюсь просить ваше императорское величество позволить мнѣ увѣдомить жену и дѣтей о счастливомъ прибытіи, и что я свободенъ въ Петербургѣ.

— „Скажите Потапову, послать фельдъегеря“.

— Ради Бога, государь, не фельдъегеря! это опять всѣхъ перепугаетъ; позвольте писать по почтѣ.

— „Пишите, что вы были у меня, что я вами доволенъ“.

Я поклонился.

Государь проводилъ меня, отворилъ дверь, закричалъ: „фельдъегеря!“ Я опять поклонился. Государь кивнулъ головою и заперъ дверь. Возвратясь къ Потапову, нашелъ я тутъ гр. Чернышева и гр. Орлова.

— „Гдѣ вы такъ долго были?“ спросилъ Чернышевъ.

— У государя, отвѣчалъ я.

— „А это что?“ спросили всѣ.

— Пакетъ, полученный отъ государя; посмотрите на печати.

— „Что такое?“

— Третьяго дня хотѣли вы взять меня въ допросу; нынѣ, вы всѣ въ этомъ пакетѣ; и мнѣ приказано подать мое мнѣніе.

— „Если вамъ нуженъ хорошій писецъ, сказалъ Чернышевъ, то я его вамъ пришлю“.

— Понимаю, ваше сіятельство; и писарь вамъ перескажетъ, что онъ переписывалъ, а мнѣ велѣно содержать все въ тайнѣ. Поворно благодарю; самъ кое-какъ перепишу.

Обратясь къ Потапову, сказалъ я: „Покойный государь по вечерамъ поилъ меня чаемъ; нынѣшній государь этой *courtoisie* не имѣетъ; не угодно-ли вамъ вознаградить это лишеніе? Языкъ изсохъ“.

Подали чаю; начались разспросы, гдѣ государь меня принималъ. Я имъ разсказалъ. Хотѣли узнать, что государь говорилъ. „Это спросите у самаго царя, а мнѣ повелѣно молчать“.

Гр. Чернышевъ взялъ меня подъ руку, сказавъ: „Я объявилъ Потапову, что государь приказалъ каждый день, послѣ обѣда, возить васъ по городу въ каретѣ и показать вамъ всѣ постройки“.

Пришедши въ мою комнату, я тотчасъ принялся читать порученный мнѣ фоліантъ, и на каждый пунктъ писалъ мои опроверженія.

Прописывать здѣсь огромный этотъ доносъ и почти не менѣе обширное данное мною опроверженіе было бы не у мѣста ¹⁾. Скажу вкратцѣ: доносъ былъ едва-ли не на всѣхъ, окружавшихъ покойнаго государя и оставшихся при Николаѣ I. Всѣ были объявлены иллюминатами: кн. Александръ Ник. Голицынъ, Кочубей, Сперанскій и прочіе; самъ императоръ Александръ, даже митрополитъ Филаретъ, безъ малѣйшихъ доказательствъ.

Я все опровергалъ, съ надлежащими доводами, и объявилъ доносителя фанатикомъ.

Слѣдствіемъ того было освобожденіе кн. Андрея Борисовича

¹⁾ Отъ Ред. „Русской Старины“: Исторіографъ „Царствованія и воцѣленія Александра I“, генералъ-лейтенантъ М. И. Богдановичъ, передалъ намъ, прсѣхъ своею кончиною, именно 7-го іюля 1882 г., два списка Записокъ Я. И. де-Санглена. Въ одномъ изъ нихъ, и именно въ спискѣ позднѣйшемъ, есть двѣ неоконченныя конціи тѣхъ всеподданиѣйшихъ записокъ, какія де-

Голицына изъ Шлиссельбургской крѣпости, а съ нимъ вмѣстѣ и купца Варгина.

Окончивъ огромный этотъ трудъ, я отправилъ его къ императору, какъ приказано было, за тремя печатами. Государь былъ имъ доволенъ, сказавъ:

— „Я вашей бумагой доволенъ; у васъ лица въ сторонѣ. Вы доказываете и опровергаете все самими происшествіями и духомъ того времени; но я вамъ приказываю, когда выпущу кн. Голицына, съ нимъ не знакомиться и никакой переписки не имѣть“.

На другой день получилъ я отъ гр. Чернышева слѣдующее письмо:

Сангленъ представилъ въ февралѣ 1831 г. императору Николаю Павловичу, во исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Помѣщаемъ эти неоконченныя страницы, дающія одною понятіе о всемъ трудѣ де-Санглена, вызвавшемъ благодарность государя Николая Павловича. Вотъ онѣ:

Письма къ императору Николаю I по окончаніи разбора бумагъ князя А. Б. Голицына.

представленнымъ его императорскому величеству Яковомъ Ивановичемъ де-Сангленъ.

I.

С.-Петербургъ. 1831 года февраля 20-го дня.

Во всѣхъ бумагахъ сихъ, намековъ, удареній на лица—пропастъ; доносовъ—гибель; лжи—ненасчетно,—и едва ли можно доселѣ еще принять что либо въ доказательство. Не менѣе того, если и обратить вниманіе на это зданіе сплетней, и приступить къ дѣйствию, — съ другой стороны, нельзя окончательно предположить, чтобы въ сихъ бумагахъ чего нибудь не крылось; но что такое? отъ кого? На что поставилъ меня, котораго не зналъ? Если, государь! не желаете дѣло предать забвенію, такъ какъ оно не имѣетъ никакихъ основательныхъ доказательствъ, или на время его оставить, приказавъ слѣдить за нимъ, не откроется ли что впослѣдствіи; то вотъ чѣмъ надо пополнять. Удостоенный разсмотрѣніемъ сихъ бумагъ, по долгу присяги, совѣсти и чести, осмѣливаюсь повергнуть планъ дѣйствій. Усердіе чистое мое примите, Государь!

Нужно избрать человека вѣрнаго, знающаго, безпристрастнаго, ловкаго, облеченнаго вашею довѣренностію, чтобы стараться получить оправданіе всѣхъ лицъ въ бумагахъ сихъ поменованныхъ, объявляя цѣль уличенія клеветы.

Никто ни въ чемъ обидѣться не можетъ, особенно, когда дадутъ каждому на волю писать, что угодно, не нарушая должнаго уваженія къ снмъ особамъ. Когда всѣ отвѣты собраны будутъ, представить ихъ на воззрѣніе вашего императорскаго величества. Не блеснуть умомъ—желаніе мое, а еще менѣе завести нелепизцію; нѣтъ! но со всею откровенностію представить то, что только можетъ служить для пользы общей.

Повергая все съ вѣроподданническою преданностію, прошу ваше императорское величество, какъ милость, отпустить меня къ моему семейству.

„С-Петербургъ, 12 февраля 1831 г., № 83 л.

„Милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ былъ весьма доволенъ лично представленными вами его императорскому величеству свѣдѣніями и объясненіями по дѣламъ, до прежней вашей службы относящимся. Высочайше поручить мнѣ соизволилъ изъяснить вашему высочородію его величества благоволеніе, въ знакъ коего государь императоръ жалуетъ вамъ подарокъ, который въ слѣдъ за симъ, по полученіи изъ кабинета, мною къ вамъ доставленъ будетъ.

II.

Я читалъ съ достоюжною примѣчательностію бумаги кн. А. Б. Голицына. Прежде нежели перейду къ постепенному разбору оныхъ, необходимымъ считаю кинуть общій взоръ на сію «chambre obscure», гдѣ каждый, все и всякое проходитъ мимо очей какъ тѣнь, но тѣла не дощупаешься. Кажется, что кн. Голицынъ, вида упушенія по нѣкоторымъ частямъ государственнаго управленія, искалъ причину, корень оныхъ, и попалъ кое на что, обнаружившееся нѣкогда по нліюминатству, на людей, которые въ то время о томъ знать должныствовали, подвелъ все подъ одну единицу и мысль. Обманщикъ, обманутый, всѣ безъ разбору, по его мнѣнію, вредные нліюминаты. Увлеченный фанатизмомъ вѣковъ протекшихъ, пристрастіемъ, иногда, кажется, ненавистью къ нѣкоторымъ лицамъ, перешагнувъ за законъ нравственности, который позволяетъ разбирать дѣла людскія, а не намѣренія, отъ насъ, человѣковъ, сокрытыя, извѣстныя одному Богу сердцеѣдцу, въ запальчивости своей, забываетъ всѣ приличія, ссылается на людей, которыхъ едва въ лицо знаетъ, нѣкогда съ ними не говорилъ, а правила ихъ еще менѣе ему извѣстны, какъ напримѣръ я.

Однакожъ нельзя не отдать и той справедливости князю Андрею Голицыну, что фанатическое усердіе водило перомъ его, и что, среди пестрыхъ произведеній его испуганнаго за государство воображенія, грядетъ что-то, какъ будто основанное, ему темно понятное, похожее на карательную Немезиду, угрожающую въ будущемъ какими-то бѣдствіемъ, и что кое-гдѣ изъ развалинъ протекшаго онъ попадалъ на истину.

Приступаю къ разбору тѣхъ мѣстъ, кои въ листкахъ его до меня касаются, или, лучше, до тѣхъ временъ, въ которыхъ, близкій къ государю, я былъ свидѣтелемъ многого и дѣйствующимъ лицомъ во многомъ.

Постигая во всей полнотѣ волю его императорскаго величества, возложившаго на меня поясненія сихъ бумагъ, скажу я, какъ предъ Богомъ сердцеѣдцемъ, карающимъ рано или поздно всякую неправду, то, что знаю. Ложь всегда была мнѣ чужда!

Первая значительная бумага—письмо на высочайшее имя отъ 15-го генваря 1831 г. Я Вейсгаупта не иначе читалъ, какъ отрывками. Никакъ утверждать не могу, чтобы Сперанскій получилъ званіе регента; и принять-ли даже онъ въ нліюминаты? Ибо чѣмъ докажу это? Слышалъ отъ многихъ, но это

„Засимъ его величество, не находя болѣе нужнымъ пребываніе ваше въ С.-Петербургѣ, дозволилъ вамъ возвратиться къ семейству вашему, повелѣвъ мнѣ доставить къ вамъ прилагаемыя при семъ 3,000 р. Сообщая вашему высокородію о такомъ всемилостивѣйшемъ соизволеніи его императорскаго величества и покорно прося увѣдомить меня о полученіи препровождаемой суммы, имѣю честь быть съ достодолжнымъ почтеніемъ вашимъ покорнымъ слугою Графъ А. Чернышевъ“.

Едва успѣлъ я прибыть въ деревню къ своему семейству, получилъ я отъ князя Андрея Борисовича Голицына письмо, въ которомъ приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ деревню его, кн. Голицына, для поясненія ему по сдѣланному мною опроверженію его бумагъ. Я не отвѣчалъ ему, а по высочайшему повелѣнію отправилъ его письмо къ государю; но откуда могъ князь получить о семъ свѣдѣнія—не понимаю! Я получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ графа Чернышева:

„9 іюня 1831 года, № 310-й.

„Милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо ваше отъ 28 мая, высочайше поручить мнѣ соизволилъ васъ увѣдомить, что его вели-

ничего... Слѣдовательно, не знаю. Какая логика въ этой статьѣ, можно-ли упрекнуть иллюминатовъ въ дѣли, которая ведетъ къ мечтательному водворенію всеобщей морали? Какъ? Водвореніе всеобщей морали—мечта? Чего же требуетъ Евангеліе, какъ не водворенія морали, объяснимъ слово—нравственности? И какими образомъ мораль, нравственность, трудятся надъ низверженіемъ царей и престоловъ: Кто когда либо и гдѣ называлъ подобныя пустяки—нравственностью, моралью? Это—рѣшительно не знать, о чемъ говоришь, и этого подтвердить не могу, ибо ни о какомъ порученіи Вейсгаупта Сперанскому не знаю. Я не смѣю спросить, почему полагаютъ, будто я способенъ на подобную подлость, когда осмѣлываются такое повелѣніе влагать въ уста императора Александра. Отвергаю совершенно сію низкую и подлую клевету и готовъ утвердить присягою, для меня дѣломъ не шуточнымъ, истину словъ моихъ. Что Фесслеръ почти высланъ былъ въ Саратовъ, это я можетъ быть лучше кого либо другаго знаю, по тобъ Сперанскій всѣ проекты новыхъ постановленій посылалъ къ Фесслеру и проч.—ни утверждать, ни отрицать не могу; ибо не знаю; но сомнѣваюсь; кажется, это не ускользнуло бы. Фесслеръ былъ тогда, какъ вѣзѣстный иллюминать, подъ

(Продолженіе этого письма вѣтъ въ нашихъ рукописяхъ Записокъ Я. И. де Санглена). Ред.

чество съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ онаго новое доказательство вѣрности и усердія въ выполненіи обязанности вѣрноподданнаго, и изъявляетъ вамъ за сіе монаршее свое благоволеніе и увѣренность его величества, что похвальныя правила, на коихъ всѣ дѣйствія ваши основаны, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что вы всегда въ подобныхъ случаяхъ поступите совершенно такъ, какъ теперь съ письмомъ князя Голицына.

„Сообщая вамъ о таковомъ отзывѣ его величества, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою, графъ А. Чернышевъ“.

Я. И. де-Сангленъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. Модестъ Изв. Богдановичъ.

Примѣчаніе отъ ред. „Русской Старины“: По напечатаніи уже нами „Записокъ Я. И. де-Санглена“ по двумъ рукописямъ, полученнымъ отъ М. И. Богдановича, мы получили еще одинъ списокъ отъ другаго лица, но только списокъ первой части, именно объ императрицѣ Екатеринѣ II и ея эпохѣ. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ анекдотовъ, не появившихъ въ наши списки, помѣщено предисловіе автора ко всѣмъ его запискамъ, съ эниграфомъ.

Вотъ оно:

Je vais écrire l'histoire des affaires de mon temps, tâche délicate et périlleuse.

„По просьбѣ многихъ друзей, пріятелей, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, рѣшился я привести въ порядокъ Записки, собранныя мною въ теченіи моей жизни. Рѣшившись писать о многихъ происшествіяхъ, въ которыхъ участвовалъ я самъ, иногда какъ дѣйствующее лицо, иногда какъ зритель, другія передать хочу по дошедшимъ до меня вѣрнымъ слухамъ; я избралъ истину единственною моею руководительницею; слѣдовательно, за одно достоинство моихъ записокъ я ручаюсь смѣло—правдивость. Я не щадилъ никакого лица, ни самаго себя. Угодать самолюбію своему и другихъ можетъ полезнымъ быть для жизни, но на краю гроба, по моему мнѣнію, было бы преступно выказывать себя или другихъ лучше или хуже, чѣмъ они дѣйствительно были. Я пишу не для современниковъ, пишу, какъ будто уже меня

нѣтъ; слѣдовательно, безъ зависти, безъ злобы. Хвалить, щадить некого; лживо порицать—порицать подло. *Suum cuique!* Земныхъ интересовъ для меня уже быть не можетъ. И такъ пусть водить перомъ моимъ строгая истина: я могъ ошибаться—я человѣкъ,—но отвѣчаю за то, что умысла, злаго намѣренія не было“.

Я. де-Сангленъ.”

Примѣчаніе. Я. И. де-Сангленъ не лгалъ, заявляя въ своемъ „предисловіи“, что онъ оставляетъ записки свои только для потомства и пишетъ не для современниковъ. Доказательства на лицо. Мих. Петр. Погодинъ, при всѣхъ заботахъ и усиліяхъ, не могъ получить отъ своего пріятеля Я. И. де-Санглена ничего, кромѣ разсказа до 1796 года. Баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ также не былъ счастливѣе. Сообщивъ неважныя замѣтки о событіяхъ 1812 г. М. П. Погодину, Я. И. де-Сангленъ писалъ ему 18 ноября 1861 г.: „Вотъ все, что я могъ вамъ сказать; на остальное наложитъ императоръ Александръ I вѣчное молчаніе, и я исполню его волю до конца жизни: моей“. („Русскій Архивъ“, 1871 г., стр. 1165).

Ред.
